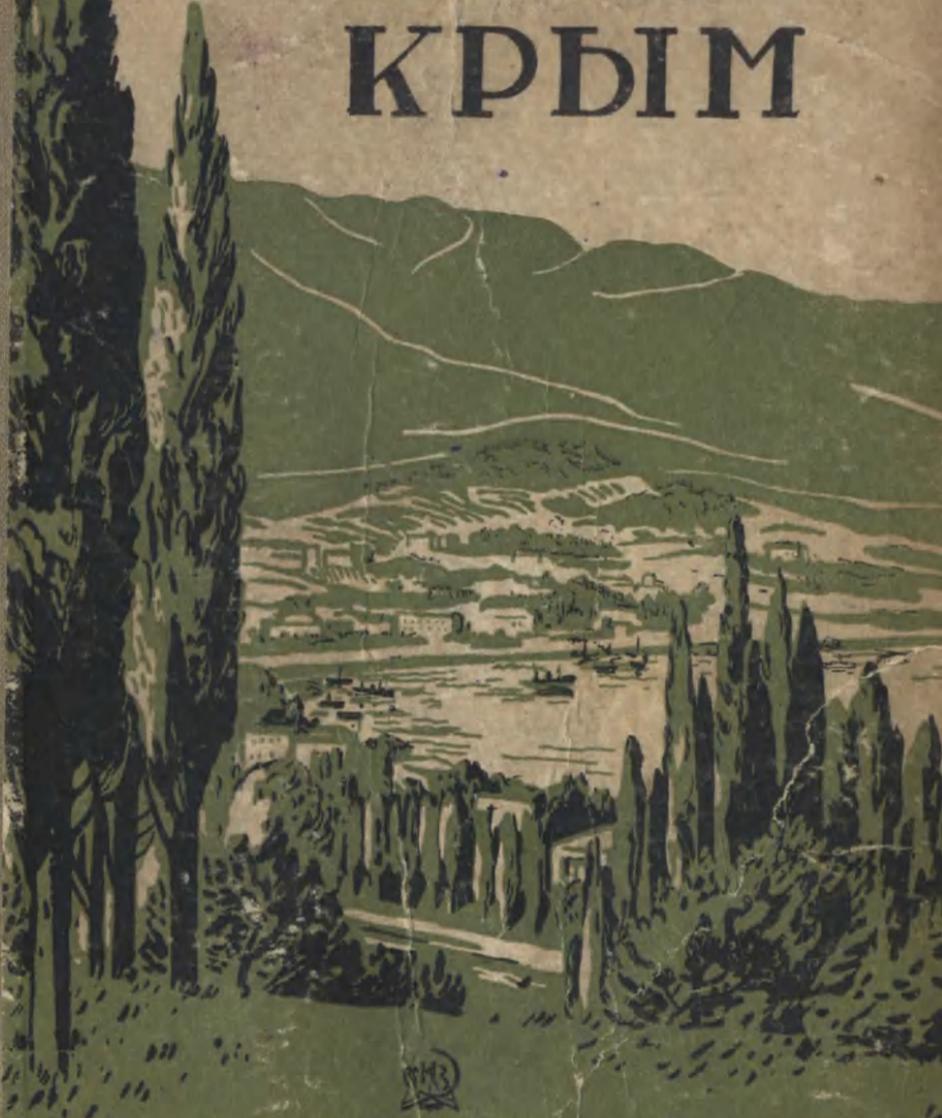

А. 5143

91(с2)
Ж 35

Ф. О. ЖАРОВ

КРЫМ

УЧПЕДГИЗ МОСКВА · 1935

Ф. О. ЖАРОВ

КРЫМ

УТВЕРЖДЕНО НАРКОМПРОСОМ РСФСР

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Крым	3
2. Пути и проходы в Крым	9
3. Степь	19
4. Города степи	27
5. Горная область	32
6. Города горной области	44
7. Яйла	60
8. Южный берег	67
9. Курорты Южного берега	80
10. Дебри Южного берега	95
11. Судак	102
12. Карадаг и Коктебель	107
13. Керчь индустриальная	113

1. Крым.

Пахнуло полынью. Темнеет луна
Я целую ночь простою у окна,
Покуда не будет на юге видна
Полоска лиловой Тавриды.

(«Скорый Крымский», Вс. Рождественский.)

На крайнем юге Европейской части Советского союза, за южноукраинскими степями, за отливающим оловом и серебром Сивашем, как драгоценный самоцвет в бирюзовой оправе теплого моря, лежит полуостров Крым.

До революции это была одна из колоний русского империализма, летняя резиденция русских царей, модный курорт русской буржуазии. После революции — это национальная республика, на автономных началах входящая в РСФСР, созидаящая свою культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию. Это — растущий центр тяжелой индустрии всесоюзного значения, сельскохозяйственный район старых и новых субтропических культур и всесоюзная здравница рабочего класса и крестьянства. На Крым приходится почти половина всего курортного хозяйства Союза. Через него проходит в год до 320 000 человек курортников (кроме экскурсантов). Он дает около 10% всесоюзного сбора желтого табака, лучшие в Союзе фрукты и консервы, виноград и вино, до 5% союзной выплавки чугуна, 20% рельс, 10—12% соли, мрамор и прочий строительный материал, идущие далеко за пределы Крыма.

Полуостров невелик. Самые большие его расстояния: от Перекопа (на севере) до мыса Форос (на юге) не более 200 км и от Тарханкутского мыса (на западе) до Еникале (на востоке) — 320 км. Его площадь всего лишь 25 300 км², а население 800 000 человек (из них 25% татар, 42% русских, 11% украинцев, остальные — десятки других национальностей).

Но на этом клочке земли такое разнообразие природных условий, исторических наслоений национальностей и форм хозяйства, какое можно встретить разве только еще на Кавказе.

Природа предстает перед нами в Крыму во всех своих формах и проявлениях: суша и море, равнины и горы, долины,

ущелья и каньоны, леса и степи, оползни и обвалы, древние вулканы и современные землетрясения, засухи и ливни, бураны и зной, пшеница и хлопок, сосны и пальмы, магнолии и дубы, кедр и бамбук.

Эту природу «гранили» (подсушали вырубкой лесов климат, изменяли старые ландшафты и создавали новые) в течение нескольких десятков веков многие народы и многие культуры. Изменяется она и сейчас.

На Крым наложили свой отпечаток древняя Греция и древний Рим, скифы и готы, итальянский Ренессанс и мусульманский Восток, торговые республики Италии и татарское ханство, мусульманская Турция и царская Россия. Как и все южные полуострова Европы, Крым имеет многовековую богатую и порой драматическую и красочную историю. Он был пунктом оживленных сношений, где сходились пути из самых различных стран: древней Греции, Малой Азии и Скифии, древней Италии, Египта, позже — Венеции, Генуи и Индии, Тибета, Китая, Польши и Руси. Крым был насосом, через который средиземноморские страны выкачивали хлеб, соль и рыбу из черноморских степей и побережий, кожи, меха и рабов с равнин Восточной Европы в обмен на металлическое оружие, шелковые и хлопчатобумажные ткани, разноцветное стекло, высокохудожественную керамику, золотые и серебряные украшения.

Как сталкиваются суша и волны во время морского прилива, так сталкивались здесь народы побережий Средиземноморья и народы огромных степных пространств Восточной Европы и Азии: с одной стороны — мореплаватели-купцы и земледельцы, с другой — кочевники.

Уже за десять веков до нашей эры проникают сюда с моря финикийцы, за ними — с IX в. до н. э. — древние греки, основавшие здесь дорический Херсонес и Балаклаву, поническую Пантикалею (Керчь), Кафу (Феодосию).

В I в. здесь появились римляне, основавшие Ай-Тодор, укрепления над Симеизом, с XII в. венецианцы (на короткое время), за ними генуэзцы, оставившие свои башни в Балаклаве, Гурзуфе, Судаке, Феодосии. Но власть этих народов ограничивалась только побережьем и редко переваливала за горный хребет в степь.

Со степей же надвигались киммерийцы, тавры, скифы, аланы, готы, гунны, хозары, печенег и другие кочевые племена. Они не ограничивались степью и нападали на цветущие колонии заморских колонистов. Но, побеждая физически, они поддавались воздействию культуры побежденных и смешивались с ними.

С XIII в. и в степи, и по побережьям прочно обосновались кочевники — татары, подпавшие затем под власть Турции и к

XVIII в. перешедшие к земледелию. С 1783 г. Крым был присоединен к России, которую торговый капитал толкал на захваты морей. В результате же этого присоединения и погромной политики царизма возникла массовая эмиграция крымских татар в Турцию (в Малую Азию и на Балканы). Волны этой эмиграции были особенно велики после каждой русско-турецкой войны. И после каждой такой эмиграционной волны дичали сады и виноградники, разрушались фонтаны и ирригация, превращались в руины селения.

После одной только севастопольской войны 1854—1855 гг. эмигрировало около 200 000 человек (более половины всех крымских татар) и опустело 687 селений, из которых в 315 не осталось ни одного жителя. Земли эмигрантов по большей части разобрали помещики, духовенство и те татарские мурзы, которые держали «русскую руку» и были возведены в русское дворянство. Много земли, и притом самой лучшей, взял сам царь и члены его семьи.

Накануне революции (в 1916 г.) из всей земельной площади Крыма в 2 470 000 десятин помещикам принадлежало 68,9%, уделам, духовенству и учреждениям — 12,7%, а крестьянству только — 18,4%. Но и из этой крестьянской земли $\frac{3}{4}$ ее принадлежало кулакам. Около 40% всех крестьянских хозяйств были безземельны.

Царское правительство и мусульманское духовенство сделали все, чтобы сковать и затормозить развитие национальной татарской культуры. До революции татары могли учиться только на русском языке или в своих религиозных школах — мектебе — на арабском (для чтения корана). Их грамотность не превышала 18%.

Во время гражданской войны в Крыму оменилось немало различных правительств: немцы-оккупанты и с ними панисламисты, «великодержавные» деникинцы, врангелевцы. Каждый из них при своей очередной эвакуации тащил с собой все, что только мог — пароходы и суда, табак со складов, ковры и драгоценности из дворцов, золото из банков, машины с заводов, скот и семенное зерно с крестьянских полей. Советская власть прочно утвердилась здесь только в конце 1920 г., т. е. почти на три года позже, чем в других районах.

В 1921 г. Крым поразил голод. Умерло, поразбежалось и поразъехалось свыше 100 000 человек. Снова опустели многие деревни; на целую треть, а иные даже на половину обезлюдели города; вчетверо сократилась посевная площадь.

Однако республика успела не только залечить все раны прошлого, но и реализовать большие достижения на всех фронтах социалистического строительства и получить звание орде-

нондской. Общая посевная площадь увеличилась против довоенной в $1\frac{1}{2}$ раза и перевалила миллион гектаров. Площадь табачных плантаций больше чем утроилась. Количество орошаемых земель с 1922 г. почти удвоилось. До $\frac{4}{5}$ всей земельной площади республики передано в трудовое пользование бедняцко-середняцкого крестьянства (остальное занимают государственные леса, совхозы, курорты и города). Около 90% всех крестьянских хозяйств объединились в колхозы и вместе с совхозами заняли в 1935 г. 98% всей посевной площади. А на их полях, садах и плантациях работают 40 МТС (тысячи тракторов, 1 200 комбайнов), обработавшие около 90% всей колхозной посевной площади. Введены новые сельскохозяйственные культуры: хлопчатник (в 1932 г. 32 500 га), эфирносы, лекарственные. Сады, виноградники и табаки продвигаются в степь.

Промышленность заняла исключительно важное место в народном хозяйстве. На ее новое строительство и реконструкцию вложено за первую пятилетку более 320 млн. руб. Количество фабрично-заводских рабочих за первую пятилетку увеличилось более чем в $2\frac{1}{2}$ раза, а продукция промышленности увеличилась почти в 3 раза против довоенного и в 8—10 раз против 1920—1921 гг.¹ В общей сумме продукции промышленности и сельского хозяйства доля промышленности с 48% в 1913 г. поднялась до 70% в 1934 г. Крым из аграрного превратился в индустриально-аграрный. Заново созданы черная металлургия, коксохимия и производство томасшлаковых удобрений в Керчи, реконструировано судостроение в Севастополе и создано новое машиностроение Симферополя и Керчи. Черная металлургия вместе с машиностроением дали в 1932 г. уже 35% всей продукции промышленности Крыма. Заново перестроены и все старые отрасли, работающие на местном сельскохозяйственном сырье: плодоовощно-консервное дело Симферополя, Керчи, Феодосии и Балаклавы, табачные фабрики Керчи, Феодосии, кожевенно-обувные—Симферополя и Севастополя. Созданы новые отрасли: швейное дело и трикотаж. Проводится более равномерное распределение промышленности по территории, — кроме старых центров тяжелой и легкой индустрии всесоюзного значения, создаются новые: Бахчисарайский, Евпаторийский, Фрайдорфский, намечаются Перекопский, Джанкойский и др. Электрифицированы города, курорты и многие колхозы и совхозы, а общая мощность всех электростанций увеличилась за пятилетку почти вдвое. Организовано регулярное автобусное сообщение (Симферополь — Алушта — Ялта — Севастополь; Симферополь —

¹ 269 млн. руб. в 1932 и 316 млн. руб. в 1933 г. (в ценах 1926-27 г.).

Карасубазар — Старый Крым — Феодосия). Проведен ряд новых шоссежных дорог, железнодорожных линий. Сильно возросло за советские годы и курортное дело. Количество коек увеличилось после изгнания белых в $7\frac{1}{2}$ раз (достигло в 1934 г. 48 тыс.).

По всей республике проведено всеобщее обязательное обучение—семилетнее в городах, четырехлетнее в селах. До революции не было ни одного вуза. Теперь их семь. Кроме них — 32 техникума и 6 рабфаков. Количество в них студентов за пятилетку больше чем утроилось. Издается 76 газет на разных языках: на русском, на татарском, а также на немецком, еврейском. Ленинская национальная политика последовательно проводится и во всем советском строительстве. Нацменьшинства, даже самые маленькие, выделены в особые районы и сельсоветы. Появились татарские поэты, художники, артисты. На ежегодной крымской дрезве (олимпиаде), что теперь ежегодно происходит в Симферополе, тысячи представителей от разных национальностей, колхозов и частей Красной армии и Черноморского Красного флота в течение ряда дней демонстрируют свое единство и свои достижения на всех фронтах труда, спорта, искусства.

И на очередь дня встали новые, еще более грандиозные задачи: орошение степи водами Днепра, Кубани и Черной реки, овладение ветром Яйлы, реконструкция ее водного и растительного хозяйства, полное использование богатств Керченского полуострова, переустройство курортов Южного берега и устройство здесь парков культуры и отдыха. И когда Днепр водой и электричеством вольется в степные просторы, а ветер Яйлы электричеством загудит на всех фабриках и во всех городах, курортах и селах Крыма, придется вновь чертить его новую карту, писать новую его географию.

---

2. Пути и проходы в Крым.

«Крым» в переводе означает «крепость». Именно такой он и есть — и в природе, и в истории.

Почти со всех сторон окружает его море, и только на севере узенький Перекопский перешеек превращает его из острова в полуостров.

На западе, юге и юго-востоке омывает его *Черное море*, — часть, хотя и отдаленная, того самого лазурного Средиземного моря, которое всюду приводится как пример ласковости и красоты, которое было колыбелью всех древних цивилизаций Европы, Африки и Малой Азии и взлелеяло юность большинства современных народов Европы.

Черное море — очень глубокое, особенно у Южного берега и в центральной части, где глубина местами доходит до $2\frac{1}{4}$ км. Только к северу от Евпатории оно мелко. Оно не имеет островов и не знает ни мелей, ни рифов, ни подводных камней, а у берегов Крыма образует до 20 бухт и гаваней, из коих Севастопольская (по природе) и Феодосийская (после устройства в ней молов) — первоклассные, всесоюзные. Из всех наших морей это море самое теплое и у берегов Крыма никогда не замерзающее, утепляющее зиму Южного берега, умеряющее его летний зной.

Перепополняемое и опресняемое могучим Днпром, еще более могучим Дунаем и десятками других, менее крупных рек, Черное море свои верхние легкие воды непрерывно сливает в Средиземное море, где уровень воды при ничтожном притоке его рек и огромной испаряемости сантиметров на десять ниже, нежели уровень Черного моря и Атлантического океана. Сливают верхними быстрыми течениями через Босфор и Дарданеллы — проливы длинные (28 и 63 км), чрезвычайно узкие (от 140 до 1300 м ширины) и извилистые (русла затонувших рек), с гористыми берегами. А в обратном направлении в нижних слоях тех же проливов перекачиваются воды Средиземного моря, более теплые, но благодаря большей испаряемости Средиземного моря более соленые и потому более тяжелые, нежели воды Черного моря. Заполняя глубокую впадину Черного моря, средиземноморские воды застаиваются здесь, не перемешиваются с более верх-

ними водами Черного моря и не получают сверху кислород, без которого гаснет всякая жизнь. И глубокие пучины Черного моря, начиная с 200 м от поверхности и ниже, сплошь отравлены ядовитым газом — сероводородом, который при отсутствии кислорода выделяют падающие на дно трупы и всякая гниль. Серебряная монета, опущенная на эту глубину, чернеет, а зачерпнутая оттуда вода пахнет тухлым яйцом, и ни одно живое существо, ни одна рыба не может опуститься ниже 200 м. Поэтому бедно рыбой Черное море.

На северо-востоке омывает полуостров *Азовское море* — очень мелкое (всего лишь от 5 до 13 м), сильно опресненное (соленость от 0,8 до 1%, вдвое меньше, чем в Черном море), зимой месяца на три замерзающее, рыбой очень богатое. Многие породы рыб в поисках лучших условий находятся в постоянной кочевке — в массовом регулярном передвижении по различным водоемам. Весной рыба спешит в реки — выметать икру. Все лето она пасется на тучных пажитях Азовского моря, а затем, спасаясь от его льдов и холодов, идет на зимовку в теплое Черное море. Но неохотно покидает рыба свои любимые азовские пастбища и подолгу останавливается в Керченском проливе: ход рыбы через пролив (а вместе с ним и рыбацкая «путина») продолжается с сентября по ноябрь. Прозимовав и поголодав в малокормном Черном море, рыба ранней весной спешит в Азовское море на его обильные корма и проходит пролив на этот раз «скорым маршем» (лежебоки из рыбаков легко могут прозевать сразу всю весеннюю «путину»).

Само перепутье двух морей — перекресток «столбовых» рыбьих путей и рыбьих «привалов» — *Керченский пролив*, длинный (40 км), неширокий (2¹/₂—16 км) и мелкий (3—17 м), и есть главный рыбопромышленный район Крыма и сейчас, и в течение многих предыдущих веков. Он один дает рыбного улова втрое больше, нежели все остальные рыболовные районы Крыма, вместе взятые: Евпаторийский с его мелким «рыбьим» морем, Севастопольско-Балаклавский с его многочисленными бухтами — тихими и уютными рыбьими заводьями, Феодосийский — с его мелкими бухтами. На сырье этих более богатых рыбой районов работает рыбо-консервная промышленность Керчи, Феодосии, Балаклавы. Беднейший по рыбе район — Южнобережный с его скалистыми берегами, с очень глубоким морем у самых берегов, лишенный укрытых от бурь бухт — рыбьих пристанищ.

На севере к западу от Перекопского перешейка идет *Каркинитский залив*, настолько мелкий, что местами надо пройти километра два от берега, чтобы можно было окунуться с головой. К востоку же тянется запутанный лабиринт соленых озер (отделившихся от моря задивов), полуостровов, островов, мелководных

проливов и заливов, глубиною от $\frac{3}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ м с плоскими пустынными и голыми берегами, едва возвышающимися метра на два над водой, местами же болотистыми и топкими. Это знаменитый *Сиваш*, остатки *Гнилого моря* на различных стадиях его умирания (высыхания). Гнилым его прозвали за неприятный сероводородный запах от гниющих остатков растений и животных, проникающий здесь даже в вагон поезда. Пересекая Сиваш, поезд целыми километрами мчится над водой: то по узкой дамбе — насыпи пути, то по устоям моста через Чонгарский пролив, то опять несколько километров по дамбе через залив Сиваш. Иногда сильные ветры, сдувая воду, местами почти обнажают дно — илистое и вязкое, нередко засасывающее волов. Гнилое море — часть Азовского моря, от которого его отделяет *Арабатская стрелка* — узенькая полоска суши из нанесенных Азовским морем песков, длиною до 120 км, шириною от $\frac{1}{2}$ до 3 км, с десятком одиноко разбросанных хуторов, с соледобычей и разработкой ракушек, которыми устлано все железнодорожное полотно от Мелитополя до Севастополя. На севере Арабатскую стрелку отделяет от материка узенький (около 100 м) и мелкий Генический проливчик, соединяющий Сиваш с Азовским морем. Вода в Сиваше настолько солена, что рыба, попадающая в него из Азовского моря через Генический пролив, в большей части заливов погибает. Еще бóльшая соленость в озерах, в особенности в *Старом* и *Красном* на Перекопском перешейке. Летом многие соленые озера пересыхают, оставляя после себя белую, ярко сверкающую на солнце корку поваренной соли. До революции ее просто сгребали лопатами в кучи (видные и из окна вагона). Чтобы отдельные водоемы не имели пополнения и скорее испарялись, их отгораживают и от моря, и друг от друга.

Во времена крымских ханов и еще многие годы после их падения этой солью (и только этой) питались не только вся московская Русь, Украина и Польша, но и Прибалтика (нынешние Латвия, Литва и Эстония). В периоды затишья от войны с севера по всем «шляхам» степи десятками тысяч медленно тянулись к Перекопу и Сивашу колоритные фигуры чумаков. За одно только лето и только к Старому и Красному озерам на Перекопском перешейке приходило до тридцати тысяч чумаков, до полтора-тора тысяч их фур и до трехсот тысяч волов, а добыча соли росла вплоть до 1845 г. (до начала разработок соли Эльтона и Баскунчака, озер Сталинградского края). Со второй половины XIX в., с развитием черноморского судоходства, основные солепромысла стали перемещаться на самый берег открытого моря, поближе к портам, к Евпатории и Керчи, а соль начала перевозиться морем, чумачество же стало быстро замирать. Последний дымок чумацкой трубки на Перекопе исчез при первом паровоз-

и́м дымке первого паровоза в Крыму, вновь оживившего и соледобычу Перекопа, Сиваша и Арабатской стрелки. Сейчас все соленые промысла в Крыму механизированы, к ним проведены железные дороги (Ак-Монай — Арабат; Джанкой — Армянск); на место потерянных рынков Польши и Прибалтики соль получила новые. Для соли рыбы крымская соль — лучшая из солей и потому особенно ходко идет в те рыболовные районы, где нет своей соли (Мурман, Дальний Восток).

Самый *Перекопский перешеек* — «узкое горлышко в широкую крымскую бутылку» — полоска ровной и только местами чуть холмистой степи, шириною в наиболее узкой своей части (на севере, у селения Перекоп) от 5 до 8 км. Его здесь поперек, от моря до моря, пересекает мощный «*Турецкий*¹ вал» — уже издали видимая насыпь, высотой 15—20 м и шириною 12—15 м. Перед валом, к северу, ров глубиною 15—20 м и шириною 15—20 м. Километрах в шести к югу от вала, почти в центре перешейка, — Армянск, во время империалистической войны соединенный железной дорогой с Джанкоем. Еще дальше к югу, километрах в 15—20 от Турецкого вала, у селения Юшунь, перешеек расширяется. Но здесь он покрыт целым рядом (свыше 30) непроходимых соленых озер. Эти две природные позиции, перекопская на севере перешейка и юшуньская на юге его, надлежаще укрепленные, делают Перекопский перешеек почти неприступным: для входа сухопутной армии в Крым он то же, что Дарданеллы и Босфор для входа флота в Черное море.

Стратегическое значение перешейка было осознано уже в глубокой древности. И Перекопский вал существовал уже в I в., во времена греческих колонистов и скифов. Но особенно важное значение приобрел Перекоп с XIII—XV вв., когда в Крыму обосновались татары, действовавшие всегда только конными массами и не знавшие флота. Перешеек назывался тогда Ор-Хапу, что в переводе значит «вход в Орду», а укрепления — ферк Кермен («крепость»). Перешеек всегда строго охранялся. Были моменты, когда здесь, кроме рва с подъемным мостом и вала, высились стены с 17 каменными башнями. Число защитников иногда доходило до 60 000 и даже до 100 000 человек. Для выхода из Крыма через Перекоп требовался именной пропуск от хана. Самое скопление татар у Перекопа являлось признаком того, что татары или ждут «гостей» с севера или сами собираются в далекий рейд: на Польшу, на Украину, на Москву. По выражению тогдашней татарской песни, «перекопская дорога никогда не зарастает травой, а если и зарастает, то ею стад не накормишь». И были годы, когда татарская конница не только добиралась до самой

¹ В таком виде его когда-то насыпали турки.

Москвы, но даже и овладевала ею, после чего по Москва-реке, точно лед весной, по три дня подряд плыли трупы зарубленных москвичей. Обрато возвращались татары из Москвы и Польши, переобремененные пленными. Проходившие через ворота Перекопа вереницы этих пленных временами были так нескончаемы, что однажды сидевший у ворот меняла изумленно спрашивал: «Да остались ли еще люди в той стране?». Весь этот людской товар направлялся на невольничьи рынки Евпатории, Сурожа и Кафы, откуда перепродавался в Малую Азию, Геную и другие города Средиземноморья. И именно на основе этой работорговли создались тогда роскошь, великолепие Сурожа и особенно Кафы. А когда Москва сама перешла в наступление на Крым и когда русские войска прорывались через Перекоп, все ужасы неприягельских вторжений перебрасывались в Крым: во время походов Миниха и кн. Долгорукова было дотла сожжено и сравнено с землей свыше 1 000 татарских селений; сжигалась сплошь и вся степная трава — база не только татарской конницы, но и всего татарского скотоводческого народного хозяйства. Неоднократно разорялась сама столица ханства — Бахчисарай. А в тех случаях, когда войска России не надеялись пробиться через Перекоп, они проникали в Крым в обход Перекопа — через замерзающий зимой Генический проливчик и по Арабатской стрелке, минуя или штурмуя небольшую крепость Арабат у основания стрелки. Так было и в 1732 г. (когда фельдмаршал Ласси обманул хана, ждавшего русских у Перекопа), и позднее.

В последний раз, в 1920 г., Перекопский перешеек защищал белых. Именно здесь, начиная от Турецкого вала и его рва (основной хребет всех укреплений) шли от моря до моря твердыни Врангеля, считавшиеся всей Европой неприступными — «Белый Верден»¹, как его называли белогвардейцы. Заблаговременно, еще со времени Деникина, сооруженные и непрерывно совершенствуемые шли вдоль этого хребта-вала все виды укреплений, при возведении которых был использован весь опыт империалистической войны и все указания много поработавших здесь французских инженеров: рвы, опутанные непролазным лесом колючей проволоки; бетонированные орудийные заграждения в несколько рядов; фланкирующие постройки, блиндажи и окопы, устроенные в тесной огневой связи и взаимно друг друга поддерживающие; железо и бетон; тяжелая артиллерия с гигантскими орудиями; легкая подвижная артиллерия и пулеметы; бронемашины; бронированная кавалерия и крупные силы пехоты, отборные на наиболее ответственных местах. Подобные же ук-

---

¹ Французская крепость, которую немцы в мировую войну, несмотря на большие жертвы, не смогли взять.

репления тянулись от озера к озеру и на юге перешейка, по линии Юшуни — второй основной позиции. Орудий и пулеметов здесь было еще больше, а сопротивление отчаяннее.

Сильно защищены были и другие проходы в Крым: ряды укреплений шли по обеим сторонам Чонгарского пролива и моста, а проход по Арабатской стрелке был под наблюдением специальной азовской флотилии белых, крейсировавшей от Геническа на севере до Арабата на юге (сухопутных белых войск у Арабата было немного). Самый Сиваш считался белыми совершенно непроходимым, но все же охранялся, хотя и менее внимательно. Шла по Сивашу и колючая проволока.

Из-за этих прикрытий и укреплений Врангель во время советско-польской войны, летом 1920 г., высылал на материк свои отряды за хлебом, посылал десанты на беспокойную белую казачью Кубань, пытаясь поднять там восстание, на подступы к Донбассу, в Херсонщину, угрожал тылу нашего польского фронта, расширялся к северу, привлекая внимание всей мировой контрреволюции.

В Крым со всех сторон стекались подкрепления, в обмен за награбленное сырье без числа шли из-за границы самолеты, танки, орудия, артиллерия. Буржуазная печать кричала о новом походе на Москву. Угроза для революции снова вырастала на юге. И тогда партия приняла чрезвычайные меры.

Как и в предыдущие военные кампании, Центральный комитет партии на самое боевое и самое опасное теперь для революции место ставит *т. Сталина*.

3 августа Ленин писал Сталину: «Только что провели в Политбюро, чтобы вы исключительно занялись Врангелем...» Командование южным фронтом было возложено на *М. В. Фрунзе*. Под его командованием испытанные в боях с Колчаком и Деникиным части железным полукольцом охватывают Врангеля. Первый краснознаменец страны *т. Блюхер* ведет к Перекопу сформированную им знаменитую 51-ю (впоследствии «*Перекопскую*») дивизию. Ее ядро составляют рабочие Кизеловских копей, Усоля и Чердыни и крестьяне-бедняки этих районов Урала. В боях за Сибирь она прошла длинный и славный путь до Иркутска, откуда была переброшена на крымский фронт. По окончании советско-польской войны сюда же спешит 1-я конная армия с *т. Буденным* и *Ворошиловым* во главе.

Преследуя разбитого неприятеля по железнодорожным путям с тысячами брошенных вагонов и взорванными паровозами и мостами, по степи, усеянной тысячами павших лошадей, Красная армия к вечеру 3 ноября оказалась у крымских проходов, занявши огромную линию от Хорлы на западе до Геническа на востоке. Сгоряча, на плечах втягивавшегося в перекопское гор-

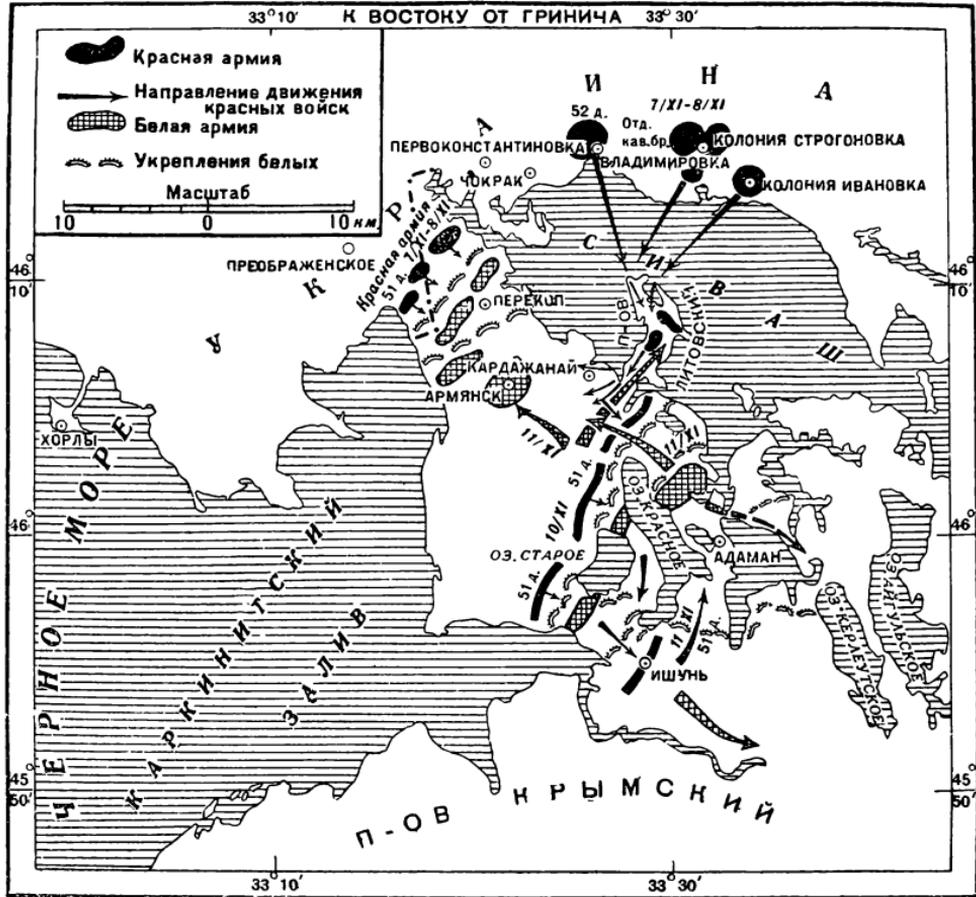
льшко Врангеля, Красная армия захватывает и некоторые передовые линии укреплений Перекопа и предместья Чонгара. Но дальнейший ее стремительный натиск остановили грозный Турецкий вал Перекопа и зияющая дыра разрушенного белыми Чонгарского моста над водами и топиями Чонгарского пролива.

Неожиданно наступившие десятиградусные морозы застали Красную армию в летнем, к тому же часто изодранном обмундировании, в открытой безлесной полупустынной степи, без жилья, в палатках или под открытым небом, без топлива, без горячей пищи, а местами даже без питьевой воды (около Чонгара и во многих других районах ее нет ни капли). Еще большие трудности создали морозы для азовской флотилии красных.

В Москве наступала третья годовщина Октября. В Большом театре говорил Ленин. Окончилась война с Польшей, с последним крупным и опасным врагом. Впервые за три года затихла пальба почти на всем необъятном пространстве Советской страны. Только там, на далеком крайнем юге, еще горели огни гражданской войны. Но близкий конец Врангеля был неизбежен. И Ленин призывал красноармейцев с тем же героизмом и выдержкой, какие они проявили в гражданскую войну, взяться теперь за хозяйство страны.

А здесь, у Перекопа, за полторы тысячи километров от Москвы, тоже наступала годовщина Октября. «Тихо, — рассказывает участник боев. — Кругом ни души. Только холодный пронзительный ветер рыщет и воеет по открытому, ровному, перерезанному узкой линией окопов полю. Хмуро вырисовывается впереди грозный перекопский вал. Изредка прогудит, мощно рассекая воздух, тяжелый снаряд от ст. Юшунь к хутору Преображенская. Деятельно идет подготовка к последнему и решительному бою с «крымской занозой». Днем и ночью рыщут по всем направлениям красные разведчики. Кажется, все готово, только сигнал — и все ринется вперед. Шестое ноября, а приказа все нет и нет. Напряженное состояние в штабах, окопах». Ожидая ночи, готовились перейти в наступление. С трудом пробивая мглу и туман, прожекторы белых старались прощупать линию красных. Но здесь было само безмолвие, неподвижность и мрак: запрещено было не только разводить костры, но даже курить без прикрытия. Белые никак не ожидали нападения в наступавшую ночь и спешно производили перегруппировку войск. Все это учло красное командование. Приказ был дан в ночь с 7 на 8 ноября.

И тогда по всей линии проходов в Крым, а больше всего на главной, перекопской, открылись многодневные ожесточенные непрерывные бои. Форсировку перешейка повела 51-я дивизия, штурмом в лоб Турецкого вала. Ряд атак кончился безрезультатно. Стремительный натиск бойцов разбивался о неприступные

Карта перекопских боев.

позиции. Оставляя у валов десятки и сотни бойцов, грудью бросавшихся на проволоку, части дивизии несколько раз отходили, чтобы с новой силой и решительностью броситься на штурм врага.

В это время погода улыбнулась красным. Сильный западный ветер сдул и согнал воду с запада Сиваша на восток. Образовался брод. Части 52-й и 15-й дивизии и 153-й бригады немедленно перешли в брод по пояс и выше в ледяной воде и жидкой грязи с материка через Сиваш на Литовский полуостров. Перешла не только пехота, но и конница и даже часть артиллерии. Никак не ожидавшие этого части белых, здесь малочисленные и необстрелянные в боях, скоро сдаются. Красные закрепляются на Литовском полуострове и начинают пробиваться от него к Кардажанару и к Армянску, в тыл Турецкому валу.

Но здесь погода опять изменяет красным. Западный ветер стих. Угнанная им на восток вода возвращается обратно на за-

пад. Ее уровень здесь быстро поднимается. Вода грозит отрезать 52-ю дивизию от связи с материком — от пищи, от воды, от подкреплений. А посланные на Арабатскую стрелку части красных постигает полная неудача. Морозы сковали льдом северную часть Азовского моря, и красная флотилия не может подойти к стрелке из Таганрога. Южная же часть моря оставалась свободной ото льда, и подошедшая к стрелке флотилия белых расстреливает в упор цепи красных, растянувшиеся по узенькой, ничем не прикрытой степной полоске, и заставляет красных прекратить всю эту операцию. Крепко стоит и Чонгар.

Узнав о повышающемся уровне воды в Сиваше, Фрунзе бросает на Турецкий вал все новые и новые силы и подтверждает категорическую директиву взять вал во что бы то ни стало, не останавливаясь ни перед чем, не считаясь ни с чем. Мобилизует все крестьянское население Владимировки, Строгановки и других селений материка, бросает его гатить и мостить Сиваш чем только можно. Бросает части конницы, которые хотя и с большим трудом, но переходят через Сиваш. Под напором атакующих в лоб и подходящих с тыла красных частей белые не выдерживают и в ночь с 8 на 9 ноября покидают Турецкий вал, отходя на позиции Юшунни, где двухдневные бои разгораются с новой силой и с еще большим ожесточением. Подтянутые Врангелем к этому времени из Джанкоя его лучшие части — дроздовцы, марковцы и корниловцы — бросаются с бронемашинами на линию Армянска, на 52-ю дивизию, отжимают ее к Литовскому полуострову и Сивашу, заходят в тыл всей юшуньской группы красных и ставят под сомнение все достигнутые успехи их. Но в этот момент 51-я дивизия прорывается через юшуньские позиции на юг и сама выходит в тыл белым на линии селения Адаман. Окруженные белые частью сдаются, частью, прорываясь, отступают внутрь Крымского полуострова.

Необычайное волнение и одушевление передается всему южному красному фронту. Узнав о взятии Турецкого вала, 30-я *Иркутская стрелковая дивизия* в ночь с 10 на 11-е, после артиллерийской подготовки, ринулась через Чонгарский пролив.

Перебегая по узким, в два бревна, мосткам через пролив, теряя под ураганным огнем 60% (267-й полк) и даже 90% (266-й) своего состава, красные овладевают укреплениями южного побережья Чонгарского пролива, восстанавливают мост и к концу 11 ноября полностью овладевают всем Чонгарским проходом.

Белые отовсюду бегут к портам, чтобы навсегда исчезнуть из Крыма.

Десять тысяч павших красных бойцов своею жизнью заплатили за возможность для страны начать строить новую жизнь.

Приказ об общем отступлении был подписан Врангелем 11 ноября, а через несколько дней после этого на московской партийной конференции Ленин говорил о плане электрификации страны, и прозвучали тогда еще новые и глубоко верные слова: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация».

Кончилась одна героическая полоса в истории Советской страны, начиналась другая — строительная. Славные дни Перекопа пролегли рубежом между этими историческими полосами. Новая страница перевернулась и в истории Крыма и в истории перешейка.

На перекопском пути поставлен памятник Красной армии. Самые места боев превращены в Заповедник. Здесь будет панорама боев. Над ее созданием уже работает группа художников и архитекторов. Здесь же строится на базе перекопских соленых озер (Старого и Красного) гигантский химический комбинат, который будет давать бром, хлор-магний, магний, иод, соляные кислоты и многие другие химпродукты. И, наконец, через перешеек и Сиваш, возможно, пройдет и тот Азово-Черноморский канал (длиною 160 км), о котором пишут крымские работники. Канал значительно сократит водный путь в Одессу, Николаев и Приднепровье рыбопродуктам и стройматериалам Керчи и углям Донбасса и значительно разгрузит перенапряженный железнодорожный транспорт Украины.

---

3. Степь.

Дальше задний план картины
Скромно заняли за ней¹
Серо-желтые равнины
Зноем выжженных степей.

(Сб. «Крым в русской поэзии».)

К югу от Сиваша поезд врзается в крымскую степь, неоглядную, как море, и ровную, как стол, — дно бывшего моря, бушевавшего здесь еще в недавнюю (геологически) третичную эпоху. Это — непосредственное продолжение южноукраинских степей. Но только эта степь еще более засушлива и однообразна, нежели степи материкового приазовья и причерноморья. Все дело в количестве атмосферных осадков.

При движении по Украине на юг осадков становится все меньше, несмотря на приближение к морю. Если в Харькове количество осадков 500 мм в год, то в Запорожье их только 400, в Мелитополе 350, а на Сиваше, на море — 300 мм и менее. Все дело здесь в распределении атмосферного давления и ветров.

Затропический барометрический максимум, тот воздушный хребет, что идет у нас по линии Балта — Кременчуг — Полтава — Харьков и далее на восток, является «ветроразделом». К северу от него преобладают ветры с запада, несущие с собой влагу с Атлантического океана, к югу от него преобладающее направление ветров с востока, с пустынь Средней Азии. Эти ветры не только не приносят с собой влаги, но вбирают в себя и ту, которую по дороге встречают. И вот смотрит эта Перекопско-Джанкойская степь на море, окружающее ее с трех сторон, и томится по воде, а ниоткуда ее не получает.

Особенно засушлива, ровна и однообразна самая северная, самая низменная часть крымской степи, что идет вдоль Сиваша. Нет здесь ни речек, ни оврагов, ни источников, ни деревьев, ни курганов. Точно кто нарочно срыл все неровности, засыпал впадины, вырубил деревья. На голой земле одни только верб-

¹ За грядой Бахчисарая (вид с Чатыр-Дага).

люжбы колючки да красные и фиолетовые пятна солянок. Местами же просто белесоватые или сизые плешевины солонцов — точно выпавший снег среди выжженной степи: море позднее всего отступило именно здесь, оставивши на память о себе массу соленых озер и солей в земле и на земле, солей, от которых скудная здесь дождевая и снеговая вода не успела еще промыть как следует почву. Всюду здесь резкий недостаток хорошей питьевой воды, лишь частично смягчаемый теми тысячами артезианских колодцев, что проложены здесь главным образом в советское время и которые бьют фонтанами до 4 м над поверхностью земли. Рассыпанные же по степи многочисленные мелкие колодцы дают солоноватую воду, годную только для скота.

Хорошие грунтовые воды идут на большой глубине: на возвышенном Тарханкутском полуострове (на северо-западе Крыма) воду добывают с глубины 40—80 и даже 100 м. Вода здесь хороша, чиста и холодна (от +4,5 до +9°) — природный ледник для хранения продукции развивающегося здесь теперь молочно-маслодельного скотоводства. Но добывать ее из подобных колодцев-ледников можно только при помощи конного барабана. В присивашской степи не всегда удается даже привыкшая ко всему — и к засухе, и к заморозкам, и к солонцам — знаменитая «крымка» — скороспелая пшеница. Именно здесь чаще всего дает она «диаграммную пилу»: год — урожай, год-два — неурожай. В основном присивашская степь — район пастбищного овцеводства. Селения здесь редки и мелки (многие с населением до 9 человек), а совхозы имеют животноводческий уклон. Плотность населения здесь наименьшая в Крыму — менее 10 человек на 1 км².

К югу от Джанкоя степь мало-помалу повышается, количество осадков увеличивается, на место солончаков появляются бурые и каштановые почвы, за ними черноземы. Появляется сначала полынь, горьковатый, слегка возбуждающий запах которой врывается в окна вагона; за нею — серебристый ковыль, дальше — пыльное разнотравье. И всюду огромные пространства пшеницы и ячменя, и кое-где хлопка и отчасти табака. Сейчас распаханно 60% всей крымской степи. Все чаще и чаще попадаются селения-колхозы — русские, татарские, украинские, еврейские, немецкие, чешские, машинно-тракторные станции и всевозможные совхозы — зерновые, животноводческие, комплексные, изредка виноградники и сады (появившиеся здесь, как и хлопок и табак, только после революции).

К югу от Сарабуза степь уже заметно поднимается, холмится и перерезывается балками, и далеко на юге вырисовываются полувоздушные контуры гор: начинаются лесостепные предгорья. Годовое количество осадков поднимается до 400—

500 мм в год. Солонцы и даже бурые каштановые почвы остались позади на севере, здесь всюду уже плодородный чернозем. Вдоль железнодорожных станций и селений появились мощные пирамидальные тополя, по балкам и речным долинам — «дубки», сады и виноградники, а в открытой степи среди бесконечного моря золотистой пшеницы — серо-зеленые бахчи и баштаны дынь и арбузов, зазеленели более частые, чем прежде, яркозеленые пятнышки хлопчатника и табака. Плотность населения поднялась до 15—17 человек на 1 км². Это наиболее полно и культурно освоенная населенная часть степи. Здесь много крупных колхозов, особенно зерносовхозов — социалистических фабрик зерна с десятками тысяч гектаров посева, с сотнями тракторов и комбайнов, с сотнями рабочих, с электростанциями и водопроводами, тракторными мастерскими гаражами, с прачечными и банями, клубами и кино, со школами и больницами — целые социалистические городки среди пустынной до того степи. Таковы совхозы в районе Симферополя, Сейтлера, Фрайдорфа, Феодосии.

Лучшее время года в степи — ранняя весна — март и апрель, когда вся степь дышит полной грудью, живет полной жизнью. Все спешит распуститься и расцвести, пока не исчезла зимняя (снеговая) и весенняя (дождевая) влага земли. Ярко зеленеют огромные пространства озимой пшеницы, пробивается нежная зелень ячменя и яровой пшеницы. Только кое-где чернеют полосы пара. На нераспаханных же участках — пестрый ковер разноцветных трав и цветов. Бледножелтые и бледнофиолетовые крокусы, желтые, синие, лиловые и темноголубые ирисы-касатики, синие барвинки, фиолетовые брандушки, белый шафран, золотисто-желтые горичветы, пестрые, светложелтые и красные «угольки степи» тюльпаны, кроваво-красные пионы и гвоздика — все это образует причудливые узоры и разводы по яркозеленому фону.

В мае все эти растения засыпают до следующей весны. Но на смену им приходят другие. Нередко поезд с обеих сторон целыми километрами сопровождают синевато-серые пространства шалфея, огненно-красный мак или дрожащий, волнующийся и при малейшем ветерке струящийся мелкой прерывистой и серебристой зыбью перлово-сизый ковыль. В травяном и полевом приволье перебегают мыши-полевки, совершают свои огромные прыжки серые тушканчики — ушастые земляные зайцы с короткими передними и длинными задними лапками и длинным тонким хвостом с пучком-вымпелом на конце. Рыскают преследующие их степные хорьки. Набивают зерном свои защечные мешки рыжие чернобрюхие хомяки со светлыми щеками, раздувающимися при опасности, как угроза. Опустошают поля многочисленные колонии крапчатых сусликов, набивающих до четырех кило-

граммов зерна в каждую нору. Целыми табунами прячутся огромные желто-бурые с черными полосами дрофы¹, серые степные куропатки, степной конек, коростель, гнезятся яркзолотистые шурки. Поджидает свою добычу огромный, до 2 м ужомелтопуз — степной удав. На телеграфных проводах расселись сизоворонки. Слышится горячий бой перепелов, стрекотанье стрепетов, курлыкание степного журавля-красотки. Реют степные орлы, зорко высматривающие мышей, сусликов, хомяков и других вредителей полей. На луговинах и болотах гнезятся трясогузка, пигалица, камышевка. Над Сивашем и озерами, особенно в госзаповеднике, тучами носятся крикливые чайки, кр ачки, красная утка, роет глубокие норы, свои ходы и выходы, крупная морская нарядная утка-галагаз. Местами одиноко маячит бледнорозовый пеликан или копошится черепаха. И все это обливается с бездонной голубой выси серебристыми трелями невидимого степного жаворонка.

В июне в одних местах хлеба уже сняты и обмолочены и пошли за границу, в других — еще виднеются тяжелые неповоротливые комбайны или тарахтят косилки, за которыми идут мужчины и женщины, связывая снопы и складывая их в тяжелые копны. При обилии тепла и солнечного сияния здесь получается самая ранняя и наиболее пригодная для экспорта «твердая» пшеница, самая валютная, рекордная по содержанию белка².

В июле — августе зной достигает высшей степени: на солнце до $+50^{\circ}$, и только в тени термометр опускается до $+35^{\circ}$ и до $+30^{\circ}$. Но тени нигде нет. Пересыхает даже самая большая река степи — Салгир. Многие прибрежные соленые озера превращаются в соляные топи и болота и ярко сверкают соляной корой с многочисленными следами птиц и зверьков. Травы засыхают. Приостанавливается и вся остальная растительная жизнь. Пыль и духота. В мчащемся курортном поезде идет спор, что лучше — мучиться ли от духоты при закрытых окнах или от невероятной пыли, врывающейся в открытое окно; около умывальников образуются непрерывные очереди. Иногда дуют северо-восточные ветры, но они не приносят облегчения, а только поднимают тучи пыли («черные бури») и сжимают спазмами горло. Путника часто преследуют миражи, особенно эффектные на Арабатской

---

¹ Дрофа — самая большая и теперь редкая птица Европы — до 1,2 м длины и до 15 кг веса. Хорошо бегаёт и быстро летает. Истребляет саранчу. Очень осторожна и после распашки степи приспособилась к полям. Но зимой, намокая, легко обмерзает, отяжелевает и становится легкой добычей охотников.

² Американцы у себя за каждый лишний процент белка, сверх установленных стандартных 11%, платят в виде премии добавочные 1 р. 80 к. золотом с центнера. Наша же «крымка» имеет 19% белка.

стрелке: видятся большие озера, сады и деревни на их берегу, затопленные леса, смотрящие в зеркальную воду, но в действительности ничего этого нет.

В *сентябре — октябре* жара спадает, но степь еще боле уныла. На пересохшей и растрескавшейся земле стоит серо-желтый бурьян, а по земле катятся стебли отживших растений и бесчисленные белые пушистые шары «перекати-поле». На горизонте маячат одинокие стада овец.

В *конце октября* и в *ноябре* небо часто заволакивается тучами. Начинаются осенние дожди. Появляются зеленые луговины. Степь на некоторое время вновь оживает, а скот чувствует себя снова на приволье.

В *декабре* и *январе* выпадает снег, и наступает зима, для здешних мест очень суровая: морозы иногда доходят до 20—30° и при здешних ветрах они более страшны, нежели полярные морозы — при гораздо более низкой температуре, но без ветра. Нередко свирепствуют метели и бураны. Ветер взметает тучи снегу, ослепляет и гонит все живое. Бывали случаи, когда овцы уносились в море, а путники погибали в нескольких шагах от жилья.

При царизме степь была районом особо сильной эмиграции татар, несколько затихшей только после проведения железных дорог, районом мелкого крестьянского арендного хозяйства и районом крупнопомещичьего пшеничного хозяйства на экспорт.

После каждой войны России с Турцией в степные татарские деревни, словно саранча, налетали охотники всякой легкой наживы. За ничто продавали им татары свой скот, инвентарь и посевы. К портам Феодосийскому, Керченскому и Ялтинскому непрерывной цепью тянулись татарские скрипучие мажары, нагруженные разным хламом. Александр II рассматривал эту эмиграцию как «благоприятное явление к освобождению края от вредного населения». Его вельможа Гернгросс называл эмиграцию «счастливым случаем». А ученый Паллас предлагал всех оставшихся крымских татар выселить в Оренбургские степи.

В одном только Перекопском уезде и только за два года (1860—1862) опустело 320 татарских селений. Последняя волна эмиграции прокатилась в 1902 г.

На место эмигрировавших шли колонисты чуть ли не из всех стран восточной, центральной и юго-восточной Европы и Малой Азии: русские, украинцы и белоруссы, немцы и чехи, словаки и словенцы, болгары и сербы, греки, эсты и латыши и десятки других. Большие наделы (до 70 десятин на хозяйство) получили только немцы из Германии, приехавшие сюда уже зажиточными и с хорошим инвентарем, да некоторые другие колонисты, приглашенные русским правительством из-за границы.

Прочие же пришли ни с чем, почти ничего не получили и попали в кабалу помещикам и кулакам. В начале XX в. все крестьянские надельные земли занимали не более 3—5% территории всей степи, в то время как земли помещиков и кулаков — от 83 до 86%, а остальное — казна, духовенство и уделы (царская фамилия). Нигде в довоенной России не было столько безземельных крестьян, как в крымской степи, где число их по отдельным уездам доходило до 72% всех хозяйств. Более половины всех крестьян были безлошадные, а около двух третей — арендаторы. 92% всей сдававшейся земли принадлежало помещикам. Две трети всех арендаторов были издольщики. Жили арендаторы в собственных домишках, глинобитных халупах, но на помещичьей земле. Накануне революции многие помещики нашли более выгодным землю в аренду не сдавать, а обрабатывать ее при помощи машин и наемных рабочих. Такие помещики выгоняли арендаторов десятками и с земли и из их собственных домишек. Необычайно жуткую картину представляли накануне революции такие опустевшие и разрушившиеся дома и целые поселки и деревни.

После революции степь стала неузнаваемой. Все земли помещиков, кулаков и духовенства перешли к колхозам и частью к совхозам. Исчезли беспосевные, безземельные арендаторы. Исчезли бесчисленные межи, питомники и рассадники сорняков, и чересполосица. Все слилось в одно сплошное поле, на котором работают тракторы, комбайны, автомашины, кузницы и тракторные мастерские, электростанции. Осуществляется лозунг т. Сталина «сделать всех колхозников зажиточными». Уже в 1933 г. около трети всех колхозов выдали по 10 кг на каждый трудодень, свыше половины колхозов по 7 кг и более, а в 1934 г. целый ряд колхозов выдал уже по 19 кг. Ликвидируется бескоровность. Уничтожается резкая зерновая односторонность, при которой в Крым до сих пор ввозились не только масло из Сибири и сыр из Вологды, но и мясо, живой скот (коровы, овцы, лошади) из Украины и даже яйца, картофель и концентрированные корма из Курской и Воронежской областей.

В гущу посевов озимой «экспортной» пшеницы внедряются сады, виноградники, хлопок, табак, эфирносы, сорго, многопольный севооборот, бахчи и огороды. Вводимые пропашные культуры повышают урожайность и зерновых культур, а введенный клин люцерны, эспарцета и других сеяных трав создает прочную базу для молочного животноводства. Десятки колхозов и совхозов приняли животноводческий уклон, вводят породистый молочный скот, организовали маслодельни, сыроварни и свинарники, развивают коневодство, а особенно мериносовое,

смушковое и каракулевое овцеводство, улучшают местные выносливые породы овец: малич (мясо), цигейка (шерсть) и др.

На части освободившихся от помещиков и кулаков земель (на 210 000 га) поселено пять с половиной тысяч еврейских семейств из переполненных крымских городов и бывших «гнилых» местечек Украины и Белоруссии, где на каждые пять человек евреев приходился один портной или сапожник. Здесь в Крыму они образовали Фрайдорфский национальный район и целый ряд колхозов в районах: Джанкойском, Евпаторийском, Симферопольском. Переселенцы провели дороги, выкопали колодцы, ввели птицеводство, разбили виноградники, завели заводы: кирпичные и черепичные, кожевенные и обувные, маслодельные и маслобойные, сыроваренные и многие другие.

Для обеспечения степи кадрами открываются в ней всевозможные техникумы: по механизации зернового хозяйства, по животноводству и др.

Идет наступление на самую природу степи. Ряд колхозов производит облесение степи. Целый ряд колхозов (Ташлы-Кипчак, Анновка, им. Калинина, Колай, Владиславовка и другие, идущие вдоль железной дороги на Феодосию) уже утопают в зелени садов и защитных тополевых стен и аллей, не знают засухи и получают повышенные против соседей урожаи хлебов, бахчей и плодовоовощей.

Количество артезианских колодцев, этих жизненных нервов степи, доведено до 2 575, копанных колодцев — до 13 481. Путем устройства водохранилищ уже отвоевано у засушливой степи свыше 6 000 новых га. Из озера Куца (в 20 км от Евпатории) 12 насосных станций перекачивают на поля и сады до 5 млн. ведер воды в сутки. И назревает, накапливает свои силы великая революция степи, революция, которая бросит на степь мощные потоки воды и ее попутчика — электричества — и с севера, и с юга, и с востока.

По проектам местных работников будет осушен и зацементирован ряд заливов Сиваша. Огромный канал сбросит в них часть Днепра, сбросит через турбины, мощностью в 240 000 квт. А отсюда вода через насосные станции, а электричество — по проводам потекет на степь, — будет орошен целый миллион новых гектаров — более чем вся посевная площадь всего Крыма 1932 г.

С востока вода будет переброшена из Кубани по гигантскому трубопроводу, через Керченский пролив, с юга — из Черной речки (под Севастополем).

И не будет тогда томиться степь по воде и жаловаться на море, так мало сейчас ей дающее. Она расцветет не только золотистой пшеницей, но и пышными зелеными квадратами хлоп-

ка и риса, сахарной свеклы и бахчей, табака и эфирносов. По ее взгорьям и склонам ее балок побегут кудрявые виноградники. Высоким зеленым бордюром потянутся сады. А еще более высокие стены тополей будут защищать ее от северных и восточных ветров. И сила падающей воды того же Днепра и Черной речки, превращенная на электростанциях в электроэнергию, по проволокам вольется в бесчисленные степные и предгорные совхозные и колхозные селения и МТС, превратит эти деревни в зеленые сады — деревни-города, механизмирует и машинизирует все сельскохозяйственные работы и тем окончательно ликвидирует былую многовековую противоположность города и деревни, превратит былой ка оржний труд деревни в труд легкий и радостный.

---

4. Города степи.

Их пока немного: всего два — Джанкой и Евпатория.

Джанкой — узел железнодорожных путей: на Симферополь, Феодосию — Керчь, на Армянск; до революции пыльный и сонный захолустный пристанционный поселок, где из вагона нередко можно было наблюдать степные овечьи отары и глазевшую на поезд классическую фигуру чабана — в знойный июльский полдень в полушубке и бараньей шапке. Сейчас это индустриализирующийся городок, обслуживающий наступающую на него со всех сторон степь своей непосредственно связанной с сельским хозяйством индустрией: ремонт сельскохозяйственных машин, мукомолье, строящиеся маслобойный и крахмало-паточный заводы. В районе — совхоз цигейских овец.

Евпатория — яркозеленый оазис среди полупустынной степи вокруг артезианских колодцев, ценнейший уголок Союза при скучнейшем на первый взгляд окружающем ландшафте.

В стороне от больших городов, торговых и туристских путей, там, где незаметно сошлись море и степь и спорят, кто же из них ровнее, кто бескрайнее и однообразнее, и где все преимущества однообразия остались за степью, расположилась Евпатория. На километры вокруг здесь нет ни единой речушки, ни единого холма или дерева, ни единого эффектного берегового обрыва.

Основанная две с половиной тысячи лет назад как порт по вывозу хлеба, Евпатория была долгое время невольничьим рынком. При царизме это был захолустный уездный городишко, чахлый курорт, не имевший даже железной дороги. Сейчас это курорт огромного всесоюзного значения, заново перестроенный и соединенный железной дорогой с общесоюзной железнодорожной сетью. Здесь получают теперь исцеление самые разнообразные больные: кривоногие рахитики, хромые с туберкулезом костей, скрюченные ревматики и подагрики, недвижимые паралитики, ослабленные сифилитики, угрожаемые слепотой или глухотой золотушники.

И над их исцелением соревнуются: солнечная радиация и чистые теплые соленые воды, горячие бархатные пески и радиоак-

тивные целебные грязи, бризы моря и степи. Широкий золотистый пляж тянется на многие километры. На нем тенивые навесы, лежанки, кабинки и души, светофоры, показывающие калорийность солнечного припека и предостерегающие против саможжения, походные амбулатории и дежурные врачи. Песчаное ровное дно, едва-едва понижающееся. Соленая вода с летней температурой от $+24$ до $+26^{\circ}$. Идеальное морское купанье, особенно для детей. Многие сотни взрослых и детей, мужчин и женщин на отдельных участках, лежа, проводят здесь целые дни нагишом, лишь с повязкой на голове (предохраняющей от солнечного удара), купаются, принимают солнечные и песочные ванны, загорают. В городе — роскошный парк, ряд санаториев, старых и вновь выстроенных, в их числе несколько детских.

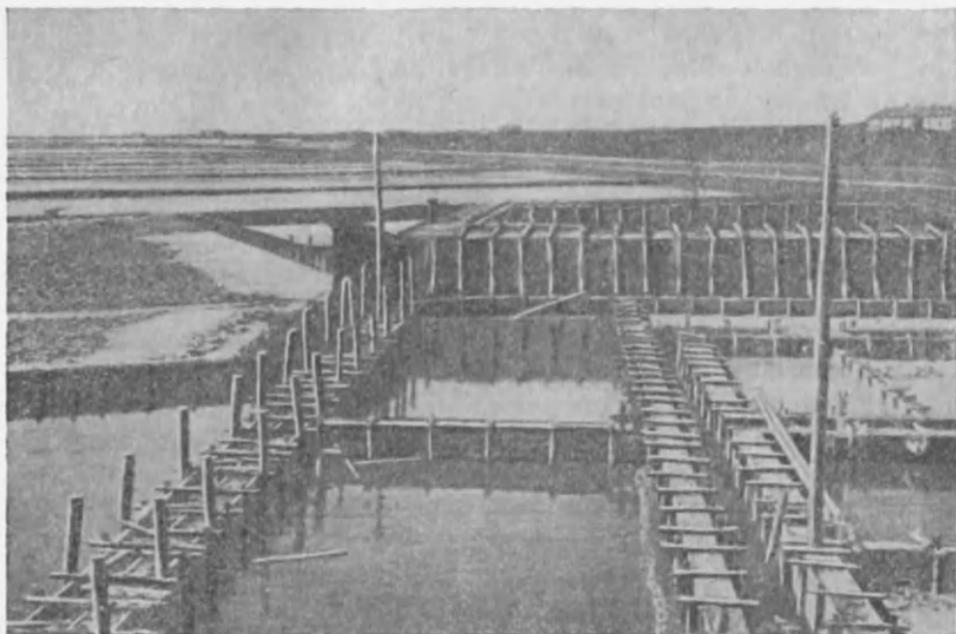
Километрах в трех от города Майнакское соленое озеро. В нем целебные радиоактивные грязи, богатые иодом, бромом, магнием, серой и другими минеральными и органическими веществами, черные и маслянистые, нагретые солнцем до $+40^{\circ}$. Грязелечебница, первая в Европе по величине и благоустройству (дает до 1 500 грязевых и до 1 800 рапных ванн в сутки). Подобные же, но еще более сильно действующие грязи имеет Сакское озеро (в 18 км от Евпатории, на пути к Симферополю). Озеро длиной 5 км, шириной от $\frac{1}{2}$ до 2 км со сплошными пластами грязи на дне, мощностью от 1 до 3 м толщины. Свежая грязь отсюда ежедневно доставляется в здания курорта, что тут же на берегу озера, в роскошном парке. И очень часто после месяца или двух лечения этими грязями тяжело больные уезжают отсюда совершенно здоровыми. Количество принимаемых здесь за год больных увеличилось в 10 раз против 1913 года.

Здесь же на берегу озера работают крупный заново выстроенный после революции хлористомагниево-бромистый химкомбинат и соляная мельница.

В самой Евпатории — мукомольные мельницы, кожевенный завод, ремонт сельскохозяйственных машин да недавно выстроенная трикотажная фабрика с рабочими из переселенцев-евреев. В ответ требованиям на кадры со стороны развивающегося в этом краю животноводства в Евпатории открыт (в числе других учебных заведений) зоотехникум. В музее города — картины талантливого татарского художника-самоучки — Абья-Ярмухамедова (бывшего батрака).

В окрестностях Евпатории самые большие и самые механизированные в Крыму соляные промыслы, вторые после Керчи рыбные промыслы и каменоломни и ряд зерновых и овцеводческих совхозов. Соль, главный груз Евпатории (после войны), идет отсюда морем в разные и нередко очень дальние уголки северного

полушария: на Украину, на Мурманск, во Владивосток, в Малую Азию, на Кавказ. Рыба идет на Украину, хлеб — в южную Европу, в Севастополь и на южный берег Крыма, камень — на Украину и внутрь полуострова. Евпаторийский камень-ракушечник довольно плотен, крепок и легко пилится. Из него выстроена не только сама Евпатория, но и часть Одессы и крымских городов и курортов (Алушта). Самый порт Евпатории, единственный для всего западного побережья Крыма, до сих пор неблагоуст-

Соляной бассейн.

роен: большие суда останавливаются на открытом рейде, перегрузка происходит на баркасах; а во время бури пароходы не могут заходить и проходят мимо, завозя евпаторийских пассажиров в Севастополь или Одессу. Сейчас начинается постройка хорошо защищенного от ветров порта.

В степи вырастают, буквально на наших глазах, и новые города, складывающиеся полностью на основе социалистического производства и с социалистическим бытом. Зародышами их являются все те десятки МТС и совхозов, которые усеивают сейчас степь. На их пути много еще трудностей, не все идет так, как хочется, но все же многие из них уже закончили свое превращение в социалистические городки. Для примера укажем хотя бы на некоторые из них.

«*Феодосийский зерносовхоз*» имени 15-летия ВЛКСМ (Черкес-Тобай, около ст. Грамматиково). Пять лет назад здесь была голая степь, кривые проселочные дороги со следами арб и воловьих копыт. Сейчас здесь целый городок: хорошо распланированные широкие и прямые улицы, скверы и фонтаны; несколько десятков одно- и двухэтажных домов, в которых живут семьями бригадиры, комбайнеры, трактористы, шоферы, слесари, токари, агрономы, врачи, педагоги и прочий обслуживающий персонал; электростанция и центральное паровое отопление; водопровод; зернохранилища и элеваторы; гаражи для сотни тракторов, восьми десятков комбайнов и авто; обширные и залитые светом ремонтные мастерские, более похожие на заводские цехи, нежели на «починочные» слесарни; лаборатории по определению семян, качества урожая и т. п.; средняя школа, ясли и клуб; радиоузел; бани и прачечные; больница и аптека; детские сады и ясли. Днем в сквере у фонтана играют ребятишки детского сада, а вечером музыка и кино—гулянье для взрослых. Но в разгар полевых работ трактористы и комбайнеры живут в передвижном полевом городке—благоустроенном таборе: походные палатки, электрическое освещение, чистые постели, душ на открытом воздухе; в часы отдыха—волейбол, шахматы, политотдельская газета, кинопередвижка. Комсомольцы изучают летное дело. Строится еще пять таких городков, отделений совхоза. Совхоз имеет 27 000 га, в том числе зерновое хозяйство и ряд подсобных хозяйств—рыбный участок у Черного моря (в 60 км от центральной усадьбы) и фермы: животноводческую, свиноводную, птицеводную, кроличью. Камсы, керченской селедки, белуги и осетра налавливают столько, что их хватает не только для совхоза, но и на продажу. Коровы, свиньи, кролики, тысячи гусей, уток, кур-леггорнов содержатся образцово. Главная же продукция—зерно. Даже в бездождное лето 1934 г. средний урожай был по 12½ ц с 1 га, на ряде же участков по 35 ц (вместо 6—8 ц довоенной России). Соединяет все эти поля и предприятия в одно целое сеть вновь проложенных прекрасных гидронированных шоссе и самолет, на котором директор совхоза облетает владения совхоза. В районе Окречский техникум подготовки механизаторов сельского хозяйства.

Еще больший размер имеет *Симферопольский совхоз Зернотреста* (в 12 км от Биюк-Онлар): 90 000 га площади, из них 42 000 га пашни, 215 тракторов, 100 комбайнов, 5-польный севооборот, 400 рабочих (плюс их семьи и обслуживающий персонал)—тоже целый городок среди голой до того степи. Владения совхоза тянутся на 50 км по обе стороны железной дороги Симферополь—Евпатория.

«*Эшхене*» в глубоком «степном тылу» (на р. Карасу, к юго-

востоку от ст. Сейтлер) — садоводческий совхоз всесоюзного значения, крупнейший в Крыму (2 800 га одного только сада), с механизацией обработки на всех ее стадиях. Ярко демонстрирует послереволюционное продвижение садов и других интенсивных культур в степь ($\frac{4}{5}$ сада созданы после 1929 г.).

Ряд совхозов ведет комбинированное, комплексное хозяйство. Таков, например, совхоз «Красный» (в 2 км к северу от Симферополя, в горно-лесо-степной зоне). Соответственно природным условиям своей зоны и положению в районе большого города имеет: полеводство, животноводство, молочное хозяйство, птицеводство (самое крупное в Крыму), промышленное огородничество и садоводство; полная механизация работ; электропроводка, водопровод даже в коровнике.

Так на глазах меняется лицо степи.

---

5. Горная область.

Вся долина в зеленых садах,
Вся долина полна ароматом.

(Сб. «Крым в русской поэзии»).

В область входят степные и полустепные предгорья, горы и садоводческие горные и межгорные долины.

Сами горы невысоки: редко где достигают $1\frac{1}{2}$ км над уровнем моря. По сравнению с Кавказом это — «детская игрушка». Но Крымские горы повсюду живописны: и с южного фасада, и с северного тыла, окультурены и легко доступны, не давят на настроение мраком своих ущелий и холодом ледников, а непрерывная полугодовая безоблачная синь неба, солнышко, ласковость моря и какая-то особенная — чисто «крымская» — интимность всего ландшафта, фрукты и виноград тянут к ним с севера сотни тысяч людей.

Горы идут тремя грядами вдоль моря, с юго-запада на северо-восток, на 160 км (при общей ширине 35 км) от Севастополя и сурового мыса Айя до древнего вулкана Карадаг, а отдельные отроги — до Феодосии.

Первая гряда, северная, самая низкая и с севера, со степи, почти незаметная, сложена из желтоватых известняков третичного периода. Ее высота всего от 140 до 320 м над уровнем моря. Начинаясь около Севастополя, она идет несколько севернее линии Симферополь — Карасубазар — Старый Крым и далее в виде едва заметного Парпачского гребня через Керченский полуостров.

Вторая гряда, меловая, от 400 до 540 м высоты, «карниз», представляющая сплошной и великолепный строительный камень, идет прерывистой фестончатой цепью по линии Инкерман — Бахчисарай и затем Симферополь — Карасубазар — Старый Крым — Феодосия. На ее склонах стоит Симферополь и рассыпаны остатки древних крепостей, в ее недрах скрыты целые гнезда древних пещерных городов и современные каменоломни, а с ее крутых уступов и обрывов на юг открывается величественная панорама на тыловую часть третьей гряды — на Яйлинский

горный хребет. По глубокой же ложбине, между нею и первой грядой, проходит железная дорога из Симферополя на Севастополь. Долго крутит и вертит она на этом участке, огибая скалы и отвесные утесы «карниза», пробивает туннели и смело перепрыгивает через глубокие балки-ущелья; мчится по длинным, до полукилометра, мостам-виадукам над садами и виноградниками, мимо склонов, покрытых мелким кустарником и дубовым леском.

Третья гряда, самая южная, самая высокая и самая древняя — Яйлинский складчатый хребет — идет вдоль самого берега моря от мыса Айя до Карадага. Ее высшие точки: Роман-Кош — 1 543 м, Чатыр-Даг — 1 523 м над уровнем моря.

Самая вершина Яйлинского хребта представляет собою не узкий и остроконечный гребень, как у большинства гор, а высокоподнятое до 1 000—1 500 м волнообразное плато, шириною до 1—8 км, безлесное и травянистое, летнее пастбище, местами великолепное («яйла» — в переводе и значит пастбище). С Яйлы, а особенно с ее вершин, открывается величественная панорама во все стороны; к северу — на бурожелтую степь и темнозеленые долины предгорий, к югу — на уходящую вдаль и сливающуюся с небом лазурь Черного моря, на тающие в ней дымки пароходов, на утопающий в блеске солнца, моря и зелени, сверкающий всеми красками жизнерадостный Южный берег с его городами, курортами, деревнями, дворцами, садами и виллами. На запад и восток — убегающие в синеющие дали горные цепи и дремлющие в лазоревой вуали вершины горных великанов. Выше их только небо, ветер да орлы.

Начинаясь, как и первые две, полого и спокойно с севера, третья гряда вдруг неожиданно низвергается к югу по грандиозному разлому, сбросу земной коры, местами почти отвесной голой стеной к морю, где после «минутной передышки» падение вновь продолжается, уже в море, еще километра на два. Такова Ай-Петры (1 239 м над уровнем моря) с ее «передышкой» у моря, на которой стоят Алушка, Мисхор, Кореиз, Олеиз и другие цветущие уголки Южного берега.

Горы «молодые» (геологически): им всего лишь примерно 25 млн. лет.

Еще очень недавно (геологически) Яйлинский хребет смыкался с горами Балканскими и с горами Малой Азии. Но после сброса во время последней («альпийской») геологической революции самая большая и самая высокая масса хребта погрузилась в пучину моря. И нынешний Яйлинский хребет есть только жалкий осколок первоначального могучего Крымского горного хребта.

Местами между горной стеной третьей гряды и линией моря, как перемычки и мощные контрфорсы и волнорезы, поднялись

из недр земной коры изверженные породы. Таковы выдвинувшиеся в море куполообразные лакколиты¹: Аю-Даг, напоминающий разлегшегося на море медведя, Ай-Тодор, мыс Плака, Кафель, а также древний вулкан Карадаг и смело шагнувшие в вечно ревущее здесь море обглоданные и оборванные, но все еще мощные утесы мыса Фиолент (у б. Георгиевского монастыря, под Севастополем). В других местах берег медленно опускался, а море наступало. При таком опускании юго-западного угла полуострова море далеко проникло в долины рек и, затопляя их, образовало целый ряд бухт. Именно так образовалась великолепная бухта Севастополя, бухты Херсонеса, Балаклавы и все промежуточные между ними. А в море, в 200 м от Южного берега и на глубине 10 м, открыты затонувшие развалины древнегреческого города Диоскурии. На востоке же, в Новом Свете (около Судака), берег периодически поднимался, а море опускалось, обнажая выдолбленные им гроты со ступенями-террасами, — следами работы волн и периодов своего отступления.

В основании Яйлинского хребта лежат мощные черные глинистые сланцы юрской и триасовой систем, причудливо изогнутые в гигантские складки, так хорошо видимые на многочисленных выемках южнобережного шоссе, особенно по дороге в Гурзуф. Над ними — песчаники и конгломераты. А самая крыша гряды — Яйла — сложена из мраморовидных известняков, расколотых трещинами, местами высококачественных, имеющих крупное промышленное значение. Крепкие и звонкие и самой разнообразной расцветки: серые, желтые, розовые, черные, грубокрасные с серовато-зелеными пятнами и белыми жилками и даже столь ценимые в скульптуре белые сахаровидные мраморы с желтоватым оттенком. Многие здания древнего Херсонеса, древнего Константинополя и других древнегреческих городов, а также современные дворцы Ливадии и Массандры и других курортов Южного берега облицованы этими известняками-мраморами. Ими же облицованы стены большинства станций метро Москвы и будут облицованы стены ее Дворца советов. А по первоначальному происхождению это — метаморфические остатки огромного древнего кораллового рифа, поднявшегося со дна верхнеюрского моря, расколотого и большей частью снова опустившегося в море.

«На памяти людей» Крыма — на протяжении последних 2 500 лет — здесь было около 55 годов с 800 землетрясений (в том числе 8 с толчками разрушительной силы), с главным эпицентром подземных ударов в море — в 20 — 40 км к юго-западу от Ялты.

---

¹ Лакколиты — куполообразные массы лавы, не вылившиеся на поверхность, а застывшие внутри земной коры и только впоследствии обнаженные путем смыва покрывающих лакколиты слоев земли.

Мощные тектонические удары землетрясения 1927 г. напомнили, что геологическая революция в Крыму еще не закончилась и что в кажущейся тиши земных недр зреют и медленно накапливаются силы для новых геологических возмущений и переворотов, сдвигов, сбросов и складок.

Всюду видна и работа надземных сил. Колебания температуры и работа воды и воздуха расчленили ровный, спокойно поднимавшийся массив: некогда все три горные гряды Крыма составляли одно целое — теперешнюю третью главную гряду. Но воды, вымывая одни породы и пласты и оставляя другие, образовали на ней огромные нависшие к югу зазубрины — первую и вторую гряды, проложили между грядами продольные и поперечные долины шириною до 5, до 10 и даже до 15—20 км. Прорывая и до основания размывая одни участки меловой гряды и оставляя другие, вода образовала круто отвесные «горы-свидетели»¹, особенно многочисленные в районе Бахчисарая; в других случаях вода образовала тесные ущелья с фестончатыми краями, где над зеленью садов громоздятся белые скалы; в третьих — еще более узкие, глубокие и длинные щели-каньоны.

Особенно живописны ущелья рр. Бельбека (у дер. Сюрень) и Качи (у Качи-Кален). Наиболее велик каньон Черной речки (до 8 км длины) и наиболее дик Большой каньон (в 5 км от Коккоз), напоминающий каньоны Колорадо и других рек далекой Америки (мрачная щель, длиною свыше 3 км, глубиною свыше 300 м, а шириною вверху от края до края не больше 200 м, по дну же каньона, где течет р. Аузун-Узень, не более 3—4 м).

Вся Яйла теми же силами изъедена сверху чашеобразными углублениями — «каррами» — с неровными и острыми краями, изборождена острыми гребнями известняка, пересечена глубокими трещинами и постепенно расширяющимися в глубину щелями, ямами и трубами, воронками, провалами и «бездонными» колодцами. Проникавшая по этим трещинам в самые недра горного массива вода промыла внутри его подземные пустоты и образовала грандиозные пещеры, нередко с десятками зал, с подземными реками, водопадами и озерами. Растворяя и унося известь из одних мест, вода отложила ее в других, образуя фантастические сталактиты и сталагмиты² в пещерах и вазообразные отложения туфа при выходе источников на склонах гор.

---

¹ «Свидетелями» эти горы называются потому, что они показывают, как высоко поднималась между ними поверхность земли до ее размыва и где и как глубоко произошел размыв.

² Сталактиты — известковые сосульки, занавеси и т. п., натечные образования на потолке и стенах пещеры; сталагмиты — подобные же сосульки и столбы на полу пещеры.

Те же силы вызывают и горные частые обвалы. Так, в 1894 г. обвалилась часть горы Демерджи и задавила много домов деревни Демерджи, перешедшей после этого на другое место. Обвалы же образовали многочисленные «хаосы» (т. е. нагромождения камней) Южного берега.

А когда слишком намокают лежащие в основании горных пород пласты, они делаются скользкими, по ним съезжают вниз лежащие сверху пласты и происходят коварные оползни, особенно грандиозные на Южном берегу.

Так протекает геологическая жизнь горной области, жизнь Крымских гор. А во взаимной связи с нею протекает и жизнь атмосферы, растений и человека.

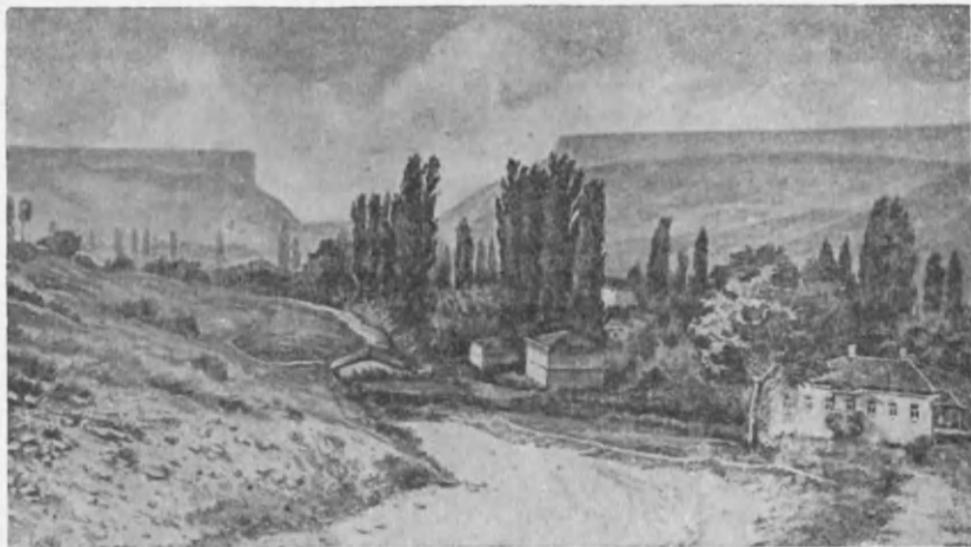
С повышением рельефа резко повышается в горной области и количество ее атмосферных осадков, доходя местами до 1 000 мм в год. А в связи с этим резко изменяется и растительный покров, как естественный, так в особенности культурный, питающийся поливом из источников и рек, здесь особенно многочисленных.

Долины рр. Бююк и Кучук-Карасу, Качи, Альмы, Бельбека и многих других сплошь залиты садами и виноградниками с белющими в них уютными татарскими домиками. Только невысокие каменные заборы и плетни изредка отделяют один сад от другого да высокие стены роскошных пирамидальных тополей, защищающие сады от северных и северо-восточных холодных ветров, еще издали указывают направление извиляющейся вдоль реки полосы садов. В садах преобладают яблоки-«синапы». За ними идут летние и зимние груши всевозможных сортов, величины и вкуса, сливы и черешни и нежно-розовые и пурпуровые персики, миндаль и абрикосы. В садах же между деревьями ярко зеленеют поливные огороды, особенно многочисленные в долине обеих рек Карасу. Кое-где темнеют пятна табачных плантаций. На неполивной земле («богаре») — ранние яровые пшеница и ячмень, убираемые до наступления летней жары, и кое-где хлопчатник.

Своеобразно хороши и высокогорные замкнутые долины — *Узунджинская, Варнутская* и особенно *Байдарская*. Обширная (17 км длины и 10 км ширины), густо населенная (12 деревень), на своем плоском дне она сплошь покрыта садами, виноградниками, табачными плантациями, зерновыми хлебами и покосами. Два прорыва из нее ведут во внешний мир: на северо-запад — через ущелье, каньон Черной реки, на Севастополь, на восток — через шоссе́нный туннель Байдарских ворот с видом на море, на Южный берег и на далекие синеющие Судакские горы, — редкая по грандиозности и красоте панорама. Сюда нередко приезжают на одну ночь только затем, чтобы утром взглянуть на солнце, восходящее из моря. Другая высокогорная и

еще более изобильная и цветами, и садами долина — Коккозская — в том месте, откуда бахчисарайско-ялтинское шоссе начинает подниматься на ай-петринскую Яйлу. Эти долины, как и многие другие, служат основными поставщиками овощей на курорты Южного берега.

Склоны гор, выше поливной линии садов, виноградников и богары, поросли кустарниками и лесами, занявшими около четверти всей площади горного Крыма.

Типичная садовая долина горной области (на заднем плане «горы - свидетели»).

На северных склонах внизу резко преобладает дуб, а вверх — северная сосна. Своеобразную красоту придают буковые леса, особенно роскошные по увлажненным местам, с деревьями-гигантами нередко до 4 м в обхвате (у Чатыр-Дага).

Южные склоны главной гряды поросли по большей части «крымской» сосной: с коротким стволом, с длинными пушистыми хвоями и характерной, как у неаполитанской пинии, кроной: зонтик, широко распластавшийся по направлению ветра — к морю. В глубоких горных ущельях, обильно орошенных, встречаются тиссы, иногда тысячелетнего возраста. На нижних южных склонах — земляничное дерево с вечнозеленой листвой, но со сбрасываемой на зиму нежной светлорозовой корой, кизил, дуб и многие другие широколиственные и вечнозеленые деревья, нередко обвитые стеблями дикого винограда, плюща и клематиса, заросли сумаха (дающего дубильное сырье для кожевенной про-

мышленности), иглица, «держи-дерево», на котором больше колючек, нежели листьев, терпентиновое дерево, иногда в тысячетном возрасте, а на совершенно каменистых склонах — душистый древовидный можжевельник, нередко образующий целые рощи, невысокие, но густые и далеко распространяющие свой на редкость живительный смолистый запах.

Но кто хочет реально почувствовать настоящие горно-лесные дебри Крыма, пусть отправляется на несколько дней в Крым-

Деревня Коккозы.

ский государственный заповедник, в бывшее место царской охоты, что лежит в горах и межгорьях, в 20 км по шоссе к северу от Алушты, вокруг бывшего горнолесного Космо-Демьяновского монастыря. Здесь сложным узлом сошлись наиболее мощные горные массивы и наиболее высокие крымские вершины: Роман-Кош, Кемаль-Эгерек, Демир-Хану, Чатыр-Даг. Берут начало главные реки горной области — Кача и Альма. Здесь причудливо сочетаются пологие, зеленокудрявые склоны и отвесные голые серые утёсы и скалы, глубокие каньоны, вековые тенистые буквые леса и низкорослые сосновые горные рощи. Здесь встречается и береза, очень редкая в Крыму, а дикие груши достигают

нескольких обхватов в толщину и своими ветвями затеняют целые поляны. Встречается и еще более гигантский кизил. Непроходимые от лиан лесные заросли чередуются с яркозелеными сочными лесными полянами. Шумят студеные горные речки и бьют холодные ключи, а водопады и каскады образуют иногда целые лестницы (водопад Головкинского). В расщелинах скал обильно плодятся каменные куницы, барсуки и лисицы, по лесам и полянам мелькают стройные крымские благородные олени и козули, в других местах давно истребленные, по каменным кручам прыгает прекрасно акклиматизировавшийся здесь мексиканский горный баран-муфлон, а на недоступных скалах гнездятся орлы и огромные грифы, природные санитары (питаются падалью). (Пара таких грифов свое гнездо из сухих сучьев дуба и бука вот уже 10 лет кряду складывает все на одной и той же сосне на обрыве вершины Черной горы). В ручьях масса форели.

Заповедник занимает свыше 20 000 га, в том числе около 8 000 га заповедник абсолютный: здесь нельзя собирать даже грибы и ягоды.

Весна в горной области начинается рано. На проталинах даже северного склона уже с конца февраля расцветают крокусы, синяя скилла, примулы, весенний одуванчик, первые фиалки. Заросли расцветающего орешника, кизила и карагача с их мелкими цветочками образуют прихотливо очерченные светло-желтые пятна на общем темном фоне леса. Прилетают жаворонки и скворцы. В марте всюду белые и розовые пятна цветущей дикой груши, яблони. Прилетают кукушки, удоны, отзимовавшие перед тем в Африке, дрозды, первые ласточки, пролетают дикие гуси, просыпаются летучие мыши. В апреле весь лес на горах зеленеет. На лужайках массами цветут фиалки, пунцовый адонис, розовый пион. Массами прилетают ласточки, пролетают аисты. Раздается первая песня соловья. В мае расцветают множество крестоцветных и маленькие молочаи. В июне растительность достигает максимума своего развития. На пестром фоне особенно выделяются: голубая вероника, красная герань и орхидеи. В июле растительность уже ослабевает, трава желтеет. В августе ярко зеленеют только орошаемые сады, виноградники и табачные плантации речных долин. На диких грушах и яблонях масса плодов. Ярко горят красными пятнами заросли кизила, отцветает хлопчатник, вылетает из гнезд второй и последний выводок ласточек, в шумные стаи собираются жаворонки и другие перелетные птицы. В садах наступает самое горячее время: идет сбор урожая. В конце августа и в сентябре второй раз цветут белая акация, сирень и многие другие деревья. В октябре горы заволкаются туманом, исчезающим только при ветре. В ноябре и декабре отцветают последние крокусы. — наступают морозы.

Ветви деревьев покрываются инеем, а лесные поляны засыпаются снегом. В лесной глуши воцаряется глубокая тишина, лишь изредка нарушаемая криком лисицы или дикой козы. Степные бураны не нарушают лесного покоя. Они проносятся поверху, чтобы с особенной силой разразиться на Яйле, куда в это время не смеет заглянуть ни один зверь, ни одна птица.

Особенно кипуче протекает жизнь культурно освоенных пространств, но по своему собственному календарю. Всю зиму идут ручная или тракторная перекопка садов и виноградников, подчистка и обрезка засохших или лишних сучьев и ветвей, уничтожение гнезд вредителей, внесение удобрений. Идет разбивка плантажа под новые сады и виноградники: вручную или трактором вскапывается целина глубиной на 1—1½ м. Работа очень тяжелая и очень дорогая, особенно на горном «шиферном» грунте, который с трудом берет кирка. До войны 1 га плантажа требовал до 2—3 тыс. руб. золотом. Заготавливаются «чаталы» — высокие подпорки для ветвей плодоносящих деревьев, колья для виноградников, суруки (длинные жерди) для табачных сушильных сараев. Все это требует тоже очень большого расхода. Весной идет посев табака в питомники, посадка его рассады в грунт и поливка; рыхление виноградников и поливка, обломка лишних ветвей из вновь выросших, подвязка виноградных кустов; обмазка стволов плодовых деревьев и установление липких колец для ловли вредителей, вползающих на дерево с земли, ловля их; окуривание дымом в холодные ночи и предупредительные заморозки, предохраняющее от болезней опыление садов и виноградников серным цветом и опрыскивание их с той же целью особой жидкостью; неоднократная поливка; систематические повседневные работы на огоде. Летом идет новая неоднократная поливка всех культур; новая подвязка и обломка виноградников; сбор по ночам с деревьев жука-долгоносика путем стряхивания его с дерева на брезент; новые опыления и опрыскивания; установка подставок-чатал, иначе сучья поломаются от тяжести плодов; ночные сборы листьев табака. С конца лета наступает самая горячая и ответственная пора: идет сбор и сушка падалицы, отправка ее на консервные и другие заводы; сбор фруктов с дерева, их упаковка и отправка; сбор табака, его папушевка — нанизывание на нити, сушка, браковка и тюковка. Чуть что где не досмотрел — все пропало. Если во время роста на лист табака пала роса, — солнце сожжет его. Если во время сбора листья сдвинулись в кучи, — они сопреют. Если при сушке подмочит дождь, — испортится вся партия. В результате 1 га табака требует для своей обработки в 75 раз больше трудодней, нежели пшеницы, виноград — в 23 раза и сад в 16—25 раз. Нужны и большое умение, и знание, и любовь к делу.

Сбор яблок в горной долине (около Бахчисарая).

Накануне революции в Байдарской долине графу Мордвинову принадлежало 14 600 десятин, а 12 деревням той же долины — только 6 000 десятин. В Коккозской долине подобное же положение занимал князь Юсупов — граф Сумароков. И так повсюду. Земельные магнаты сводили леса и захватывали воду. Ничтожной горстке помещиков и кулаков (6% всех хозяйств) принадлежало 60% всей садовой площади горной области. А на долю 74% мелких хозяйств (до 1 га и менее) приходилось ее всего лишь 15%. За одну десятину поливной земли брали 1 000—1 500 зол.

руб. (за неполивную — 100—200 руб.), а за аренду поливной земли брали до 70 руб. золотом в год.

Революция передала большую часть помещичьих и кулацких земель колхозам, в других устроены опытно-показательные станции и совхозы. Созданы огромные водохранилища (чего вообще не знал дореволюционный Крым): *Базар-Джалгинское* на 6,5 млн. кубометров — огромная запруда на р. Альме — целое озеро в рамке зеленых гор, достаточное для орошения всей долины Альмы и своим ландшафтом уже привлекающее к себе туристов и лагеря пионеров; *Огиз-Обинское* на р. Каче на 4,5 млн. кубометров, орошающее чуть ли не всю долину р. Качи; *Аянское* (при истоке Салгира) — на 2 млн. кубометров; *Тайганское* — около Карасу-Базара. Строится огромное *Чернореченское* у Севастополя (Инкерман) с электростанцией. Намечаются десятки других менее крупных водохранилищ по долинам *Марты, Бельбека, Салгира, Бурульчи, Мокрово Индола*. Из них десять должны быть выстроены во вторую пятилетку. Эти водохранилища дадут не только воду садам, но и явятся питомниками и рассадниками рыбы (выпущенные в 1934 г. в Огиз-Обинское водохранилище 20-граммовые мальки зеркального карпа в 1935 г. весили уже по 2¹/₂ кг). Внедряются улучшенные садовые и виноградные сорта и улучшенные приемы обработки. Созданы крупные механизированные табачные совхозы: Симферопольский, Бахчисарский, самый крупный в Крыму (свыше 1 000 га, из них под табаком свыше 300 га). Появились гнезда хлопчатника (в районе Старого Крыма и др.), эфирносов (Звья и др.). Организован ряд специальных МТС (Фоти-Сала и др.). По всей территории строятся фруктовые площадки, плодохранилища, огнесушилки, табачные сараи. Электрифицируются совхозы, колхозы, города. Бывшие дворцы превращены в дома отдыха, в школы крестьянской молодежи (Коккозы и др.).

Труднее было на фронте коллективизации. Классовый враг, легко выбитый из степных полей, окопался в горно-садовой и южнобережной зонах, спекулируя на трудоемкости их культур. Помещик и кулак, вчерашние владельцы садов, нашептывали через своих агентов: «Колхоз действительно может работать на зерне, но ему нечего делать в саду. Сад упрям и обидчив. Его не возьмешь трактором. Он может болеть, его надо лечить, за ним нужен особый уход, любовный уход. Такого ухода не дает колхоз. В руках у многих хозяев дерево перестает плодоносить. Дайте колхоз садам, виноградникам и табачной плантации, — и умрут дерево, виноград и табак».

Под влиянием подобных речей отдельные колхозы проникались неверием, переставали выполнять советы агронома, не удобряли сад и истощали его почву, не заботились об его уходе и

улучшении сортов. Сад засорялся, растения вырождались; урожаи становились хуже, а кулак, потирая руки, говорил: «Я же предупреждал, так и вышло. Дайте сад одному хозяину, и он зацветет».

Но ютпор таким настроениям вышел из среды самих колхозников. Нашлись энтузиасты, которые доказали, что колхозник может любить колхоз, и показали, как может.

Среди многих электрифицированных совхозов Крыма есть татарский электрифицированный совхоз «Умит». Не видно вокруг «Умита» мачт с проводами высокого напряжения, не приезжали в «Умит» и специалисты-электрики. Однако жил в этом татарском колхозе некий человек по фамилии Эндеков, по национальности грек, в прошлом механик. Однажды в будочке, где он постоянно возился, запела машина и вспыхнули в домах и на улицах стеклянные груши. Тут многие поняли значение нарытых когда-то Эндековым ям, воздвигнутых столбов и протянутой проволоки. Эндеков корпел над каждым колхозным домом, вбивая в него шнур, штепсели и патроны. Потом он перенес свою возню на край деревни и построил там мельницу. Она работала его, эндековским, колхозным электричеством. Осенней ночью председатель Госплана Крыма, подъезжая к «Умиту», увидел на краю его золотое сияние. Летали в воздухе миллиарды светящихся частиц, и был внутри этого светового снопа великий шум и грохот. Таинственное явление природы оказалось молотью, которую грек тоже осветил, проведя сюда шнур и лампочки. И председатель удивился, найдя электричество там, где Госплан его не планировал. Но Эндеков не один. Таких сейчас тысячи и по всем линиям колхозного строительства. И они ведут за собой все 70 национальностей Крыма, вместе с ними строят новый, социалистический Крым.

---

6. Города горной области.

Зарей захлебнувшийся тополь,
На станциях гравий, и воздух не наш
И горы — подобье повернутых чаш,
И сонный в садах Симферополь¹.

Вс. Рождественский.

Степные предгорья и горные долины — район не только древних пещерных городов или цветущих и благоухающих садов, виноградников и деревень, но и район цветущих крымских городов.

В этом районе сосредоточено более половины всех городов и две трети всего городского населения Крыма. Все они, вместе взятые, регулируют всю жизнь Крыма. И каждый из них имеет свою собственную, особую историю, свою собственную физиономию и ни один не похож на другой.

Наибольшее значение имеют города западной половины горного Крыма: Симферополь, Бахчисарай, Севастополь, Балаклава.

Симферополь — в переводе значит «собирающий», и он действительно «собирает» и объединяет: и как столица республики, и как территориальный центр ее, и как самый большой город в Крыму (115 000 жителей), быстро растущий. Степные пространства напирают на него с трех сторон, но он стоит уже на второй горной гряде (300 метров), а на горизонте уже видны полупрозрачные воздушные контуры главного Яйлинского хребта с характерной трапецией Чатыр-Дага в центре.

На северного человека наиболее сильное впечатление производит Симферополь ночью, когда его широкие улицы залиты светом электрических фонарей и светом из окон магазинов. В окнах — горы фруктов и огромные корзины с виноградом. Настежь раскрыты двери ресторанов, где шипит подаваемый потатарски густо обложенный ароматичной зеленью и лимоном шашлык; открыты двери бузных, где продается сладкая, шипучая и слегка возбуждающая буза — национальный татарский напиток, приготовляемый из проса. На улицах нарядная, во всем

¹ Описывается утро в поезде «скорый-крымский».

белом, южная толпа, оживленная и жестикулирующая; смех и говор на русском, татарском, украинском, еврейском и греческом языках. В городском саду, просторно раскинувшемся на высоком берегу Салгира, гремит музыка и, аккомпанируя ей, журчит пробирающийся по каменистому ложу под нависшими ветвями деревьев Салгир.

Находясь на стыке гор и степей, Симферополь перерабатывает сырье и той и другой области. Этим заняты его мукомольные мельницы, пивоваренные заводы, а также вновь выстроенные мясокомбинат, кожевенный завод, мыловаренный, крупнейшая — на 1,5 млн. пар в год — обувная фабрика и заводы: деревообделочный, стекольный, костяной, приводных ремней. Всесоюзное значение имеют его заново реконструированные табачные, а особенно плодоконсервные фабрики. Новым и совершенно немыслившимся при капитализме является выстроенный здесь завод консервных машин. Этот завод не только завершает все консервное дело Симферополя, он подводит собственную машиностроительную базу под консервную промышленность всего юга Союза. Недавно выстроенный, он успел уже выявить большие достижения: успел освоить 19 новых типов машин и изготавливает эти машины ежегодно тысячами (в 1933 г. — 1 280 шт.). В еще больших размерах намечается второй такой же. В окрестностях Симферополя имеются большие каменоломни и добыча кила (особая глина, дающая мыло, омыливающееся и в морской воде). В связи с ними в Симферополе выстроены новые заводы: «Индустрия» — по производству камнерезных машин и прочего оборудования каменоломен Крыма и завод «Кил».

Симферополь — крупнейший в Крыму рассадник культуры и кадров: четыре вуза, рабфаки, техникум по консервному делу (свыше 40% их студентов — татары), богатейший естественно-исторический и исторический музеи, занимающие несколько зданий и отражающие многогранную природу и не менее многогранную историю Крыма; плодородные опытные станции.

Узел курортных и туристских путей: на запад по железной дороге (от ст. Сарабуз) — на Евпаторию, на восток по шоссе — в Карасубазар, Старый Крым и Феодосию, на юго-восток по шоссе — на Алушту, на юго-запад по железной дороге — на Бахчисарай, Инкерман и Севастополь, на юг по шоссе — на Бахчисарай — Коккозы — Яйла — Ай-Петри — Ялта (самый красивый маршрут). Ежегодная всекрымская дөрвиза (олимпиада) в октябре.

Уже вокруг Симферополя столпились огромные сплошные сады, окаймленные с севера стенами пирамидальных тополей. Но в самую гущу крымских садов вводит *Бахчисарай* — в переводе «город садов». Город садов и фонтанов: бьет свыше 30 источни-

ков, журчат 120 фонтанов; бьет скважина на 300 000 ведер в сутки, и 4 века каплет по мраморным кармашкам воспетый Пушкиным «фонтан слез»:

Фонтан любви, фонтан живой,
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

Бахчисарай — древняя столица существовавшего до 1783 г. татарского ханства. Это — город-музей тюркской культуры с ханским дворцом персидско-арабского стиля с элементами итальянского возрождения, с мраморными мавзолеями; со стройными минаретами многочисленных древних мечетей; с остатками восточного быта: высокие и глухие стены домов — без окон на улицу, балкончики и окна внутрь двора, обнесенного высокой стеной с узенькой калиткой, садики, цветники и фонтаны внутри двора. При царизме Бахчисарай — забытое и забитое захолустье, царство мулл, «аджей», «ишанов» и дервишей, мелко-буржуазная стихия кустарей-башмачников, кожевников, шорников, медно-посудников, вонючая яма и скопище грязи и вечно голодных собак вдоль гнилой речки Чурюк-су (в переводе «гнилая вода»). Теперь здесь центр татарской культуры, город ярких красок и своеобразного «восточного» колорита, единственный и неповторимый. Совершенно невидимый со стороны окружающих его высоких степных плато, он утонул в синезеленой мгле глубокой балки ущелья (длиною 6 км, шириною не более 4 км). Город, где улицам тесно, но творчеству художника и мыслям историка просторно. Город, где узенькие улицы то выются по карнизам ущелья, то карабкаются вверх, то скользят и падают на дно балки, то смело перепрыгивают через речку по узким и горбатым мостикам. Город, где летом чуть ли не на каждом каменном выступе ущелья торчит художник или турист. Особенно живописен он с минарета дворцовой мечети в лунную ночь; крохотный городок потонул и замер в роскошном сиянии. Лишь высокие пирамидальные тополя тихонько и важно склоняются своими вершинами, и всюду по обрывам ущелья и по его темному ложу, куда только может сквозь зелень садов проникнуть глаз, рассыпались сверкающие белизной своих стен крохотные домики с черепичной кровлей.

Сейчас дворцовый сад — любимое место гулянья бахчисарайцев, а во дворце, мечетях и других лучших зданиях города — музеи, выставки, клубы, библиотеки, база пролетарского туризма, около десятка школ; газеты и журналы — все на татарском языке. Художественная школа и кустарно-промышленный техникум для народов Востока. В их учебных мастерских обучаются приклад-

ному искусству и художественной промышленности — грядущая смена кустарям — татары Крыма, Казани и Астрахани, горцы Кавказа, узбеки Средней Азии, всего до 22 национальностей. Бывшие кустари Бахчисарая кооперируются в артели, а технологические процессы электрифицируются. И на месте кустарного Бахчисарая вырастает Бахчисарай пролетарский, фабрично-заводской, с рабочими и работницами татарами: работают два кожевенных завода, деревообделочный, небольшой химкомбинат,

Уголок Бахчисарайского дворца.

трикотажная фабрика, завод экстракта из кизила и диких груш, металлообрабатывающие, токарные, медно-чеканные, ювелирные и сафьяно-обувные предприятия. Строится консервный завод, намечается табачная фабрика. С постройкой цементного завода город выйдет за пределы ущелья. С 1931 г. проведено электричество из Севастополя. Со всех сторон облегли и пронизали город садовые совхозы и колхозы, огромный табачный совхоз. А в самом «городе садов», построенном ханами, председательствует сейчас Эмир Гусейн Асанов, бывший батрак из Акчокрака, бывший плугатарь и овечий чабан. От Бахчисарая строится шоссе (20 км) на месторождение бешуйского угля, которое уже разрабатывается.

В окрестностях и в районе Бахчисарая целый ряд древних пе-

щерных городов и крепостей, с тысячами пещерных комнат; из них особенно экзотичен *Чуфут-Кале* (в переводе «еврейская крепость») на малодоступных высотах в виде отвесных скал: мертвый надземный и подземный города.

«Грустна еврейская Помпея, в обломках город тих и пуст», — писал в свое время о Чуфут-Кале Вяземский. В надземном городе укрывались сначала ханы, а потом жили еврей-караимы, днем торговавшие в Бахчисарае, а на ночь уходившие под защиту стен Чуфут-Кале, который был отведен им ханами за какие-то денежные услуги. И сейчас еще высоко поднимаются мощные стены от обрыва до обрыва горы с двумя железными воротами. Внутри их — мощенные камнем и заросшие травой улицы и тротуары, тюрбе (мавзолей), две караимские кенассы (синагоги), монетный двор, где караимы перечеканивали хорошую ханскую монету на неполновесную, и до 300 домов в различных стадиях их разрушения, с лесенками, балкончиками, закрытыми ставнями. Город вымер точно вчера. И кажется, вот-вот скрипнет ставень или откроется ветхая дверь на шаткий балкончик, и выйдет древнекрымская еврейка, закутанная в чадру, или обнаружится совет стариков под навесом у мясной лавки, торжественный, важный и молчаливый, мимо которого не смели проходить ни женщина, ни мальчик. А внизу, в скале, былая ханская Петропавловка: три яруса высеченных в скале пещер, с сухими каменными колодцами, с каменными казематами, где узники, прикованные к стене, томились десятками лет, нередко знатные иностранцы, такие как воевода Шереметьев, князь Андрей Ромадановский, гетман Потоцкий и другие иностранные вельможи. Кровь казненных стекала по каменному желобу, а обезглавленные трупы выбрасывались через высеченные в камне амбразуры в пропасть — на съедение собакам:

«Знай, бездна глубже здесь колодца в Эль-Каире.

Ты не гляди туда, взор не достигнет дна».

Самый большой по размерам пещерный город *Инкерман* (в переводе «пещерная крепость») лежит уже в преддверии Севастополя. Древние пещеры, «крипты», друг над другом точно гнезда стрижей в 9—10 этажей, высеченные в совершенно отвесных скалах и кручах «карниза» — второй (меловой) гряды. Наверху, на плато — остатки древней крепости. Более поздние пещерные стройки: церкви и десятки монастырских келий. Современные домики, кладовые и сараи современного инкерманского населения (молочниц Севастополя и рабочих овощного совхоза севастопольского морзавода), приютившиеся в нишах и выемках скал и избежавшие расходов на крыши и задние стены. Древние и новые каменоломни. Здешний камень мягок и легко добывается, красив (желтоват и сине-зеленоват) и легко обрабатывается —

и потому идет на архитектурные украшения и даже на статуи, сух, теплоемок, а выломанный, сильно твердеет на воздухе и издревле всем известен как прекрасный строительный материал. В глубокой древности, две-три тысячи лет назад, его вывозили в Рим длястроек и украшений «вечного города».

В средневековье им обстраивалась расцветавшая тогда купеческая Генуя. В XIX в. из него был вновь выстроен разрушенный в войну 1854—1855 гг. Севастополь и его приморские батареи и крепостные башни. Строились и строятся из него и другие города Крыма, а сейчас поступают на него заказы из Греции и других стран Средиземноморья.

Кручи Инкермана и Большой рейд огибает железная дорога, и виды из вагона эффектны и неожиданны, особенно ночью: бесчисленные огни судов и зданий снопами врываются то в правое, то в левое окно, дрожат и гаснут в воде, а воздух тепел и как-то особенно мягок; чувствуется море, чувствуется сам Севастополь.

Севастополь—в переводе «величественный город». И он именно таков: величественный и властный и по своему географическому положению, и по внешнему виду, и по своему героическому прошлому и пролетарскому настоящему. Город, весь обвеянный легендарными сказаниями обороны 1854—1855 гг., жгучими воспоминаниями трагической весны первой русской революции, революции 1905 г., потрясающим драматизмом борьбы, оккупации и подполья 1917—1920 гг. Город, весь насыщенный историческими музеями и памятниками. Город, где чуть ли не каждый дом имеет свою собственную историю, связанную с историей страны.

Первоклассная морская советская твердыня—стоянка Черноморского красного флота, одна из лучших в мире гаваней, прекрасно оборудованная, с огромными доками, с крупным морским судостроительным заводом, советский часовой, выдвинувшийся почти на самую середину Черного моря.

Невысокие горы окружают город с севера, юга, востока. С запада—море. Глубоко врезалось в сушу морское ущелье, бывшая когда-то долина Черной Речки, опустившаяся затем под воды моря и образовавшая знаменитый теперь Большой рейд—военный порт, бухта, длиной до 7½ км и шириной до 1 км, глубиной до 20 м, с боковыми заливами и подсобными бухтами. Из них Южная бухта—гражданский порт—имеет сама в длину до 3 км. Высокие, до 40—75 м, береговые округлые холмы и утесы защищают бухты от всех ветров.

А по склонам и скатам холмов, балок и ущелий и по берегам бухт рассыпался и разбежался во все стороны и самый город.

По южному берегу Большого рейда, от самого низа, оттуда,

где еле заметно колышется мутнозеленая соленая вода у свай, заросших бледнозелеными водорослями и ракушками, и где всегда дежурят десятки яликов и катеров, неторопливо, широкими ступенями, поднимается роскошная беломраморная лестница — пристань. Верхнюю площадку ее, точно портик древнегреческого храма, увенчивает обширная белая колоннада с прямыми линиями строго выдержанного дорического стиля. Он нее огромными широкими террасами со ступеньки на ступеньку, точно древнегреческий акрополь, поднимается на высокий холм центральная часть города со строгими линиями своих двухэтажных домов белого и зеленовато-серого инкерманского камня, с рядом зданий, построенных в стиле храма Тезея.

Внизу, у подножья этот акрополь кольцом огибают широкие чистые улицы, одетые известняком, залитые асфальтом, обсаженные невысокими белыми акациями. Блестят зеркальные стекла и витрины магазинов и гостиниц, со звоном несутся трамваи, вся во всем белом неторопливо идет городская толпа, жизнерадостные матросы-комсомольцы с кораблей. Узкие и высокие каменные лестницы с площадками на поворотах ведут на вершину акрополя. А оттуда — реличественная панорама на все стороны горизонта. Прямо на севере, у подножья, Большой рейд с серыми низкобортными многотрубными морскими гигантами. За рейдом, среди выжженной степи, зеленеет Братское кладбище с пирамидальной верхушкой памятника жертвам Крымской кампании 1854—1855 гг. На северо-востоке внизу Южная бухта с коммерческими пароходами и складами, с огромными тополями у железнодорожного вокзала. Над ними колоритная Корабельная слободка — узенькие улицы с кучами белых и серых домиков по карнизам и скатам над бухтой, при советской власти получившие зелень и трамвай. За Корабельной знаменитый по войне 1854—1855 гг. Малахов Курган, бывший ключ к овладению Севастополем, озелененный тоже только теперь. На западе, у ног акрополя, по самому берегу моря памятник Ленину и Приморский бульвар — лучшее для отдыха место в городе: широкие аллеи невысоких деревьев, эстрады, музыка, рокот и свежесть открытого моря, бегущие к берегу «белые барашки».

На юг утопающее в зелени Исторического бульвара круглое здание «Панорамы»; правее — бесконечное море крыш и серых домов; вдаль — Херсонес, развалины древнегреческой Помпеи; на горизонте — маяк Херсонеса, голубеющее море и полупрозрачные дымки пароходов, уходящих к Южному берегу. И всюду, куда только ни посмотришь, глубоко врезавшиеся в сушу и город заливы, бухты и их продолжение — балки. Дождевые воды, омывая известковые скаты улиц города, уносят по этим балкам малейшую нечисть — все то, чего не досмотрела или не доделала

городская канализация. Севастополь—самый чистый город в Крыму. А обратно через те же заливы и балки дневные морские бризы настолько вентилируют и пронизывают весь город свежестью и воздухом моря, что так и кажется, находишься не в центре большого восьмидесятитысячного города, а на открытой палубе бегущего в море корабля. И этот чистейший морской воздух, непрерывное солнечное сияние, сухость и чистота города, морские купанья и морские катанья на парусах, да известный всему Союзу Институт физических методов лечения и ряд санаториев ставят Севастополь в ряд первоклассных летних курортов Союза.

По национальности — русский, по возрасту — молодой, ему не более 150 лет. Город основан в 1784 г. как крепость для стоянки русского флота и захвата турецких торговых судов. При его постройке варварски разобрали многие стены и здания древнего Херсонеса и вырубали леса, которые раньше тянулись отсюда до Балаклавы и до Бахчисарая (а с вырубкой лесов иссякли источники, и вся побережья полоса от Херсонеса до Балаклавы, в древности покрытая сплошными виноградниками, окончательно превратилась в пустыню, оживляемую только сейчас).

Стремление царской России захватить проливы особенно глубокую тревогу порождало в Англии, опасавшейся за безопасность ее путей в Индию, и она вела сложную игру. Когда в 1854 г. русский флот сжег турецкий (вдвое сильнейший) флот у берегов Синопа, Англия, Франция, Италия и Турция послали свои военные силы в Черное море. Их войска высадились у Евпатории, но не зная, что Севастополь был совершенно неукреплен и беззащитен с суши, обошли город с юга и повели его медленную осаду (на осаду и с севера у них нехватило сил).

Русский парусный деревянный флот не мог противостоять англо-французскому железному паровому флоту и был потоплен самими русскими как заградительная цепь при входе в Большой рейд, а пушки и матросы были переведены на сухопутные земляные укрепления, которые и день и ночь в течение двух месяцев непрерывно возводились, а затем непрерывно возобновлялись и расширялись за все время осады. Флот союзников не мог проникнуть через заграждение из потопленных кораблей в гавань Севастополя, и французский флот обосновался в Камышевой бухте, а английский — в Балаклаве. Бывшие вне Севастополя русские сухопутные войска не раз пробовали отвлечь неприятеля от города. Но насколько стойки были солдатские массы, настолько было бездарно их командование, особенно высшее. И русские армии были неизменно биты и в долине Альмы, и на кручах Инкермана, и на высотах Балаклавы. (Кровопролитность этих баталий отображена на картинах севастопольского Военно-исторического музея.)

• Одиннадцать месяцев длилась осада. Канонада, активно поддерживаемая флотом, и беспощадные штурмы длились нередко неделями без перерыва. Союзники выпустили целые горы — около полутора миллионов снарядов и 28½ млн. пуль, сожгли около 5½ тыс. тонн пороху, погоряли свыше 50 000 чел. убитыми. В Севастополе были разрушены почти все здания, убито и умерло от ран свыше 100 000 человек.

Были убиты организатор и руководитель всей обороны адмирал Нахимов, победитель при Синопе, его соратники адмиралы Корнилов и Истомин, душа землеокопной обороны талантливый инженер Тотлебен. Надрывался от операций и приходил в отчаяние от недостатка бинтов и марли и отсутствия антисептики знаменитый хирург Пирогов.

В городе царили голод и болезни. Нехватало снарядов, подкреплений, ибо прерывалось и без того скверное (на волах) сообщение с севером (железная дорога до Севастополя только в 1875 г.). Грабили город подрядчики, поставляя всякую гниль. А город, этот изумительный город, все стоял. Стоял благодаря героизму масс (при намеченной Тотлебеном системе окопной обороны); наравне с солдатами и матросами сражалось гражданское население, включая и женщин. И пал он только 6 июня 1855 г., на 349-й день обороны. И в этот день севастопольцы отбили было неприятеля по всей линии. Но бешеным штурмом на Малахов*курган французы заняли эти командные высоты и сделали дальнейшую защиту города безнадежной. Уцелевшие остатки русских войск, разутые и раздетые, измученные и израненные, перешли по понтонному мосту через Большой рейд на северную сторону. Изумленный и тоже истощенный неприятель их не преследовал. (Это трагическое утро талантливо отображено на «Панораме обороны» художника Рубо: видны рассвет, густые массы союзников, хлынувшие по всей линии укреплений, все фазы артиллерийского боя, стрелки в бою, рукопашная схватка на батарее Жерве, легендарная Даша Севастопольская, военно-бытовые сцены.) В этот день кончилась эта эпопея, смесь обманутого героизма масс и органической гнущности крепостнического строя, царизма. Банкротство этого строя обнаружилось во всей неприглядной наготе. Но расплата изнутри пришла не скоро и не сразу.

Вторично после Крымской кампании 1854—1855 гг. приковал к себе мировое внимание Севастополь через 50 лет, в июне 1905 г., когда яркой, сигнальной ракетой зреющей революции звилось боевое красное знамя броненосца «Потемкин таврический». Восстание было жестоко подавлено, весь экипаж заменен новым; изменено было даже самое название революционного корабля. Но духом революции было пропитано даже са-

мое железо его. И в ноябре 1905 г. броненосец снова восстал, восстал с новым составом. Вместе с ним восстали крейсер «Очаков» и еще 7 судов, пехотные части брестского полка, саперы, артиллерия, рабочие морского завода. Во главе их стал лейтенант Шмидт. И только прибывшие с севера малосознательные пехотные части помогли царизму и на этот раз подавить восстание.

Драматическую полосу пролетарских побед и поражений переживает Севастополь в 1917—1920 гг. 16 декабря 1917 г. здесь возникает советская власть и отсюда распространяется на весь Крым: посылаются миноносцы «Хаджи-Бей» в Ялту, «Фидони» в Евпаторию, бронепоезд к Симферополю. А затем немцы, «союзники», Деникин, Врангель, Перекоп. Все эти моменты ярко отражены в Севастопольском музее революции.

Севастополь важен и как крупный промышленный, пролетарский и культурный центр. Его большой судостроительный завод строит роскошные теплоходы, траулеры, лесовозы, ледоколы, баржи, катера (в 1933 г. выпустил 18 разных судов). Кадры для него готовит вновь открытый судостроительный техникум. Завод «Молот» готовит оборудование кузниц, предметы ширпотреба. Выстроен огромный холодильник, так необходимый и Севастополю и Южному берегу. Кроме того работают мельницы, макаронная фабрика, кожевенный завод (частично на продукции здешнего дельфинного промысла; дельфин весом в среднем 50 кг дает 25 кг жира, идущего в медицину, мясо, идущее на консервы, и кожу, из которой выделывают обувь, портфели и др.). Строится крупная электростанция на 24 000 квт. Наряду с музеем революции, историческим, херсонесским и «Панорамой обороны» 1854—1855 гг. туристов привлекает здесь морская биологическая станция, в особенности ее аквариум, — самый большой в Союзе. В огромном центральном бассейне плавают осетры, белуги, скаты, а иногда и акулы. В аквариумах вдоль стен «море за стеклом»: в обстановке, воспроизводящей естественную (морское дно, камни, скалы), плавают кефаль, султанка, качается как травинка среди водорослей игла-рыба, зарывшись в песок лежит камбала, ползают среди камней крабы, видны медузы, актинии, красные кораллы и многие другие обитатели Черного и Мраморного морей. Вокруг города выросли новые рабочие поселки. Всюду идет озеленение улиц. В одной из соседних бухт намечается постройка крупного коммерческого порта.

В 3 км от города — развалины раскопанного древнего Херсонеса, отображающего быт древних греков и многих других живших здесь после них народов.

В 15 км к юго-востоку от Севастополя — Балаклава, «греческая столица», крохотный греческий рыбацкий городок, со всех

сторон укрытый высотами и не видный ни с суши, ни с моря, на берегу маленькой бухты, воспетой еще «Одиссеей» Гомера.

Снаружи, с юга Балаклавы, открытое море, очень глубокое (в 100 м от берега 100 м глубины) и почти всегда бурливое. Только суровые и голые красноватые утесы мыса Айя да ряд старых высоких круглых генуэзских башен сигнализируют, где с моря искать вход в Балаклаву. Самый пролив с моря невидим. Он узок, извилист (затопленная речная долина) и в бурю очень опасен. Именно здесь у входа в ночь на 21/XI 1854 г. ураган разметал и разбил почти весь английский военный флот. Огромные волны доходили до подножья башен, а брызги — до их вершин, на 100 м. В числе погибших кораблей был «Черный принц», привезший жалованье английской армии и флоту — 2 млн. руб. золотом, затонувший у самого входа на огромной глубине.

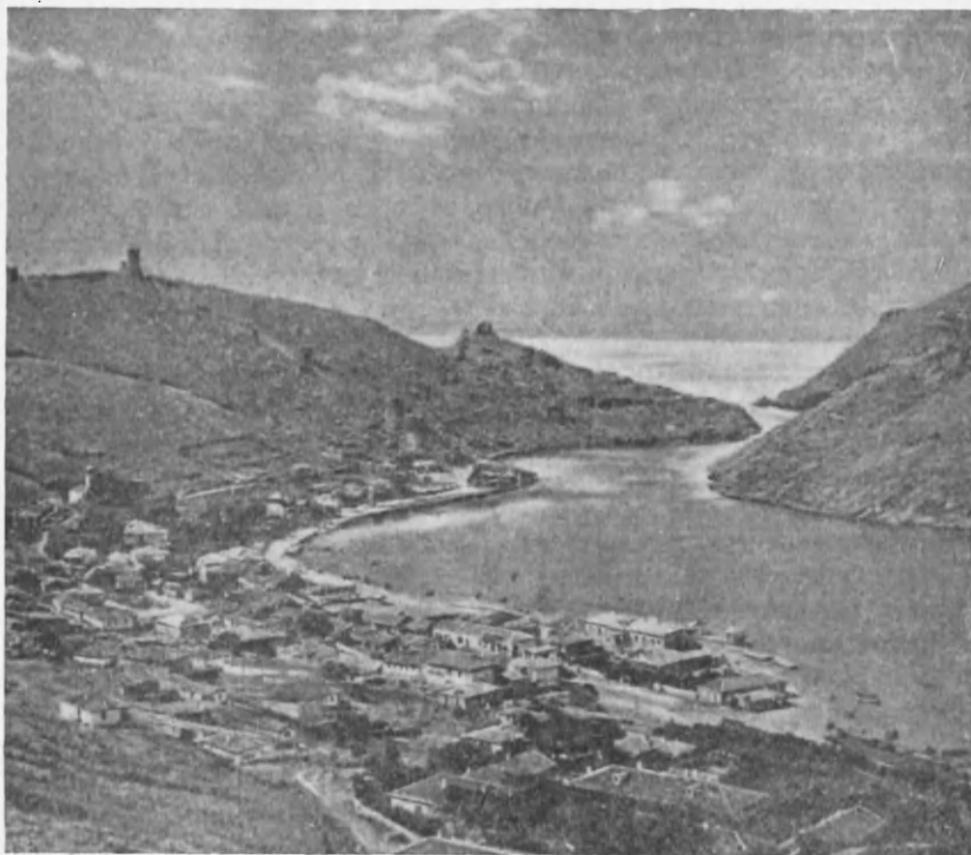
Внутри, на дне горной котловины, — небольшая бухточка (всего 1½ км длины и 128—425 м ширины), но глубокая (до 17 м) и всегда очень тихая. Как бы бешено ни бились синезеленые волны открытого моря об острые ребристые утесы входа, в бухте всегда зеркальная гладь. Разве только слегка потемнеет вода, пройдетя по ней едва заметная зыбь, точно морщинки по детскому капризному личику, да нагонит с моря несметные количества рыбы: бывают годы, когда от переполнившей бухту рыбы не видно воды.

Сплошным кольцом обступили бухту тесно сдвинувшиеся горы — голые, без травы, без деревьев, сухие и каменистые, жадно впитывающие и испускающие солнечный зной. И как-то не верится, что в них есть прорыв в открытое море; что эта бухточка все же море, а не пруд, не высокогорное озеро; не верится, что сюда когда-то вползали на стоянку грузные громады английских военных кораблей.

По одной стороне бухты вьется узенькая набережная. Но двухэтажные домики так близко подошли к воде, что, кажется, с их балконов можно прямо в бухту закидывать удочку и удить рыбу. От набережной вверх по горе поднимается 5—6 коротких улочек, с еще более короткими и узенькими переулочками, с одноэтажными белыми домиками в 5—6 оконцев, с палисадниками, с обязательными в Крыму, но тощими здесь, белыми акациями, с тузовыми деревьями. На другом берегу — врезавшиеся в голые горы и скалы санатории и дома отдыха летнего курорта. Имеется крохотный городской садик, с теми же белыми акациями и мимозами, но без лавров и кипарисов: это все же еще только преддверие Южного берега, но не сам Южный берег.

Тихо и сонно было до революции в Балаклаве: так тихо, что писатель Елпатьевский говорил: «Хорошо в Балаклаве жить, но

еще лучше умирать». Сейчас город разбудили и оживили: электротрамвай, соединивший Балаклаву с Севастополем и тем самым сделавший ее частью Севастополя, заново перестроенная рыбоконсервная фабрика, ветроэлектростанция, самая большая в мире этого типа (100 лш. сил), окрестные ломки мрамора, лучшего

Вид на Балаклаву с севера (с суши) и сверху.

в Крыму (им облицовано большинство станций московского метро), электрифицированные каменоломни известняка, камнедробилки и обогащительные фабрики, начавшие с 1932 г. поставку флюсов для металлургии Керчи и Украины, выросшие на этом крупный рабочий поселок и железная дорога от Балаклавы до Инкермана (16 км.), строящийся завод по обработке дельфинов, водолазная школа Эпрона, с учебой сначала в тихой балаклавской бухте, а затем в открытом море, вновь разбитые и механизированные совхозные и колхозные виноградники под Ба-

лаклавой да санатории, дома отдыха и звонкие задорные песни советской молодежи.

Километрах в трех к западу от Балаклавы, на карнизах высокого берегового обрыва (196 м), над сверкающей внизу бездной моря, среди пятен зелени, живописно разбросался б. Георгиевский монастырь, поражающий туриста резким контрастом неожиданного перехода от унылой степи к панораме моря (сейчас здесь птице-животноводческий совхоз «Безбожник»).

Восточная половина горной области почти совершенно не посещается туристами, особенно ее центральная часть. Но и она интересна во всех отношениях. Обширные долины в рамке невысоких округлых сине-зеленых гор. Мягкий горно-степной ландшафт. Бодрящий воздух. Лучшая во всем Крыму зима: солнечная и ясная, тихая и безветренная, теплая и сухая, без дождей и без туманов, которые зимой и ранней весной так густы и так часты и неприятны на Южном берегу.

Новенький автобус мягко мчит вас по прекрасному шоссе между двумя горными грядами, по ровной, широкой долине, сплошь прекрасно возделанной, с механизированной тракторной обработкой и уборкой комбайнами, через совхозы и МТС, через пшеничные поля, сады, виноградники и небольшие плантации табака, хлопка, казанлыкской розы (Зуя), через цветущие колхозные села всех национальностей, через старинные, когда-то гремевшие чуть ли не на весь мир города: Карасубазар, Старый Крым, Феодосию.

Карасубазар лежит в живописной долине, окаймленной невысокими меловыми горами, обильно, как нигде, орошенной реками Большой и Малый Карасу, многочисленными студеными горными ключами. Орошенных земель здесь столько же, сколько имеют самые знаменитые долины — Качи, Альмы и Бельбека, вместе взятые. С поливными же сенокосами — втрое больше. Это один сплошной коллективизированный яблоневый сад и поливной сенокос и огород. Яблоки отсюда идут во все города Союза и за границу, а овощами снабжаются степь и почти все города Крыма. Сам город с еще более ярко восточным колоритом, чем Бахчисарай, когда-то оживленный торговый пункт на транзитном пути: Индия — Кавказ — Керчь — Старый Крым — Карасубазар — Симферополь и Карасубазар — Ускуп.

Открытие Америки убило восточные транзитные пути, а проведение железных дорог в Крыму, миновавших Карасубазар, убило его и как крымский транзитный и торговый пункт; исчезла торговля, поразъехалось, поразбежалось население, остались одни кустари, огородники да садоводы.

Сейчас город вновь оживает, но уже на социалистической основе. Он сплошь коллективизированный сад с кооперирован-

ными кустарями, залитый электричеством, оборудованный водопроводом, соединенный телефоном с Симферополем, с Севастополем, Ялтой, Феодосией. Мостятся улицы, изгоняются пыль, вонь и грязь. Работают: техникум (по плодоводству), девятилетка, начальные школы на всех языках, 2 кино, дом крестьянина, превращаются в музеи мечети, выстроен завод экстракта из кизила и диких груш. В районе работает две МТС специальных культур, совхоз *Мариано* (511 га сада) с пчеловодной пасекой, со школой совхозного ученичества и с рекордными урожаями фруктов (в 1934 г. по 135 ц с 1 га).

Дальше по обеим сторонам все того же магистрального шоссе, обсаженного деревьями, идет *Старый Крым*, просторно расположившийся в широкой зеленой долине речки Чурук-Су и раскинувшийся по склонам и отрогам горы Агармыш. Его белые домики ослепительно сверкают из гущи яркозеленых орехов, покрывающих эту гору. Это добахчисарайская крымская столица ханов Золотой орды. Глухое, заброшенное, забытое и опустевшее захолустье при царизме. Центральная база повстанческих операций крымских красных партизан во время Врангеля. Сейчас образцовый центр образцового национального колхозного района. Основной в Крыму центр хлопководства. Великолепный, хотя пока и мало посещаемый высокогорный курорт для легочных больных с его бодрящим горно-степным воздухом и с ароматом горных луговых трав и цветов, из которых местные жители нередко готовят себе целебные цветочные ванны. Восемь небольших зданий (на 30 человек) санатория затерялись в лесу на протяжении 4 км. Неподалеку отсюда, в *Кизильташе* («Красный камень»), в высоком горном ущелье, среди красных скал, густых дубовых, грабовых и тенистых буковых лесов и холодных ключей, строится большой высокогорный санаторий для военных.

На крайнем восточном фланге горной области, там, где сходятся море, горы и степь, шоссе, железнодорожные и морские пути, лежит *Феодосия*. Город на юге лепится по голым склонам горы Тепе-Оба (280 м), на севере припадает к плоским песчаным берегам огромного полукруглого залива, в центре жметя к старым, спускающимся с Тепе-Оба генуэзским стенам и башням и прильнул к древнему фонтану. Город онован две с половиной тысячи лет тому назад как перевалочный хлебоэкспортный пункт из Таврии в древнюю Грецию. Потом, в средние века, как главный генуэзский торговый и административный центр в Крыму, вел торговлю со всеми странами тогдашнего мира. Феодосия временами насчитывала 20 000 домов, 100 фонтанов, 55 греческих и армянских церквей, 56 роскошных мечетей, 85 000 человек населения и за свою сказочную роскошь и великолепие была прозвана турками — «кучук-Стамбул» — «ма-

ленький Константинополь». Основой этой роскоши, великолепия и богатства была торговля рабами: пленными из Украины, Польши и Московской Руси. С присоединением к России город опустел; население сократилось до 2—3 тысяч. Он снова стал расти только после проведения железной дороги (в 1892 г.) и постройки (в 1895 г.) коммерческого порта и к 1935 г. достиг

35 000 человек. О прежней его жизни напоминают только древние стены, башни и рвы, да красочно рассказывают феодосийские музеи и картинные галереи.

За советское время в нем выстроены крупный консервный завод, мясокомбинат и табачная фабрика, реконструированы прежние заводы, организован (в числе других) техникум для подготовки кадров крупному социалистическому земледелию (комбайнеров и др.). Но и сейчас город не отличается большим ростом. Не используются, как можно было бы, и его прекрасные возможности как летнего курорта: непрерывное солнечное сияние, окрестные целебные грязи (Аджи-голь), а в особенности роскошный широкий песчаный пляж, тянувшийся на многие километ-

Четырехугольная генуэзская башня в Феодосии.

ры, и великолепное морское купанье*, уступающее только евпаторийскому. В городе мало зелени. Много пыли. Будничность и однообразие архитектуры приплюснутых домов. Однотонность уходящих к северу низких берегов и степи.

Всесоюзное значение придается современной Феодосии только ее портом и морем. Все остальное — пока что только дополнение.

Огромная полукруглая бухта защищена от ветров со стороны суши цепью холмов и горою Тепе-Оба, а с открытого моря — двумя гигантскими молами. Первый мол — высокий и «узкий» (6 м), вдающийся в открытое море на целых 600 м с мерцающим ночью маяком на конце — волнорез. Второй, поперечный к первому, низкий и широкий (100 м ширины и 400 м длины), покрытый сетью подъездных железнодорожных путей (их в

порту до 15 км) — пристань. Между ними и берегом огромная — целый участок моря — спокойная бухта-«ковш», глубиною до 26 м, с причальной линией почти в 1½ км. Электрифицированные механические разгрузатели и погрузатели, элеваторы, склады и амбары, счетом до тридцати, высотой (некоторые) в 3—4 этажа, с подъемными мостами и прочими сооружениями. Хлеб, стекающийся сюда почти со всех степей Крыма, материковой Таврии и даже Харьковщины. Пришедшие за ним и стоящие вплотную у самой стенки широкого мола морские суда Греции, океанские гиганты Италии, Франции, Англии — такие, что когда с мола посмотришь на палубу некоторых (до погрузки), то валится шапка с головы.

В отличие от Севастополя — это порт исключительно торговый, как раз именно и выстроенный только для того, чтобы освободить Севастополь как военный порт от всяких коммерческих операций. В отличие от Евпатории — этот порт, вывозящий по преимуществу хлеб, а не соль. В отличие от Ялты — это порт по преимуществу грузовой и экспортирующий, а не пассажирский и не импортирующий. В отличие от Керчи — это по преимуществу порт внешней торговли и дальнего каботажа (Владивосток, Мурманск, Ленинград). За свою отличную работу он награжден Красным знаменем.

Благодаря морю и бухте неказистая днем Феодосия в тихую ночь производит чарующее впечатление на приезжего, даже побывавшего перед тем в Ялте или Севастополе: необъятная морская гладь, силуэты пловучих гигантов, изрыгающих снопы света, бриллиантовые цепочки электрических огней берега и порта, рассыпанные по морю серые паруса яликов катающейся местной и приезжей молодежи. И быть может именно это феодосийское море с его безграничными просторами, с его красками, с его лаской и грозными бурями и штормами дало направление и таланту уроженца Феодосии — Айвазовского, чьи картины моря и заполнили лучшую в Феодосии картинную галерею и частью музеи других городов Союза. Картины, которые подтверждают справедливости надписи на могиле великого художника-мариниста: «Родившись смертным, сделал свое имя бессмертным».

---

7. Яйла.

Яйла — плоскогорье, где полдень не жарок,
Где овцы пасутся и бродит туман,
Где в тесном кольце густошерстных овчарок
Стоит, опираясь на палку, чабан.

Вс. Рождественский.

Яйла обыкновенно включается в горную область. Но она должна быть выделена в самостоятельную единицу. На ней, правда, нет сейчас пока почти никакого хозяйства, если не считать примитивного овцеводства и единственного молочного совхоза «Яйла» (500 голов). Но она — диктатор жизни и хозяйства всей горной области, а особенно жизни Южного берега, ибо она дает им воду. Яйла — аккумулятор и распределитель атмосферной влаги. Она дает начало всем тем 3 000 источников и многочисленным речкам, которые питают сады, виноградники, табачные плантации и огороды Южного берега, предгорных и горных долин. Она питает водопроводы их городов и приводит в движение до полутораста водяных мельниц. Ветры Яйлы составляют 98% всех энергоресурсов Крыма, и уже начата стройка ветросиловых электростанций. Ее мраморы и другие стройматериалы стоят вне конкуренции по крепости и красоте, неисчерпаемы по запасам и уже идут на стройки Москвы (метро), Симферополя, Тифлиса и других городов Союза. Ее пастбищные возможности при научном использовании могут дать курортам Южного берега все то молоко и масло, что привозится теперь в Крым чуть ли не из Сибири. На ней будут летние санатории. А для людей науки, спортсменов-альпинистов, художников, поэтов и людей, склонных к романтизму, Яйла — научный и приключенческий фильм. И без Яйлы совершенно по-иному сложилась бы жизнь не только Южного берега или горной области, но и всего Крыма.

Предоставленная, однако, буйной игре природных стихий и хищническому хозяйничанью людей капиталистического прошлого, Яйла не только не давала того, что могла бы дать, но и систематически растрчивала и то, что имела,

Яйла начинается на западе у Байдарских ворот и тянется прерывистой цепью к северо-востоку на 80 км, то суживаясь, то расширяясь. Против Кекенеиза ее ширина около 3 км, над Ялтой — всего несколько сотен метров, Бабуган-Яйла (над Бююк-Ломбатом) шириною 3 км, а отдельно стоящая Яйла Чатыр-Дага, против Алушты, — 3 км ширины и 9 км длины. Наибольшей ширины, 15 км, достигает Караби-Яйла над Туаком.

Когда-то Яйла была покрыта чуть ли не сплошными лесами. К настоящему времени леса сохранились только по склонам Яйлы и ее вершин да по некоторым понижениям внутри.

Вся остальная Яйла безлесна. Травы покрывают ее то сплошь, то отдельными пятнами и клочками. Все лето ее украшают прелестные незабудки, фиалки, камнеломки, эдельвейсы.

Но хорошие луга на Яйле невелики: не более 20% ее площади. Все же остальные пространства — безжизненные каменные поля, разнообразные при всем кажущемся их однообразии: то совершенно ровные, то взволнованные крутыми уступами, нагромождениями скал и глубокими ложбинами. В одних местах вы видите как бы застывшие и окаменевшие огромные морские волны. В других — циклопические сооружения или развалины каких-то древних построек. В третьих — настоящий лунный ландшафт, наблюдаемый в телескоп. Нередко на целые километры тянутся одни только серые каменные осыпи и поля каменных осколков и щебня, режущих ногу и обувь. Только местами, по днищам воронок, торчат одинокие низкорослые изуродованные ветром деревья и кустарники. Есть тысячелетние тиссы, выросшие когда-то в тени влажных лесов в эпоху иного более влажного климата Крыма. Но зелень их листы еще резче оттеняет серый колорит каменной карстовой пустыни.

Особенно дика, трудно проходима и имеет наиболее ярко выраженный карстовый характер *Караби-Яйла*, хотя и на ней, на возвышенном северо-западном ее углу, имеются буковые и другие лиственные леса, нередко значительных размеров, зеленые лужайки и даже целое озеро Каратауголь.

Из нескольких десятков пещер наиболее эффектны: Бинь-Баш-Коба, Хараных-Коба, Изель-Коба, Бузулук-Коба и Туакская.

Бинь-Баш-Коба (на втором уступе Чатыр-Дага) — в переводе «тысячеголовая»: в ней когда-то укрылось около 1000 человек и погибло не то от голода, не то от дыма костра, разведенного неприятелем при входе в пещеру. Об этом местами напоминают черепа и другие человеческие кости, вросшие в натечный известняковый пол пещеры. С потолка свешиваются крупные сталактиты, а снизу поднимаются такие же сталагмиты, при срастании образующие ряды причудливо скрученных и перекручен-

ных колонн. Пещера особенно красива и фантастична при вспышке магния, когда на фоне утопающих во мраке сводов и уходящих коридоров и зал тысячами алмазных искр сверкают острые изломы и осколки ее колонн. Но темно, сыро, грязно и душно, и поскорее хочется выбраться на дневной свет, на вольный свежий воздух. Обследовано только несколько зал. Сколько их всего и где они кончаются, никому неизвестно. До сих пор большинство татар далеко обходило Бинь-Баш-Кобу.

Харанлых-Коба. На северном склоне Чатыр-Дага пещера двухэтажная: вверху Кизыл-Коба (холодная пещера), а на 53 м ниже ее Харанлых-Коба (темная пещера). Очень сыро, очень грязно, очень темно, и в начале пути очень надоедают летучие мыши. Но вся красота пещеры находится в конце, сотни за две метров. Уже издали слышится неясный гул, как будто шумит лес. Дальше уже ясно слышится шум реки и плеск воды. Но самой реки еще не видно: густой мрак пещеры не рассеивается и при десятке свечей. Уже у самой реки вы натываетесь на камни, взбираетесь на самый дальний из них и только тогда начинаете кое-что различать. Под вами — с невероятным шумом, плеском, и пеной, блестящей, как алмазы, бьется о камни вода. Над вами — своды, таинственные, мрачные, пропадающие в темноте. За вами — полуутопающее во мгле маленькое прелестное подземное озеро. Река вырывается из него, бешено мчится мимо вас и бросается в неизвестную пропасть. Это Соботкань — прекрасный образец карстовой реки: рождается из земли, течет затем несколько километров по дневной поверхности земли, потом устремляется вниз, под землю, появляется в пещере, снова исчезает неведомо куда, появляется опять на дневную поверхность, ярко блестит здесь своими водами, срывается со скалы пышным водопадом и под новым названием Су-Учхан сливается с рекой Салгир.

В Ледяной пещере (Бузулук-Коба), на Караби-Яйле, всегда холодно; даже в июле не выше 0°. С потолка падает ледяной водопад, спускаются ледяные сталактиты, ледяные драпировки и высокий столб чистого, никогда не тающего льда. Около столба — глубокая яма, куда стекает вода. Над пещерой летом — постоянный туман: происходит конденсация (сгущение) паров воздуха, притягивание воды из атмосферы.

В глубине Туакской пещеры, на Караби-Яйле, из колодцев и углублений выделяется углекислый газ. Вокруг много костей людей и животных, погибших при неосторожном приближении к источникам выделения. Многие местные татары-старика далеко обходят эту пещеру. По их словам, в пещере живет «шайтан» (чорт). Сам-де он на свет не любит показываться, но мучит

всех тех, кто осмеливается близко подойти к его жилищу и нарушает его покой.

Зимой снег покрывает Яйлу всю сплошь слоем толщиной в среднем до 50 см, в котловинах же — до 4½ м. Снег забивает все воронки и провалы и не успевает растаять в них и за все лето. Татары снабжают им летом Ялту и другие курорты. Медленно превращаясь в воду, снег поддерживает жизнь источников в течение всего года, особенно в тех местах, где сохранились леса, лучшие хранители влаги. Летом же снеговые поляны, пятна, воронки-ледники и ледяные пещеры даже в ясную погоду конденсируют (сгущают) влагу воздуха и впитывают в себя. Вся же Яйла, сгущая пары проходящих мимо ветров, заставляет их разряжаться дождями, нередко проливными. Капля за каплей, проходя все дальше и дальше по подземным пустотам, колодцам, пещерам и водопроницаемым пластам, вода упирается, наконец, в водонепроницаемые пласты, скользит по ним и в конце концов выходит где-нибудь на склоне или обрыве горы в виде источников. Эти источники дают начало многочисленным горным и степным рекам и речкам северного и южного склонов. Так, Аянский источник, глубиною в 27 м, даже в самое сухое время года выбрасывает 1 600 000 ведер воды в сутки и дает начало реке Салгир, самой крупной реке в Крыму. Отсюда же, из Аяна, проведен в 1923 г. водопровод в Симферополь, длиною в 23 км и мощностью 500 000 ведер в сутки. А сейчас, кроме того, здесь же устроено и расширяется огромное водохранилище для летнего орошения садов, виноградников, табачных плантаций и огородов прилегающей части горной области. Зимой с Яйлы воды стекает в море раза в 1½ больше, нежели летом, и большая часть ее пропадает зря, потому что в это время года она никому не нужна. А летом ее всюду нехватает. Между тем человек сделал как будто нарочно все, чтобы свести к минимуму благотворное действие Яйлы и довести до максимума ее вредное влияние. Вырубил леса, — и заметно обеднели водой даже источники Ливадии, Никитского сада и других курортов. Стал суше климат. Человек оголил горные склоны, — и тем уничтожена защита снега от быстрого таяния и скатывания воды. Миллионные помещицы и кулацкие стада овец и коз, взбравшиеся до революции на лето на Яйлу не только из Крымской степи, но и из степей Украины и Бессарабии, уничтожали в зародыше не только всякую древесную поросль (особенно козы, злейший враг молодых лесонасаждений), но выщипывали, вытаптывали и последние травяные стебельки и корешки, связывающие дерновой покров Яйлы, и тем облегчали развевание его ветром и снос водой. Ветер же зимой сдувает почти половину всего выпавшего снега с открытых склонов и свыше четверти — с котловин. А остаю-

Идущий снег быстро тает под крымским солнцем. Оголенная развеваемая почва не успевает задерживать талые снеговые или дождевые воды, и они скатываются в море потоками, нередко страшными, иногда до 4 м глубины (р. Демерджи). На своем пути эти потоки желтой и мутной воды заполняют долины, заливают сады и виноградники, врываются в распахнутые окна и двери опустевших домов. Бурный вал мчитя через заборы и мосты, разрушает колодцы и оросительные каналы, покрывает почву толстым слоем гальки и щебня, заносит ими сады и огороды, уносит в море повозки, людей и животных и нередко за один раз приносит убытки на миллионы рублей. А вскоре после паводка — нехватка этой самой воды для садов и виноградников.

Еще более грозные бедствия несут оползни, вызываемые частью тоже самим человеком: вырубкой лесов, неумеренной поливкой, отсутствием борьбы. Вместе с огромными участками земли ползут дачи, сады, виноградники. Ползут Чукурлар (предместье Ялты), Ливадия, Алушка, Симеиз, Кучук-Кой, Мухолатка, Тессели, Форос, Бати-Лиман. Ползут медленно, столетиями, незаметно, но неуклонно и неумолимо. Стены домов дают трещины, разваливаются, на лесистых склонах от изменения наклона грунта появляются «пьяные леса». В Кучук-Кое 12/II 1786 года рухнула в море вся береговая полоса длиной в 2 км и шириной до 600—1 000 м (вплоть до стенообразных гор). Жители едва успели спастись бегством в Кекенеиз. В 1915 г. здесь же сползала полоса длиной в 1 000 м и шириной в 140—240 м. В ночь на 20/XII 1923 г. сорвалась сверху и перекрыла шоссе в толщину на 4 м оплывина в 240 м длины и до 120 м ширины, причем в верхней ее части образовался уступ высотой в 18 м, а у основания — озеро. Около Алушки сползает полоса шириной от 300 до 500 м. И с особенной силой разгорается и разворачивается сейчас борьба по всей линии за урегулирование всего водного хозяйства Яйлы: за строительство запасных водохранилищ для зимней и «паводковой» воды, за устройство снегодержателей, за сохранение лесов существующих и разведение новых, за урегулирование выпаса скота на Яйле, за нормальные расходы воды при поливе, за каптаж источников, за реорганизацию водопроводов и канализаций, за устройство шахт и колодцев для отвода грунтовых «оползневых» вод, за постройку каменных контрфорсов и стен-упоров против оползающих пластов, за научный подход ко всему делу (по борьбе с оползнями уже работает специальная «оползневая» научно-исследовательская станция в Кучук-Кое).

Зимой на Яйле снег, метели, бураны, воздухопады на юг и полное безлюдье, кроме метеорологических станций с Ай-Петринской во главе. Но нелегка зимой жизнь и на станции: бывают

моменты, когда до метеорологической будки приходится пробираться на четвереньках по глубокому коридору в снегу.

С весны, когда на Яйле появляется трава, сюда на все лето поднимаются с предгорий и степи многочисленные стада овец, лошади, рогатый скот. С их появлением оживают заоблачные выси. Вместе со стадами приходят десятки чабанов, сотни собак. По ночам слышны человеческие голоса, крики, выстрелы, лай собак, однообразные заунывные татарские мелодии. В каждой кошаре обычно 6—8 чабанов, из коих один главный — «атаман» и несколько «чабаненков». Чабан Яйлы, загорелый и обветренный, словно вылитый из чугуна, в полушубке мехом внутрь или наружу, в круглой татарской меховой шапке или в войлочной круглой шляпе, с большой палкой, с крючком на конце (для ловли овец), нередко разукрашенной прихотливой резьбой, — часто напоминает больше древнебиблейского, нежели современного человека. Вплоть до революции патриархальны были и условия найма, работы и всей жизни. За работу никаких денег не полагалось, за все платили натурой: за лето чабаненку — 3—5 овец, чабану 10—20, атаману — без всякой нормы. Дикая, оторванная жизнь среди Яйлы закалила чабана и физически и морально. У него — свой кодекс морали, свои нравы и обычаи; гостеприимство и боязнь чужестранца; смелость и отвага; жестокость и суровость. Чабан постоянно на-стороже: не столько волк, сколько лихой человек ждет момента, чтобы утащить овцу. С пойманным не церемонятся: пристреливают, бросают в глубокие пропасти, привязывают к дереву на голодную смерть в глухом лесочке. Под пару чабану и его ближайший друг и помощник — овчарка. Остромордая и худошавая, на высоких ногах, с оригинальными ушами, кончики которых свешиваются вниз, — она полна силы и отваги. Быстроногая, чуткая и умная, безгранично преданная своему хозяину, понимает не только его слова, но и жесты и даже взгляд. Бдительная и неутомимая, она стережет каждую овцу и от волка, и от лисы и от орла, и от лихого человека — своего же брата чабана, но другой отары. Не дает ей отстать от стада, заблудиться в лесу, подойти на край пропасти. И беда, если вы в ночное время очутитесь вблизи отары. На вас с бешеным ревом срывается лавина этих разъяренных зверей. Не бегите и не замахивайтесь, а лучше присядьте и покричите на выручку чабана. Резкий окрик чабана псам, его слово приветствия вам, и вы, насквозь промокший, иззябший и перепуганный, через несколько минут в безопасности и на ночлеге — в кошаре.

Весело пылает костер на земляном полу и трепетно освещает низкий столик, закоптелые стены кошары из неотесанных камней, бревна, поддерживающие низкий деревянный потолок, и суровые, но приветливые лица хозяев, овец, блеющих и копоша-

щихся тут ж в темноте загонá, овчарок, ваших недавних врагов, и теперь еще свирепо посматривающих на вас. Чабанский катык (кислое овечье молоко), каймак (кипяченые сливки), брынза, шашлык, кипящий чайник и ваш чай с московским коньяком или крымским столовым красным — и вся усталость, и треволения дня и вечера как рукой сняты. Один за другим идут несложные, но бесконечные рассказы чабана про чабанские случаи и приключения. Затем сон на войлоках и овечьих шкурах. А утром на всем белая густая пелена промозглого тумана. Все смутно и неясно, на всем мельчайшие капельки воды: вы в облаке, а облако лежит на вас, оно ночевало на вас и на кошаре. И вы снова возвращаетесь в кошару пить чай и наблюдаете дойку овец и примитивную варку сыра. И ждете не дождетесь, когда же, наконец, ветер, благодетельный ветер, разорвет в клочья и развеет этот несносный туман-облако, а солнышко, горячее крымское солнышко, осветит и обогреет Яйлу.

А сейчас заглянуло сюда и советское солнышко. Появился новый чабан, чабан-колхозник, чабан—член профсоюза (совхозник), принес новые мысли, новые требования: требует радио, требует культбазу, посылку на курсы чабанов (в Ялту). А там внизу, под Яйлой, в Симферополе, прорабатываются вопросы, как лучше облесить и «отравянить» Яйлу, как превратить ее в высококультурную всекрымскую маслодельную молочную ферму, чтобы не ввозить в Крым масло с севера.

Разгорается борьба и за овладение ветром Яйлы. На вершинах Яйлы, там, где ветры особенной силы и постоянства, будут поставлены мощные ветроэлектростанции своеобразной системы. В часы особо сильного напора ветра станции будут не только посылать энергию на фабрики, заводы и курорты республики, но и накачивать в особые высоко расположенные запасные резервуары воду из моря. А когда ветер будет стихать, эта вода, падая на турбины, сделает электроток непрерывным. Первая такая станция, мощностью на 10 000 квт, уже строится на склонах Ай-Петри.

---

8. Южный берег.

Здесь розы и скалы, и звонкая влага,
Здесь небо прозрачно, как пушкинский стих,
Здесь вышел напиться медведь Аю-Дага
И дремлет, качаясь, на волнах тугих.

Вс. Рождественский.

Это узенькая — от 1 до 8 км ширины — полоска, горами прижатая к морю — от мыса Айя до Алушты и далее до Карадага. Ничтожная по пространству (всего лишь 1 % территории Крыма или 250 кв. км) полоска, но огромная по значению, известная теперь чуть ли не каждому рабочему и крестьянину Союза.

Собственно Южный берег — в узком смысле слова и как большинство его себе представляет — это трехъярусная почти сплошная зеленая лента парков, садов, виноградников, табачных плантаций и белых зданий санаторий и домов отдыха от Айя до Алушты.

В нижнем ярусе — от линии моря и до нижнего шоссе — на самом дне долин, на тех низинных и ровных площадках, где намывные мергелистые серовато-желтые илистые «садово-огородные» почвы богаты и гумусом, и особенно азотом и фосфором, и где полив «напуском» с гор обеспечен круглый год, — там темнозеленые сады груш и яблонь, сказочно доходные и насквозь пронизанные огородами. Здесь же, по взгорьям, на красноземах, еще более темнозеленые кипарисовые парки и скрытые в них санатории и дома отдыха. По крутым южным скатам первого и второго ярусов, там, где на известняковых обвалах, на изверженных породах и шиферно-глинистых сланцах сложились разноцветные (сѣтые, бурые, желтые, красные) «виноградные» почвы, особенно богатые известью и другим минеральным виноградным питанием, там, где солнечные лучи падают в полдень на скаты отвесно и где полив напуском обеспечен только до июня-июля, — там всюду густой щетиной разбежались виноградники с самым сахаристым в Союзе, самым крепким по вину виноградом, вместе с садами занявшие до 4,5% всей территории Южного берега. В третьем ярусе, вдоль верхнего шоссе, на жирных

красноземах и бесценных для табака шиферо-щебенистых почвах, доотказу насыщенных калием, до которого особенно жаден табак, там, где полив обеспечен только ранней весной, при посадке, — там безраздельно царствуют табачки, самые крепкие, самые ароматичные в Союзе, занявшие около 2% всей территории Южного берега и до 60% его посевной площади.

В том же ярусе, на фоне серых скал серыми стайками и зелеными гизляндами оазбоосались и татарские делевушки. Вы-

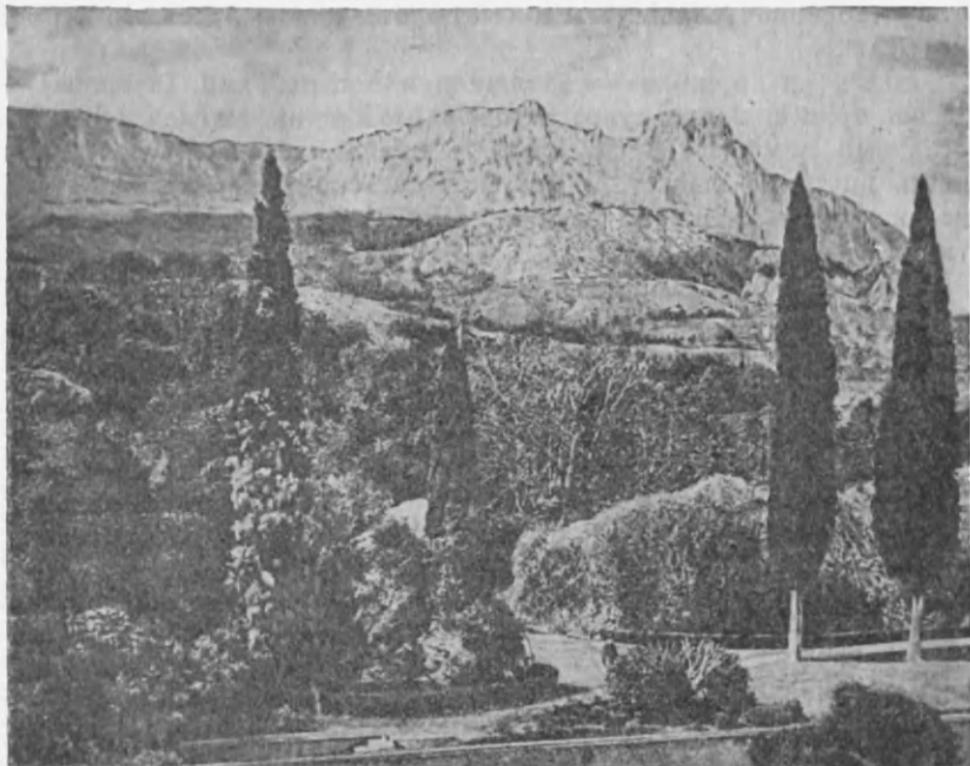

Типичный ландшафт Южного берега (на переднем плане щетина виноградников и белые ленты дорог).

ше — богара — с клочками зерновых хлебов, выгоны и сенокосы, кустарники и леса. Еще выше — каменные осыпи и серая стена гор.

Эта стена, преграждая путь северным холодным ветрам, превратила Южный берег в природную теплицу и оранжерею. Средняя годовая температура здесь $+13^{\circ}$ и уступает у нас только Батуму. Средняя июльская $+24^{\circ}$, январская $+4,2^{\circ}$. Годовое количество осадков — 545 мм (в четыре с половиной раза меньше, чем в Батуме). Большинство их выпадает зимой. Бывают годы, когда в течение целых пяти месяцев (июнь—октябрь) не выпадает ни капли дождя, и синь неба безоблачна. Но в

отношении винограда и фруктов все это только полезно — повышаются сахаристость и аромат. Солнечных часов от 2 000 до 2 500 в год — больше, чем на Кавказе, и вдвое больше, чем в Москве. Всюду преобладают голубые и зеленые цвета (неба, моря и садов), особенно успокаивающе действующие на нервных людей. Черные же и другие угнетающие психику цвета почти совершенно отсутствуют даже зимой.

Кипарисы на фоне стены гор (Ай-Петри).

Повсюду в открытом грунту растут сроднившиеся с Крымом средиземноморские вечнозеленые лавр и кипарис, оливы и магнолии и целый ряд представителей других субтропиков: японские криптомерии, чилийские араукарии, мексиканские агавы, калифорнийская веллингтония, а местами даже веерные пальмы и южнокитайский бамбук.

Но среди субтропиков Южный берег занимает свое особое, собственное место и резко отличается от других наших субтропиков, особенно от Батума. Яркосинее безоблачное небо и лазурное море Крыма — это море и небо Италии, Греции и других стран средиземноморья с их сухим летом и сухолюбивыми расте-

ниями — в отличие от Батума, где молочно-голубое (от обилия водяных паров) небо, опаловое море и теплосырой — банный — воздух напоминают совершенно иные края — далекую Японию и Южный Китай. Эта разница резко отражается и на качестве растений, часто одних и тех же пород. Именно только в Крыму мы найдем «настоящий», стройный и гибкий, кипарис, в то время как в Батуме он лохматый и рыхлый, легко ломающийся при ветре. Только в Крыму персики, груши и «шасла» — виноград, — олицетворенная сладость и аромат, хотя плоды здесь значительно мельче.

Здесь «недружная» — затяжная и с перебоями (туманы) — весна, ярко сияющее сухое лето, золотая осень, мягкая, обильная осадками зима. Впрочем, зимы в нашем северном понимании здесь почти не бывает, и цветение растений, сельскохозяйственная и курортная жизнь идут в течение всего круглого года, почти не прерываясь.

Уже в конце декабря и начале января цветут подснежники, желтые крокусы, а по сланцевым береговым обрывам распускаются желтые зонтики бледнозеленого молочая. В конце января и в начале февраля цветут фиалки и всевозможные примулы — желтые, белые и розовые, желто-зеленый кизил, уксусное дерево. В начале марта, до появления листьев, расцветают белый и розовый миндаль, персики, абрикосы. За ними черешни, сливы, груши, яблони. Все сады, все долины представляют тогда нечто белое и светлорозовое, точно все облито молоком или пересыпано светлорозовой пудрой. Странно поражают взгляд толстые сучья «иудина дерева» — без листьев, но плотно облепленные фиолетово-розовыми цветами. А нежнорозовые почки пушистого дуба не менее изящны, чем самый красивый цветок. На береговом песке и в низовьях оврагов — нежнозеленый тамариск. Оживает и море. Его зеркальная гладь покрывается причудливыми разводами и пятнами. Целыми часами, затемняя небо, летят над ним птицы; летят и садятся на воду; немолчный крик и взлеты. То идет вдоль берега камса. За камсой охотятся сверху птицы, снизу, в море — дельфины, белуга, осетр (отдельные экземпляры которых достигают до 20 и более пудов). Идет камбала. За камсой и белугой двигаются рыбаки.

В апреле распускается вся листва леса, голубая вероника и неисчислимые количества других цветов. Даже высоко по склонам гор оделись зеленью и буковые леса, хотя по верхним краям Яйлы еще ярко сверкают на солнце снежные поляны.

В мае распускаются листья пахучего грецкого ореха, изящные перистые опахала трепетной мимозы-недотроги (при дожде или малейшем толчке свертывающей и печально опускающей свои нежные узенькие листочки), огромные лиловато-лимонные

с сильным ароматом цветы магнолии, похожие на гроздья винограда цветы веерной пальмы (на улицах Ялты). В полном цвету пахучие фиолетовые гроздья глицинии, японская айва, лавр и другие вечнозеленые. Струями золотого дождя рассыпается цветущая желтая акация, в другое время года пыльная и совершенно никем не замечаемая. Крымская роза грациозно выгибает свои четырехметровые гирлянды, правильно усаженные цветами, и нередко свешивает их через сучья других деревьев. Виноград дал большие побеги. Идет опыление его серой. В чаирах начинается сенокос. Поспевают черешни, за которыми пойдут сливы, вишни, персики, абрикосы, летние груши. Все базары переполняются не только овощами, но и фруктами.

Наступает июнь. Энергия растительной жизни достигает высшей напряженности. Цветет жасмин маленькими беленькими цветочками, виноград, распространяющий тонкий аромат. Даже у моря, среди бесплодных сланцевых обрывов, сухих и раскаленных, как печь, расцветает капорец, крупные цветы и свежая зелень которого резко противоречат окружающей бесплодности и оголенности.

Июль — август — самое жаркое время года. Солнце в полдень поднимается выше 65° над горизонтом. А так как Южный берег наклонен к югу до 20° , то солнечные лучи падают на поверхность почти отвесно. Зной достигает $+34^{\circ}$ и даже $+37^{\circ}$ в тени. Злаки, крестоцветные и другие луговые не выдерживают такого припека и быстро засыхают. Даже в хорошо поливаемых цветниках очень трудно поддерживать свежую зелень газонов. И если не перепадают дожди, то страдают и деревья: их рост приостанавливается, а часть листьев сохнет, свертывается и опадает, не желтея. Местное население в середине дня старается не выходить из дома. А курортники проводят эти часы на берегу моря, где бриз с моря тянет свежестью и прохладой. Но галька и камни и здесь жгут, как раскаленные. И ослепительно сверкает море, неясно и мягко мелькают чайки, выпрыгивают из воды черные белобрюхие дельфины, плавают полупрозрачные студнеобразные зонтики медуз. Качаются водоросли, а среди них шныряют бычки, яркие зеленушки, безобразные морские ерши, колышется, как травинка, игла-рыба, приютилась рыба-конек. Как огромные пауки, ползают по дну между камнями огромные крабы. Как изваяния, покрыли скалы неподвижные бакланы, зорко высматривающие добычу. Большинство домашних и диких животных в поисках прохлады и влаги уходят в горы в пояс букового или соснового леса. Там, на высоте 600—800 м над морем, бегут неиссякаемые холодные ручьи, зеленеют лужайки и чаиры, цветут незабудки и колокольчики, которые внизу отцвели еще в мае. Под сенью их спеет земляника. Стада овец и

лошадей с мая по сентябрь не сходят с вершины площадки Яйлы. Хотя солнце там светит еще ярче и почва не затенена, но густая шелковистая трава все лето сохраняет свежесть.

Но и внизу и в это время на смену одним цветам приходят другие. Даже на тяжелой глинистой почве и на щебнистых буграх цветут ароматичные губоцветные, смолистые зонтичные, маленькая гвоздика, ладанник. На культурных же землях цветут табак, олеандры, гранаты с огненными цветами, розовая акация с прелестным зонтиком ветвей, с кружевом листьев и пушистыми розовыми цветами. Юкки выгоняют высокие цветочные стрелки с желтовато-белыми, как огромные ландыши, колокольчиками. Длинные голубые кисти глицинии, красные бегонии и фиолетовые цветы пассифлоры покрывают балконы и стены дач и санаторий. К середине августа созревает виноград.

Особенно хорошо чувствуют себя в это время крымские лианы. Не страшась ни жары, ни сухости, они именно в этот момент достигают своего полного развития. Точно защищая другие деревья и кустарники, стремятся прикрыть их от солнца своею листвою. Ломонос протягивает через них свои длинные тонкие стволы и ветви, достигающие двух десятков метров, окутывает все густой сетью и сплошной зеленью своих листьев, на фоне которых рассыпаны белые гирлянды и кисти его душистых цветов. В лесных чащах огромные стебли дикого винограда, в руку толщиной, точно гигантские змеи, смело перебрасываются с дерева на дерево, нередко на большие расстояния, взбираются на вершины деревьев, откуда свешиваются, как порванные и перепутанные снасти корабля, среди которых местами скромно выглядывают крохотные кисти винограда, мелкого и кислого, как клюква. А невысокие плетни и каменные заборы обвивают листья и цветы душистого клематиса, тот же ломонос и всюду проникающая, вечно цветущая и вечноплодоносящая колючая ежевика, несущая одновременно и цветы и ягоды: зеленые, красные, черные. Рука невольно тянется за черной и сладкой, как мед, ягодой, и обязательно, до крови, «влипает» в колючки.

И оглушительно звенят цикады. «Весь воздух наполнен зычным и жестким криком. Он несется с вершины деревьев и рассыпается кругом, как барабанная дробь. Это продолжается не полчаса, не час, даже не два часа. Это продолжается десять-двенадцать часов сряду и более. Как только солнце пригреет землю, цикады затрещали. В полдень, кажется, каждый сучок, каждый листочек надрывается от крика. Вы оглушены этими мириадами бубенчиков, назойливо тянущих однообразную ноту. Так дружно, так настойчиво горланят по временам разве только лягушки, да и то, если им уж очень хорошо в своем болоте. Трудно поверить, чтобы этот оглушительный треск производило насекомое»

(Е. Марков). И целые дни безумно носятся с криком над виноградными долинами ласточки и жужжат пчелы и осы.

Ночь наступает быстро, как всякая южная ночь, — без сумерек. Вспыхивают электрические огни в курортах и санаториях. Фосфорические искры вспыхивают на море. Зеленоватым светом, точно озаренная луною, светит пена волны, взбегающей на берег. Это светятся мириады потревоженных микроскопических водорослей и животных (ночесветок). Выходит луна и заливает серебристым светом и море, и горы, и камни. Но сады и деревья сливаются в общую темную массу. Четко возвышаются над ней только неподвижные кипарисы да огромные пирамидальные тополя. Начинает дуть горный бриз, но особой прохлады не приносит. Раскаленные камни не успевают остыть до утра, и температура ночи часто +25, +28°. Все сильнее и громче раздается музыка в курзалах. Но тихо в отдаленных горных уютных долинах. До одурения пахнут махровые табаки, метеолы, жасмин, левкой. Душный и сладкий запах клематиса стоит в проходах дач. Пахнет медом от спелого винограда. И кажется, что сладкими грезами грезит и сам виноград. И всю ночь протяжно, томно и грустно выговаривает маленькая совушка-«сплюшка» свое единственное слово «сплю».

Но не везде и не все спит. На табачных плантациях слышен шорох — идет полонка табака. Между деревьями садов-огородов мелькают фонарики и раздаются негромкие голоса: идет незаконченная днем поливка. Все огороды, а частью и сады, держатся эти месяцы исключительно на поливе. Воду по канавкам проводят из горных источников, чаще же всего из верхнего течения речки, иногда за несколько километров. Вода творит здесь чудеса. Но воды надо много: — огородам через каждые три дня, — а ее мало и она нужна всем. До революции ее часто крали — отводили к себе огороды, лежащие выше вдоль водного пути, а главное — ее забирали помещики и кулаки. В результате были постоянные драки за воду, вплоть до убийств. Они прекратились лишь после коллективизации.

Иногда выпадают дожди, но они мало освежают землю. А страшные горные ливни производят опустошения в садах и виноградниках и наводнения в городах (Ялта).

К концу августа жара начинает спадать. Наступает осень — сентябрь-октябрь — лучшее время года на Южном берегу: теплая, сухая, тихая, яркочасочная, изобильная. Ялтинский сентябрь теплее московского июля, а октябрь много теплее московского мая. Цветут мальвы, китайская роза, плющ, глицинии, бегонии. Но вся красота в листве лесов, садов и виноградников. В октябре она особенно нарядна, многокрасочна и узорчата, — как персидский ковер, как старинная турецкая шаль. Основной

контрастирующий всему фон — интенсивная зелень дуба, жасмина, клематиса, розы, лавра, магнолии, кипариса, сосны и прочих вечнозеленых и хвойных. На этом фоне щедрой рукой рассыпаны яркожелтые пятна листвы липы, тополя и граба, всевозможные темнофиолетовые цвета и оттенки ясеня, янтарь, яхонт и пурпур винограда. Сверху — серые скалы с их архитектурной и скульптурной красотой выси и глубины. Внизу — море с едва заметным ритмическим рокотом. И все это залито ярким солнечным светом и прикрито бездонной чашей темнолазурного и совершенно безоблачного, точно эмалевого, неба. И непрерывно меняющиеся переливы красок на ближних и дальних горах, то синих, то лиловых, то кроваво-красных, особенно утром и вечером. На базарах, в магазинах — всюду груды фруктов: виноград, груши, яблоки, сливы, гранат, инжир, орехи. Не поспели еще только оливы, вызревающие к декабрю.

В садах и виноградниках — самое кипучее, самое ответственное время: сбор фруктов, упаковка и отправка за море и в Союз. На табачных плантациях — ломка табака, нанизывание в папуши, развешивание на открытом воздухе на длиннейших жердях-суруках. Томление в закрытых сараях. И далеко слышен запах винных подвалов: к ним непрерывно подъезжают арбы с свеженарезанным виноградом. Идет выжимка и разливка виноградного сусла, переливка и доливка бочек старого вина.

Многократным эхом отдаются в горах мощные трубные гудки пароходов. Разноплеменная толпа на пристани и на борту. По всем шоссе, взвивая густые облака пыли, мелькают автомобили и автобусы. Приливные и отливные волны транспорта приносят и уносят десятки тысяч курортников и туристов.

Ими переполнены все санатории, дома отдыха, отели, частные дачи и даже колхозные деревни. Спят на верандах, нередко в палатках во дворе или в саду под деревом. Это знаменитый когда-то «бархатный» сезон.

В конце октября в этом всеобщем карнавале жизни появляются и диссонирующие, тревожные звуки.

То сигнализирует все чаще и чаще волнуемое море о наступающих и для Крыма ненастных днях. А вместе с ним сигнализирует и вся остальная природа. Горные вершины часто заволакиваются тучами. Животные высокогорного пояса спускаются вниз. Черные дрозды северного склона переселяются на южный. На последнюю стоянку спускаются птицы степи, начавшие группировку в стайки еще в августе: жаворонки, щурки, сизоворонки, журавли-красотки, перепела. Отлет продолжается с сентября до половины ноября. Арьергард составляют пеголицы. Последний пункт стоянки — малодоступные скалы мыса Айя. На место уле-

тевших прилетают сюда на зимовку птицы северных широт. Ими переполняются все южные сады.

В *ноябре* море шумно волнуется и бурлит. Небо часто пасмурно. Верхняя половина гор покрывается снегом и ярко сверкает на солнце, придавая особенный колорит ландшафту.

В конце *декабря* или в *январе* наступают ночные морозы. Но морозных дней без оттепели бывает в году в среднем не более семи. Падает иногда снег, но редко держится более 2—3 дней. Чаше же всего, падая, тут же тает. Бывают дожди, ту-

Вершина Ай-Петри в облаках и в снегу.

маны и слякоть. По временам налетают воздушные бури-воздухопады с Яйлы или прорывается сквозь ущелья и богазы — (в Ялте через Уч-Кош) — страшный нордост. Еще издали слышны гул и гром низвергающихся воздушных масс. С треском ломаются сучья и сыплются камни с обрывов. Упругие кипарисы сгибаются почти под прямым углом. Огромные шестиметровые груженные маджары, застигнутые в горах, опрокидываются или сносятся под откос, нередко в пропасть. А на улицах Ялты люди ухватываются за телефонные столбы, чтобы не унести с ветром. Громяхают железные крыши. Иногда буря срывает и несет их в море за сотни метров. В море порывы ветра срывают пенистые гребни волн и нередко образуют из них широкие беловатые смерчи, которые потом долго бегут по темной поверхности моря, пока не скроются в серой мгле дали. И море, такое ласковое и лазур-

ное лето́м, зимой́ часто чернеет, становится неузнаваемым и полностью оправдывает свое название «Черное» («Злое»). Гигантские волны с грохотом обрушиваются на берег, рассыпаются на тысячи брызг, обливают холодной соленой водой с головы до ног, часто сшибают с ног и делают непроходимыми набережные городов (Ялта). В особо жестокие бури волны перекатываются через высокие стенки портовых молов и смывают все неубранные грузы в бухту: при постройке ялтинского мола были смыты морем кубы бетона по 2 000 пудов и огромные буты проволоки. Пароходы нередко не могут заходить в такие порты, как Алушта, Евпатория или даже Ялта. В особо суровые зимы морозы доходят до —10 и даже до —13°. И тогда море, точно боясь замерзнуть, кипит, как в котле. Стены домов и столбы покрываются коркой льда. Тысячами гибнут птицы, а в горах козы и зайцы. Вымерзают сады, гибнут труды многих десятилетий. И нигде в Союзе не зябнут тогда так, как зябнут на Южном берегу — в татарских домиках без крыши, с одинарными щелистыми дверями и окнами, с очагами вместо печей, с сучками вместо дров. К счастью, такие зимы — исключение и притом очень редкое.

Как правило, самые холодные месяцы здесь январь и февраль. Но здешняя зима плохо подчиняется календарю. После страшного нордоста, бурь и холода, вдруг потянет юго-западным ветром со Средиземного моря, сразу наступают теплые дни, и откуда только тогда что берется: зацветают розы, появляются бабочки, женщины щеголяют в легких кофточках и летних костюмах — и так до нового нордоста. Но даже в самый жестокий нордост на берегу моря, за скалами, всегда можно найти уголок, где тихо, тепло, где по-крымски сияет и греет солнце.

Интенсивность основных сельскохозяйственных культур по сравнению с другими районами Крыма и Союза доведена на Южном берегу до максимума своего напряжения.

Разбивка плантажа под виноградники и сады и их ежегодная перекопка здесь сплошная, а не отдельными ямами и кругами, как это часто бывает в горной области.

Под виноградники выбираются исключительно южные склоны, где солнечные лучи падают под прямым углом. В отличие от виноградников Судака, они почти не поливаются, что, хотя и уменьшает урожайность, но придает ту особо высокую сахаристость винограду и крепость и ароматичность винам, которые так высоко ценятся.

При разбивке сада строго учитываются не только каждый метр площади, но и разница в продолжительности развития и роста разных сортов деревьев. Деревья — невысокие, но коренастые, с роскошно развитой шарообразной или чашеобразной кро-

ной, но без единого лишнего сучка, который безжалостно срезается. Идут они в правильном, шахматном, порядке, не затеняя друг друга, и не кажутся сплошным и высоким лесом, как это часто бывает в горной зоне. Полного развития нормальное (полуштамбовое) дерево достигает только лет через пятнадцать, и только тогда оно полностью использует отведенную его корням и ветвям подземную и воздушно-световую площадь. И чтобы в

Обработка табака в Артеке у Аю-Дага.

эти пятнадцать лет не гуляли зря неиспользуемые деревом части промежутков, между деревьями разводят огороды (помидоры) или карликовые деревья. Эти карлики начинают плодоносить уже на третий год после посадки, причем дают первосортные фрукты. А через пятнадцать лет, когда развившееся нормальное дерево потребует всю отведенную ему при разбивке площадь, карлики уже одряхлеют, и их безжалостно вырывают. Уход за деревьями «персональный», как в санатории, и иногда не только за деревьями, но и за отдельными плодами: бывают сады, где все плоды всего сада обертываются марлей, чтобы их не клевал воробей, не точило насекомое.

Сорта исключительно отборные. И в отличие от горной зоны, где преобладает яблоня, в отличие от Судакской долины, где

преобладают косточковые, здесь резко преобладает груша, при- том преимущественно зимняя, вызревающая уж в лежке, в ящике. Алуштинская груша «дюшес» или «Бера-Александра» в сентябре жестка и бесвкусна, как сырая брюква, а, полежавши до января, ни с чем несравнима по своей сочности и сладости. Плоды сохраняются в течение круглого года и легко переносят

перевозку в любые уголки Союза или за границы.

Особенно обширны, обильны и доходны сады Алуштинской долины, а среди них совхоз «Красный рай». За ними долины Куру-Узеня и Кучук-Узеня (к востоку от Алушты).

Здесь же к западу, между Алуштой и Бююк-Ломбатом, крупнейший на Южном берегу и механизированный табачный совхоз — ачало той южнобережной полосы лучших в Союзе табаков, которые идут отсюда до Алупки. Вторые по качеству табаки дают долины Куру-Узеня и Кучук-Узеня. (Третьи — горная область и затем степь.)

Татарские дети у «фонтана» (у источника).

В огородах с одного и того же участка нередко собирают по 2 — 3 — 4

«жатвы» различных овощей: в декабре-январе — щавель, за ним редиска, за ней лук или огурцы, за ними фасоль; огурцы нередко снимают по 2 раза в лето с одного и того же участка.

Плотность населения здесь самая высокая в Крыму — свыше 30 человек. Сельское население Южного берега — татары, потомки татарившихся или смешавшихся с татарами генуэзцев и готов — значительно разнится от степных татар и по типу, и по языку, и по обычаям.

Накануне революции самые лучшие земли Южного берега оказались в руках удельного ведомства, самого царя, великих князей и титулованного дворянства. Цепь этих имений и двorcов, почти не прерываясь, шла друг за другом на десятки ки-

лометров по обе стороны от Ялты. У большинства же татар было не более $\frac{1}{2}$ — 1 га на хозяйство.

Революция значительную часть бывших помещичьих садов и виноградников передала татарским колхозам (Алупка, Симеиз, Дереккой и др.). Остальные превратились в показательные совхозы, а дворцы — в санатории и дома отдыха, разрушенные было землетрясением 1927 г., но потом полностью восстановленные, расширенные и пополненные многими новыми. Сельское хозяйство получило специальные МТС (Алушта и др.), новые культуры (эфироносы, каучуконосы, лекарственные и др.), ведет борьбу за освоение «бросовых» земель. Проводится катавлак (омоложение) старых и запущенных садов и виноградников, значительно повышающий их урожайность. Идет борьба за вытеснение универсальной землекопной лопатки и ручной обработки трудоемких культур гусеничными тракторами и другими машинами, вспахивающими горные склоны любой крутизны и производящими любую работу. Такие машины (например лебедка с троссами инженера Бекирова и др.) уже обрабатывают виноградники Массандры и др., а с 1935 г. появились машины (18) даже по посадке рассады табака. Перестраивается хозяйство и территориально. Участки, наиболее пригодные для курортов, отведены будут им в первую очередь и по их выбору. Наиболее солнечные склоны из оставшихся займут виноградники. Фруктовые сады отодвинутся в глубину долин, а табачные плантации еще выше в горы, частью за горы и в степь. Неподдающиеся обводнению голые пустыри будут заняты каучуконосами. Полному переустройству подвергаются и курорты.

---

9. Курорты Южного берега.

Их много этих курортов — не перечесть. Почти сплошной лентой идут они от мыса Айя до Алушты. Крупное курортное гнездо сложилось и на востоке — вокруг Судака. И все они разные. Нет здесь ни одного уголка, похожего один на другой. Ибо по-разному обступили их горы, по-разному солнце встает, по-разному заходит, по-разному греет, по-разному дуют ветры и падает дождь. Своя особая сухость, влажность и солнечность. По-разному переливает тонами и плещется море.

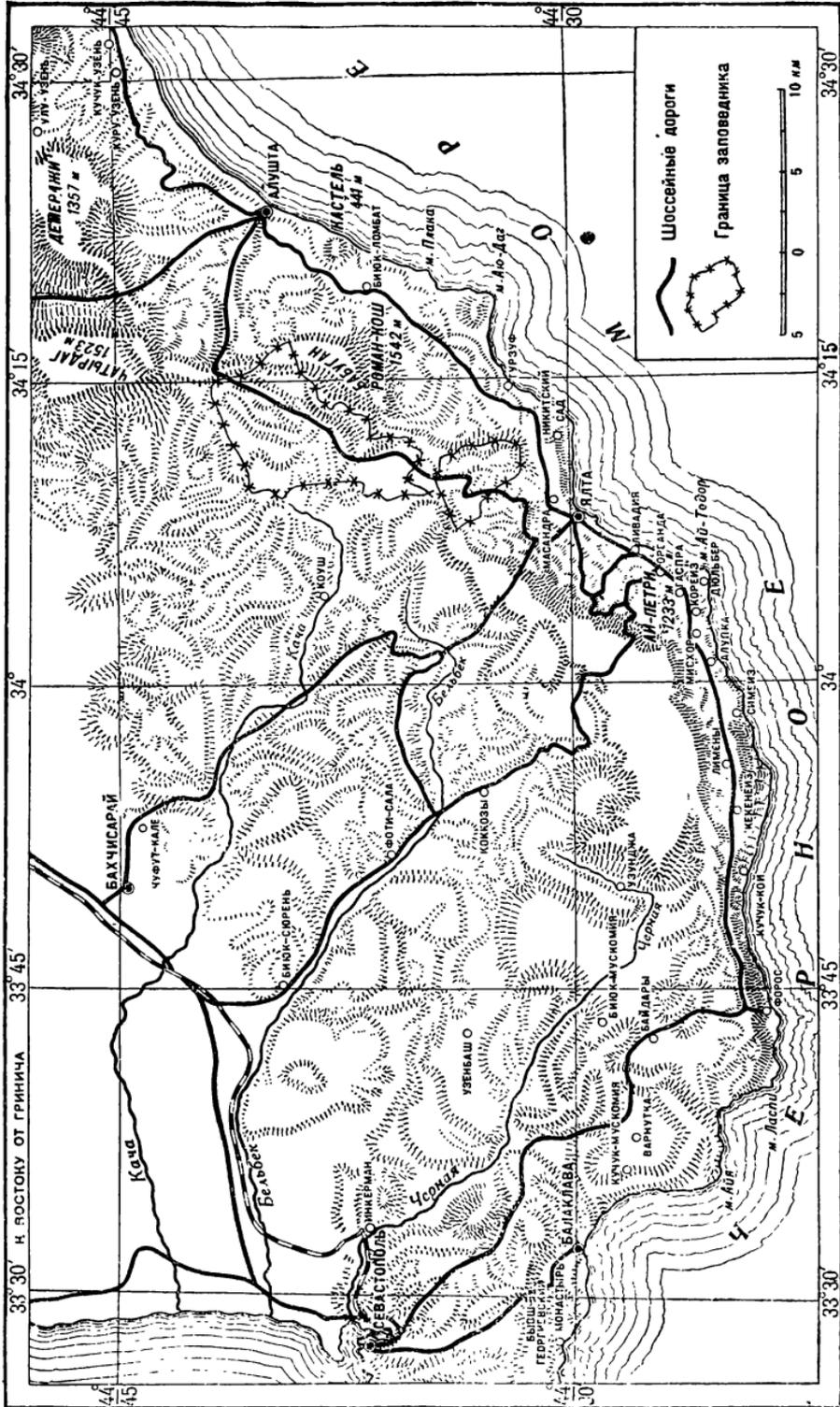
Разнообразие климата нередко проявляется даже в отдельных частях одного и того же курорта: в Ялте солнце в «старом» городе зимой заходит на целый час позднее, нежели во всех других частях города. В соседней Ливадии на полградуса холоднее, чем в Ялте, в близлежащем Мисхоре значительно влажнее.

При всем, однако, многообразии климата Южного берега можно свести его к трем основным типам по горизонтали и трем по вертикали.

В центральной курортной части, от горы Кошки на западе и до горы Кастили на востоке (Лимены, Симеиз, Алушка, Ялта, Гурзуф, Карасан), море образовало ряд обширных полукруглых красивых бухт, а горы, в этой части самые высокие, обступили их сплошными амфитеатрами, защищая от всех холодных ветров. Здесь создались летние и зимние курорты с наиболее ценным — «комфортным» климатом, особенно «щадящим» зимой туберкулезников, но нередко чересчур изнеживающим их организм.

На восточном крыле (Алушта, Куру-Узень, Кучук-Узень, Судак, Отузы, Коктебель) — самые обширные и изобильные фруктами долины, с прямой неизрезанной линией моря, с великолепными песчаными пляжами, с прекрасным морским купанием, с роскошной панорамой. Но окружающие их горы или невысоки или их цепь перерезана глубокими «богазами» (перевалами), через которые неизменно тянет с севера ветер, разгоняющий весенние туманы и удлиняющий солнечное сияние, освежающий в летние жары, но охлаждающий зимой. Здесь создались и создаются летние курорты с их «бодрящим» закаляющим климатом.

«Бодрящий» же тип климата имеют и большинство курортов

Карта Южного берега Крыма.

к западу от Лимен, с их короткими долинами и частыми зимними «воздухопадами» с гор над самой головой.

По самому берегу моря, до 150—200 м над его уровнем, разместились приморские санатории с их освежающими морскими бризами и морским купанием, особенно удобные для зимнего лечения.

На высоте 600—700 м — среднегорные и выше 700 м — горные санатории с горным солнцем, отсутствием туманов и с воздухом, напоенным дыханием смол, с климатом, особенно благоприятным для лечения в середине лета, когда внизу слишком жарко, — таковы ялтинские Эреклик, Тузлер, Долоссы.

И, переводя посезонно из зоны в зону, можно создать любые индивидуальные условия для любого индивидуального больного.

И географическим и административно-хозяйственным курортным центром главного Южного берега является Ялта, наиболее мощный зимний и летний курорт, сосредоточивший в себе (вместе с окружением) почти половину всего курортного хозяйства Южного берега.

Город амфитеатром раскинулся по берегам полукруглой бухты и по склонам отрогов Яйлы. Высокие, до 1250 м, отвесные горы подковой окружили его с трех сторон и надежно защищают от холодных северных и восточных ветров; на востоке и на западе их пологие склоны радостно зеленеют густыми шапками своих сосновых лесов; в центре — величественные обрывы горного массива, вверху серые и несколько суровые в своем оголении, заслонили полнеба и повисли над морем, городом и предгорьями. Рощи кипарисов заполнили всю эту замкнутую котловину и смелой толпой взбегают на ее горные кручи. Из их темной зелени сверкают белизной своих зданий и пестротой своих крыш дворцы, виллы, санатории. Из любого окна целая панорама, но своя, особая. В любой час свой особый эффект. В полдень с мола можно различать, как иголки, стволы отдельных горных далеких сосен. И ослепительно сверкает в этот час над городом, особенно в весеннее многоводье, серебряная лента водопада Учан-Су, падающая с высоты 100 м (в переводе «летающая вода»). И многократным эхом отдается в горах мощный гудок морского гиганта. Вечером и утром — фантастическая окраска гор и волнующиеся переливы тонов и красок. Ночью — бесчисленные электрические огни по всем склонам: внизу, на набережной, большие и яркие, как солнце, дрожащие в зеркале бухты, вверху точечные и неподвижные, как звезды неба. И не знаешь, где кончаются город и горы и где начинаются звезды и небо. Подобное море огней, их симфонию еще дает разве только Севастополь, когда подъезжаешь к нему ночью, от Инкермана, огибая Большую и Южную бухты.

Накануне революции Ялта представляла модный «бархатный» курорт, куда стекалась самая титулованная и денежная знать, столичные купчихи, франты и франтихи и другие прожигатели жизни.

После революции Ялта превратилась в рабоче-крестьянский курорт. В порядке его расширения и хозяйственного обслуживания выстроены: ряд новых санаториев («Долоссы» и др.) и в 1935 г. роскошный морской вокзал, огромный холодильник, хлебозавод. Расширяется электростанция, озеленяются улицы (аллеи пальм на набережной); закладывается питомник веерных пальм. В порядке промышленно-культурного использования южнобережных красот выстроена фабрика кинофильм и при ней фабрика киноплёнок. Хороша Ялта и как культурный центр. Вся она покрыта сетью школ, клубов и музеев. Для обслуживания местного татарского населения и спецкультур Южного берега в Ялте работают татарские техникумы (педагогический, музыкальный), техникумы специальных южных культур и опытный табачный ферментационный заводик, временами краткосрочные курсы для чабанов. Культурные же нужды многочисленных туристов (в том числе иностранцев, прибывающих сюда нередко целыми пароходами) хорошо обслуживает музей краеведения, большой по объёму и очень интересный по содержанию: большие художественно исполненные рельефные карты горного Крыма, геологические, ботанические, археологические и многие другие коллекции и экспонаты, обширная (10 тыс. томов) библиотека по Крыму, лекции и консультации. Этнографию крымских татар и многих других восточных народов освещает восточный музей (в б. дворце эмира бухарского).

С севера, с гор, к Ялте спускаются колхозные деревни. Из них особенно живописна *Ай-Василь* (в 5 км ст Ялты) — «глухая» по-здешнему (т. е. мало посещаемая туристами) горная татарская деревня, типичная для этой части Крыма. Тремя террасообразными выступами разбросалась она по скатам горы, буквально утопает в буйной зелени своих садов, в их зеленом прохладном полумраке и вся заполнена, особенно весной, запахом роз, журчаньем ручейков, плеском фонтанов, создающих непередаваемое чувство уюта.

На западе к Ялте примыкает бывшее имение Николая II *Ливадия* — в переводе «луговина», название, довольно точно определяющее характер ландшафта. Округлые и спокойные линии конусообразной горы Могаби с пологими скатами, дубовые леса, спускающиеся с нее вплоть до парков и дворцов, масса воды, яркозеленые лужайки, высокие, темные аллеи роскошных кипарисов, ведущих к морскому пляжу, пальмы, цветники и оранжевые сады и виноградники. Сквозь просветы кипарисов вырисо-

вываются строгие линии роскошного белого дворца Николая II, в стиле итальянского Возрождения. Внутри его разнообразная по стилю отделка: Рим, Венеция, Мавритания, северная Англия, европейский модерн. Резкий контраст оригинально задуманного и прекрасно выполненного художником плана соответственно ландшафту с самой обстановкой внутри дворца, бесхарактерной, как и сам бывший владелец. Роскошные с позолотой и полные внешнего блеска приемные в нижнем этаже и мещанская обстановка в жилых комнатах верхнего. Безвкусные акварели, фарфоровые безделушки, обычные для любого мещанского жилья.

В настоящее время Ливадия — крестьянский санаторий и дом отдыха, пансионат на тысячу с лишком человек, намечающийся центр всесоюзного парка отдыха и культуры.

За Ливадией — романтический пейзаж *Ореанды*, полный контрастов: пышная разнотонная зелень мощных сосен, кипарисов, кедров, лавров и дубов на фоне суровых отвесных серых скал, голые острые утесы, точно серые островки, затерявшиеся в море зелени, живописные развалины мраморного дворца, роскошная белая полукруглая колоннада на высокой скале. Едва ли это не самое красивое место на Южном берегу. При всей «окультуренности» отдельных участков именно в районе *Ореанды* в наибольшей степени сохранилась первоначальная «докипарисовая» растительность и «докипарисовый» ландшафт Южного берега.

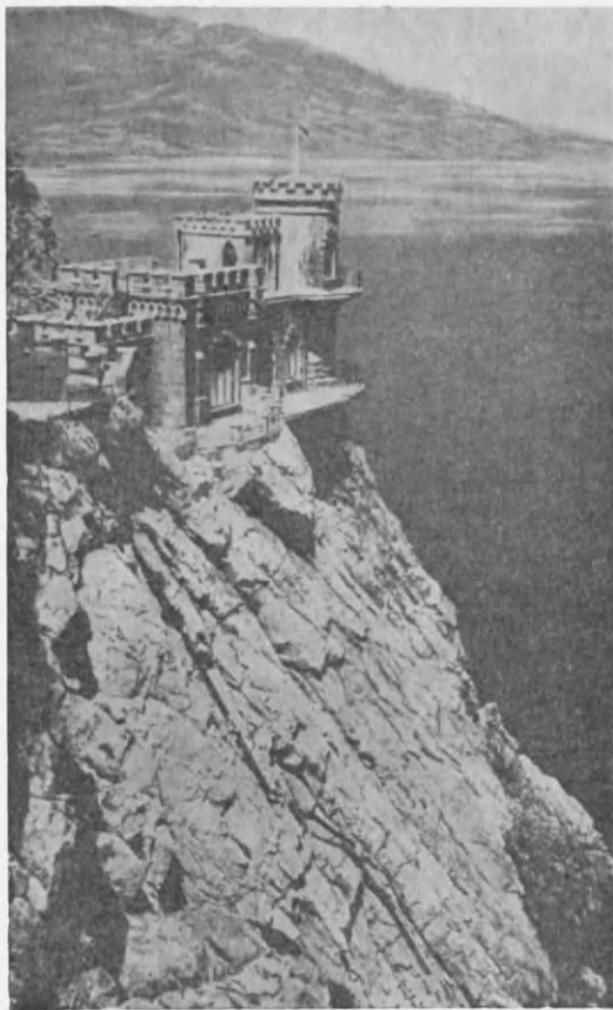
Алупка — второй по мощности после Ялты курорт, спорящий с нею и по красоте. Сочетание синевы неба и голых гор, серого камня и буйной зелени, дикой природы и шедевров искусства.

В глубину синего неба, в среду белых облаков, вонзились, как готический кремль, три зубца *Ай-Петри*. Вниз, как парусиновый экран, упала ее светлосерая голая отвесная стена. Внизу — прижатая к морю темнозеленая кайма: парки, сады и виноградники. Группами столпились по пригоркам и аллеям и побежали к морю столетние «алупкинские» кипарисы, высокие и стройные, как свеча, упругие, как сталь, одноцветные, как нежный темнозеленый бархат. Перелесками встали мощные ливанские и сибирские кедры, пихты и веллингтонии. Вечнозеленые магнолии с блестящими кожистыми листьями, широкими, толстыми и твердыми, как подошва, распустили свои роскошные цветы, точно огромные белые водяные лилии, которым по пышности нет равных в Крыму. Гигантские платаны и грецкие орехи высоким и широким шатром распластали свои могучие ветви. Коридорами прошли к морю вечнозеленые лавры, лавровишни и блестящий низенький буксус. До одурения пахнут густые розовые шапки зарослей олеандра. «Первозданный хаос» — дикое скопление камней — загромодил километры: обвитые плющем глыбы порфириовидного трахита и мраморовидного известняка, неред-

ко огромные, как дом. Среди них вьющиеся тропинки и неожиданные гроты и пещеры, дикие заросли и зеленые лужайки, тихие пруды с островами и плакучими ивами, склонившимися до самой воды, гремящие горные ключи, фонтаны — то из опрокинутой античной урны каррарского мрамора, то из расщелины дуба, шумные водопады и тихие скользящие по камню широкие водяные скатерти. Лебеди и форель. Все словно устроилось само собой, ничего надуманного, искусственного, сочиненного. И все строго обдуманно и рассчитано. Художник направил природу по своему руслу и не оставил без внимания ни одного камня, ни одной струи.

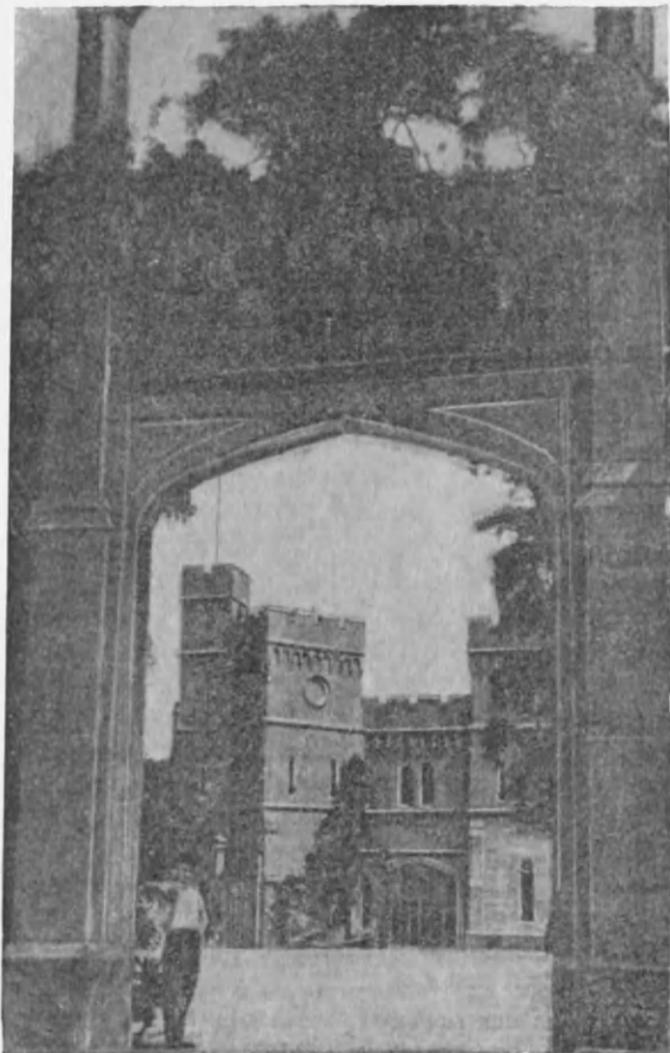
И в полной гармонии с окружающей природой, вырастая из нее, из моря зелени, поднимается чудный дворец прекрасного зеленоватосерого местного камня. Огромное — на 200 комнат — здание готическо-мавританского стиля, лучшее в Крыму, скрепленное свинцом и железом вместо цемента, что так удачно спасло его во время землетрясения.

К северу, к Ай-Петри, навстречу ее страшным зимним воздухопадам, повторяя и заостря вертикальные линии и шпили горы и скрадывая линии поперечные, — это суровый и неприступный средневековый готический замок: высокие стены, башни

Вилла над морем („Ласточкино гнездо“, к западу от Орианды).

и башенки, зубцы и шпили, сплошь затканые войлоком темно-зеленого плюща и лиловой глицинии, узкие щели-бойницы и амбразуры, закрытые ходы и переходы. К югу, к ласкающему морю и солнцу, это полная восточной неги и роскоши мавританская альгамбра

из трехъярусной гущи цветников, массивных каменных баллюстрад и мраморных ваз с мексиканскими агавами; как цветок из букета, поднимается во всю высоту здания полу-круглая мраморная ниша с золотыми арабскими письменами. Перед этой нишей обширная каменная терраса-пьедестал дворца. С террасы к морю — широкие ступени. На ступенях сторожат три пары львов в различных стадиях их пробуждения, из белого мрамора тонкой итальянской работы. На террасе при блеске моря, облитого лунным сиянием, советские концерты для нынешних курортников — ударников, рабочих Москвы,

Ворота и часть Алушкинского дворца (к северу).

Ленинграда, Магнитогорска, Кировска, Сталинска, Караганды, Днепрстгэса, Самарканда и рабочих гостей из Вены, Берлина, Испании.

Курортная свита Алушки исключительно многочисленна и блестяща: Гаспра, Корез, Олез, Мисхор, весь в розах Чаир. Среди нее «Дюльбер» в переводе «красивый» — смелый до дер-

зости вызов, эффектная архитектурная антитеза Алушкинскому дворцу. В противоположность ему Дюльбер весь построен на контрастах с окружающим ландшафтом: прямоугольный, растянутый в длину и белый, точно сахарный, корпус мавританского стиля, с большими квадратными окнами и прямыми горизонтальными линиями, кричащим белым пятном выделяет его из окружающей зелени и резко подчеркивает серый тон и вертикальную изрезанность Ай-Петри и Алушкинского дворца.

Следующее крупное курортное гнездо на западе — Симеиз. Позднее других построенный, с научно обоснованным выбором места по отношению к окружающим горам, он на елый градус теплее Ялты. Это — лучший образцово-показательный курорт во всем Крыму. Хороший пляж красиво изогнутого берега; поднимающиеся из моря огромные утесы; обширные рощи темнозеленых кипарисов, седоватых маслин; за-

Альгамбра Алушкинского дворца.

росли лавра, самого мощного в Крыму, — «семенского»; сплошные рощи древовидного можжевельника и терпентина по склонам и воздух, насыщенный ароматом их смол. Дворцы-санатории — целый городок с водопроводом, канализацией и электрическим светом, со вновь приобретенной библиотекой в 3 000 томов. И над всем городком, защищая его от всех холодных ветров, все та же горная стена и все то же синее небо над нею. На горе Кошке обсерватория с самым большим в Европе рефлектором. Природные условия для ее наблюдений здесь особенно хороши.

К западу от Симеиза, за горою Кошкой — Лимены, прелест-

ная, но пока еще слабо использованная долина, последний к западу обширный горный амфитеатр. Сейчас строится здесь детский санаторий. Дальше берег становится уже, заселен гораздо менее, курортная цепь продолжается с большими перерывами.

На крайнем западном крыле, в береговой полукруглой выемке, между мысами Ляспи и Айя, — *Бати-Лиман*, в переводе «глубокий залив». Это — уединенная, уютная, с трех сторон хорошо

Дюльбер зимой (Ай-Петри в снегу).

укрытая культурная полоска по крутым горным скатам и по берегу полукруглой глубокой бухточки (до 70 м глубины у самого берега) с двумя прекрасными песчаными пляжами, которые так редки на Южном берегу. Легко доступная с моря, она еще недавно была трудно доступна с суши — эта своеобразная южно-бережная Сванетия, с той только поправкой, что это — самый теплый уголок даже для Крыма: круглый год и бабочки и цветы. Один из самых красивых уголков Южного берега, но очень мало посещаемый, очень слабо используемый.

К востоку от Ялты и до Алушты Яйлинский хребет падает к морю не отвесной серой и голой стеной, а сугробообразными зелеными скатами. К самой Ялте примыкает огромный раскинувшийся по отлогим склонам кудряво-зеленых гор совхоз имени Куйбышева, б. царское имение Массандра, с парками, виноград-

никами и цветниками, с аллеями пальм и зарослями бамбука. Дворцы и многочисленные санатории и «здравницы», детские и для взрослых. Недавно открытые институты — клинический и туберкулезный. Школа виноделия и лаборатории. Обширные винные подвалы (7 галлерей на глубине 8—64 м, мощностью на 400 000 ведер вина — до половины годовой продукции Крыма, с «бочечками» по 600 и даже по 1 200 ведер вина в одной, с элект-

Уголок деревни Кекенеиз (к западу от Лимен).

росветом от соседнего водопада). За год тысячи курортников и десятки тысяч экскурсантов.

Далее на восток, за цепью винодельческих совхозов и вилл, за совхозом «Лектесырье», *Никитский ботанический сад*. Это не курорт, но строитель курортов, создатель их парков, осваиватель чужеземных растений, крупнейшее научно-исследовательское учреждение, влияние которого выходит далеко за пределы Крыма. За сто с лишком лет своей работы Никитский сад оборудовал растениями парки всех курортов Южного берега. Когда-то не было в Крыму ни лавра, ни кипариса, ни маслины, ни магнолии. Через Никитский сад эти «итальянцы» и многие другие чужеземцы — кедры и платаны, павлонии и глицинии — настолько распространились по всему Южному берегу, что почти совершен-

Но вытеснили из парков местные крымские растения. И теперь мало кто даже подозревает, что все это зеленое население крымских сад в и парков почти сплошь пришельцы, а не коренные обитатели Крыма. Сад был питомником и поставщиком виноградной лозы для всего Крыма, Тирасполя, Дона, Черноморья, Закавказья, рассадником французских груш и яблонь, турецких, американских и филиппинских табаков. Сейчас он значительно расширен и упор делает больше на субтропические, технические и

Гурзуф и Аю-Даг.

лекарственные культуры. На его опытно-исследовательских плантациях собрано свыше 450 виноградных лоз разных стран, свыше 85 видов каучуконосов, ворсовальная шишка, лаванда, мускатный шалфей, далматская ромашка, камфарный базилик; эфироносы, дубильные, свыше сотни роз и в числе их знаменитая казанлыкская, дающая высокоценное (по 20 000 рублей кило) экспортное масло, благоухание которого чувствуется уже издали. Туриста же при первом посещении сада больше всего поражает и нередко ошеломляет чрезвычайное богатство, разнообразие и сочетание декоративных растений субтропиков и умеренного пояса чуть ли не всех стран земного шара — растений, здесь нередко окаймляющих одну и ту же поляну или площадку, а на их родине отделенных друг от друга океанами. Особенно эффектно аллеи

роскошно развитых пальм на фоне кипарисов, группы исполинских магнолий различных видов и с различной окраской огромных цветов, испанские пробковые дубы, североамериканские исполинские веллингтонии, аргентинская пампасовая трава с крупными белыми и лиловыми метелками своих соцветий и разбросанные по крутым горным склонам рощи ливанских и гималайских кедров, чилийских араукарий и японских криптомерий, воспроизводящих в миниатюре характерные ландшафты их родины.

Дальше тот *Гурзуф*, о котором Некрасов писал: «Юрзуф живописен, в роскошных садах долины его потонули. У ног его море, вдали Аю-Даг». Гурзуф хранит воспоминания о пребывании там Пушкина: еще живы и зеленеют любимые им кипарисы и платаны, попрежнему пьет воду разлегшийся Медведь с протянутыми лапами (лабиринт островков). Попрежнему лазурны пушкинские гроты. Лилипутами, как и прежде, облепляют старую генуэзскую башню татарские домики с плоскими крышами, точно соты, прилепленные к горам. И так же высоко, как струящиеся вверх зеленые фонтаны, бьют мощные тополи прелестной уютной долины Партенита. И прежней свежестью веют пушкинские стихи:

Волшебный край, очей отрада;
Все живо там: холмы, леса,
Янтарь и яхонт винограда,
Долин приятная краса
И струй и тополей прохлада
Все чувство путника манит,

Когда в час утра безмятежный
В горах дорогою прибрежной
Привычный конь его бежит,
И зеленеющая влага
Пред ним и блещет и шумит
Вокруг утесов Аю-Дага.

Но на этом фоне бьет уже другая жизнь. В бывших виноградно-винодельческих помещичьих владениях сейчас показательные совхозы, а во дворцах и виллах — санатории и дома отдыха: в Гурзуфе для комсостава СССР на 3 000 человек, для ВКСУ при СНК УССР, в соседнем Суук-Су дом отдыха ЦИК СССР, еще подальше в Артеке пионерский лагерь-санаторий, известный в Европе и Америке, мощностью на 1 000 человек. Эту тысячу составляют такие единицы, как Коля Клементьев из Чувашии, предотвративший крушение поезда (1934), Тоня Дударенко из Закавказья, организовавшая пионерский отряд в Голландии, Карл Шиндельк, участник борьбы рабочих Вены с фашистами и другие пионеры — герои Ленинграда, Киева, Якутии и других районов Союза. Артек — укромная долинка, тупичек между стеной Аю-Дага и морем. Дает детворе идеальную природную охрану и все то, к чему тянутся крылатые мечты граждан этого возраста: «И море впереди большое-пребольшое, синее-пресинее. И корабли на нем, и флаги, и паруса. И горы за спиной высокие-превысокие, аж до неба, и крутые, аж голова кружится. И тучи по ним ползают, и облака за них цепляются. И дубы и сосны

особенные на горах; и пальмы и кипарисы внизу, и цветы разные, И день яркий солнечный, аж зажмуришься. И ящерицы живые в террариумах, и рыба в аквариумах. И самолетики в здешних мастерских можно делать, и лодочки, и кораблики, и планеры. И мяч свечой в небо ввинчивается. И книжки интересные с картинками, и клуб, и радио, и кино. И ночи темные-претемные, и костры горят смолевые. И танцы вокруг них, и хороводы, и игры. И приходят в гости красноармейцы из соседнего лагеря и сказки рассказывают разные». И приезжают Молотов и другие «большие гости» из Москвы посмотреть, как растет и крепнет смена смене, как выполняется ее мечта «быть самыми сильными, самыми храбрыми, чтобы победить всех».

За Партенитом *мыс Плака*, куполообразный сферический лакколит, темный и твердый, как чугун, сверху сплошь покрытый щетиной стройных, но темных и меланхолических кипарисов, сквозь просветы которых белеют низенькие зданьца: часовня и усыпальница бывших здешних владельцев-буржуа на развалинах древнеэллинского городка. Уже не отсюда ли копировал Беклин свой мистический «Остров блаженных»?

К Плаку спускаются сверху *Карасан* и *Кучук-Ломбат* — роскошные дворцы мавританского стиля, густые парки с мощными кедрами и кипарисами, сады, теплицы и оранжереи с лимонами и апельсинами, виноградники, мощные подвалы (на 75 000 ведер), табачные плантации и, как всюду, санатории и дома отдыха.

На крайнем восточном крыле собственно Южный берег завершается скромной по экзотике, но неповторимой по архитектуре панорамой *Алушты*. Огромная, самая садоводческая и самая просторная на Южном берегу долина в оправе моря и гор. На юго-западе — Кастель, зеленая, крутая и круглая, как опрокинутый котел. На западе — мощные лесокудрявые массивы Ураги и Бабугана. На востоке, хотя и через море, — далекие и синие разломанные горы Судака. На северо-востоке — нависший над долиной серый гигант Демерджи. На крайнем севере — гигантская трапеция далеко, на 13 км, отступившего от линии моря Чатыр-Дага. Так отступает только особо роскошное палаццо от шумной и беспокойной улицы. И мизерными крапинками кажутся на этом фоне и татарский городок с кривыми улочками, густо обступившими круглую старую генуэзскую башню, и его европейская часть с потонувшими в зелени дачами, и новые трехэтажные санатории на берегу моря, и затерявшийся в складках зеленых горных ущелий прибрежный «Профессорский», а теперь «Рабочий уголок», и рассыпанные по склонам гор «заоблачная» Демерджи и другие татарские деревушки. Только бескрайнее синее море с роскошнейшим пляжем да огромная пологая долина, сплошь залитая садами и виноградниками, вся бело-розовая вес-

ной, яркозеленая летом и пурпурнобагряная осенью, достойно гармонируют этому поодаль одиноко стоящему великану. Именно отсюда своим видом Чатыр-Даг оправдывает свое название «Шатер-гора». По обеим сторонам его, и с запада и с востока, два огромных полукруглых горных выреза-«богаза» (перевала) широко раскрывают двери на далекий север. Белыми лентами змеятся к ним шоссе с гигантскими пирамидальными тополями и кипарисами, что тянутся вдоль дорог на целые километры. Дорога справа, на востоке, — на Симферополь, слева — в чудесный горный заповедник. А оттуда, с севера, с гор и лесов, тянут сюда через эти богазы ветры-сквозняки, охлаждающие Алушту зимой. Но они не вредят «летней» Алуште: наполняют ее озоном и делают весну ее ясной, без туманов, которые так часты тогда на Южном берегу, лето — менее жарким, а растительность и красоту — менее пряной, более простой, более приемлемой для многих людей севера. С пристани, а особенно с высокого поворота шоссе, можно часами, не замечая того, впитывать чудесную панораму этой долины, чтобы она потом, как любимая мелодия, звучала в зрительной памяти десятки лет, всю жизнь.

Именно здесь, в этом центре обширного чисто татарского района, будет создан второй по величине на Южном берегу парк культуры и отдыха, татарский по колориту, с упором на национальный татарский спорт, татарскую музыку и театр.

Но это только часть того грандиозного плана по *переустройству Южного берега*, который уже осуществляется.

Идут изыскания электродороги Симферополь — Алушта — Ялта — Симеиз с продолжением впоследствии на Севастополь. Вдоль нее в прекрасном природном обрамлении разовьются новые, пока малолюдные курорты: Партенит, Лимены, Форос, Ласпи. Парки будут на Аю-Даге, на горе Кабель, на Ай-Петри, в Кикенеизе. С ними и с электродорогой откроются новые пути и объекты для туризма. К Ай-Петри и Байдарским воротам с их солнцем, восходящим из моря, прибавятся мало посещаемые теперь суровые массивы мыса Айя с его вечерними видами и солнечными закатами в море, которым нет равных в Крыму по красоте.

Над электродорогой, на высоте 300—400 м над морем, пройдет широкая «автострада»¹, а вдоль нее вырастет цепь среднегорных курортов.

На склонах Ай-Петри появятся роскошные гостиницы и рестораны, и фуникулеры Ялты и Алушки за какие-нибудь четверть часа будут доставлять сюда с побережья всех, кто пожелает полюбоваться грандиозной панорамой на море и Южный берег.

---

¹ Дорога для автомобилей с широкими аллеями по бокам.

Теми же фуникулерами обитатели Яйлы будут пользоваться для купанья в море.

Аэродром на Ай-Петри даст возможность москвичу время от времени приезжать на Яйлу и Южный берег даже на один только выходной день. А гидро-авиолинии соединят Южный берег в одно целое с Одессой и Батумом.

Фуникулеры, многочисленные вертикальные и горизонтальные змеевидные дороги (серпентины), пешеходные и мотоциклетные тропки, обсаженные деревьями побережные променады и морские трамваи, рассыпанные вдоль этих путей туристские хижины и лагеря, горно-лесные ларьки, рестораны и телефоны — сделают туризм не только ультраприятным, но и доступным даже для больных.

Число одних только курортников в ближайшее десятилетие достигнет полумиллиона человек в год, а огородно-молочное хозяйство охватит все высокогорные и междугорные долины.

Курортная же зона расползется не только вверх, в горы, и на Яйлу или на запад, за Симеиз, но и на все побережье к востоку от Алушты, в нынешние «дебри Южного берега», в первую очередь в Куру-Узень, Кучук-Узень и Улу-Узень. Туда, куда за табаком, грушами и виноградом уже пошли советские грузовики и где уже вспыхнула «лампочка Ильича». Туда, где в зеленом полумраке ступенчатого ущелья Улу-Узени, под узорчатым шатром букowego леса, уже давно ждет массового туриста водопад Джур-Джур, которому нет равного в Крыму по мощности и красоте.

---

10. Дебри Южного берега.

Вторая часть Южного берега, к востоку от Алушты и до Карадага, пока мало курортна. Горы здесь ниже и зима холоднее. Кипарисы вымерзают и встречаются только кое-где (Кучук-Узень, Новый свет). Магнолий нет совсем. Источники редки, осадков выпадает мало. Большинство земельных пространств — пастбища и пустыни. Еще во времена генуэзцев здесь всюду были густые леса и били источники. Но леса хищнически вырубали, и большинство источников иссякло.

Особенно глухо и пустынно от Кучук-Узеня до Судака. По обе стороны шоссе тянутся бесконечные безводные и однообразные холмы. Между ними ложбины, рытвины и промоины, обычно лишенные воды, во время же редких дождей заполняющиеся бурными потоками. На обнаженных скатах раскаленные и выветрившиеся осыпи глинистого сланца, то резко черные и блестящие, то фиолетовые, то темнобурые или покрытые белым налетом гипса и соды. Лишь кое-где торчит на них низкорослый корявый дубок, больше похожий на кустарник, нежели на дерево, такой же граб, ясень, кизил, терпентинное дерево, древовидный можжевельник или раздражающее своими колючками «держидрево». Встречаются сумах, дубильное растение, огромное, но еще мало использованное богатство Крыма, невзрачный *крымсагия* — каучуконос, ныне усердно собираемый. Только ближе к морю, среди осыпей, контрастно зеленеют каперсы с большими красивыми цветами. Огибая холмы и промоины, шоссе далеко отходит от берега моря и почти все время крутит по предгорьям: от Алушты до Судака по шоссе около 95 км, по береговым же тропкам вдвое меньше. Шоссе совершенно безлюдно: местное население предпочитает сообщение морем, туристы же сюда не заглядывают совершенно. Можно проехать десятки километров и не встретить ни одной деревни, ни одного жилья, ни одного человека, кроме одиноких пастушьих кошар и чабанов. Да и содержится здесь шоссе плохо. Этот ландшафт на дальнем плане сверху замыкают угрюмые скалы Демерджи и Караби-Яйлы, серые и голые, лишь местами с прожилками и пятнами зелени. К востоку же от Караби-Яйлы и сама Яйла превращается в

узкий остроконечный гребень, местами разорванный дождевыми водами. Острые и ребристые серые известняковые глыбы и пики принимают нередко самый фантастический вид. На всем темно-бурая корка пустынного загара. Вытянувшиеся в длину до 13—15 км широкие речные долины в своих низовьях, у моря, сплошь занесены толщами валунов, гальки и песка. Вода реки проваливается здесь под эти наносы на несколько метров. На всем печать уныния и меланхолии пустыни. Особенно пустынно в летнее время от Искута до Чабан-Куле. И чувство тоски разгоняет только ярко сверкающее море, его ничем не ограниченный здесь простор, роскошные пляжи да яркозеленые пятна садов и виноградников, четко выделяющихся на фоне голых скал и голубого неба и моря. Огромная береговая вогнутая дуга от Аю-Дага на западе до мыса Меганом на востоке со всей цепью синеющих береговых гор видна с каждого поворота шоссе. А линии роскошных пирамидальных тополей отмечают собой направление рек, хотя бы и уходящих под галечник. Особенно хороша здесь ранняя весна: ночью немолчный звон отдаленных горных ручьев, утром розовая дымка цветущих садов, днем свежесть и блеск моря, сияние нежаркого солнца, роскошная зелень высокой шелковистой травы (увы, скоро потом засыхающей), по зарям песни соловья.

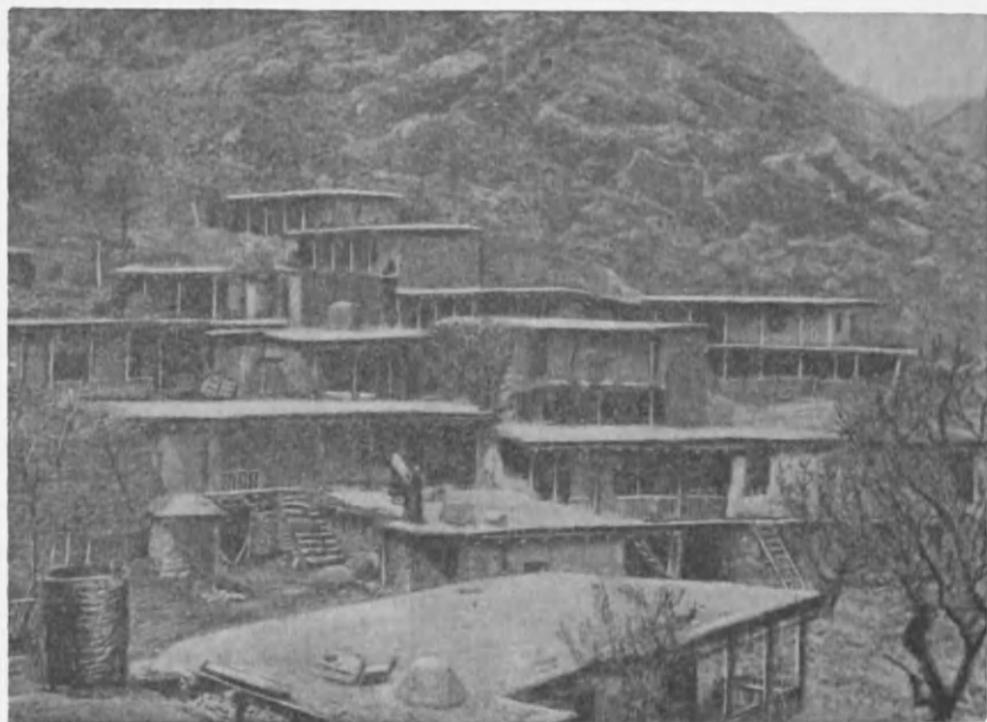
Деревни все наперечет, и все они расположены вдоль горных речек. Большинство далеко отодвинулось от моря в горы. Некоторые все в зелени и очень живописны. Такова Улу-Узень — на стыке с главным Южным берегом и с водопадом Джур-Джур вблизи. Большинство же селений бедно водой, голо и неприглядно.

Горы изолировали их от всех культурных центров, а места окружили их кольцом и разъединили их друг от друга. Чтобы попасть, например, из деревни Ай-Серез в соседнюю Ворон или Шелен, надо или далеко объезжать, или переходить через горы по крутым и узким тропинкам, очень утомительным и очень опасным.

Старый быт сохранялся в таких деревнях до самого последнего времени.

Большинство селений расположено террасообразно, по склонам ущелий. Дома, как соты, прилеплены к горе, и задние стены их находятся в земле. Плоская земляная крыша одного дома служит двором для верхнего соседа. Постройки скученны и непосредственно примыкают друг к другу. Найти изолированную усадьбу почти невозможно, и надо только удивляться, как татары с их тяжелыми и громоздкими маджарами еще умудряются проезжать по кривым и узким улочкам. Стены домов сложены из плохо отесанного дикого камня или же выстроены из дере-

вянных палок, замазанных глиной. Потолок, он же и крыша, тоже замазан глиной, в сухую погоду часто растрескивается и в дождь дает течь. И чем сильнее и продолжительнее идет дождь, тем все больше и больше выходит людей на крышу: медленно двигаясь по крыше, они большими деревянными катками укатывают ее щели. Вдоль всей передней стены, а нередко и вдоль двух стен идет крытая веранда (или балкон, если дом

Уголок деревни Шелен на склоне крутых и голых гор.

двухэтажный). Летом на веранде проходит вся жизнь семьи. На веранду же выходят и окна дома. Они небольшие и с решетками из вертикальных палок. Внутри пол земляной (если дом одноэтажный), очень хорошо утрамбован, тщательно обмазан глиной, смешанной с навозом, и не дает пыли, но легко облупливается, и потому все ходят в чулках или носках, обувь же оставляют на веранде. По большей части пол застлан войлоком. В одной из комнат, прямо на земляном полу,— очаг, над ним железная цепь с чугунным котлом и колпак. Дым уходит через колпак в дыру на потолке. В стужу и дождь дыра заткнута сверху тряпкой. Для хлебопечения особая печь во дворе, круглая, как улей, без трубы. В доме вдоль стен вместо стульев длинные и толстые

матрацы, обтянутые пестрой материей. Над ними вдоль стены, стоямя, подушки, — получается вроде сплошного низенького дивана. Мебели нет.

Здесь еще далеко не везде и далеко не полностью изжиты религиозный дурман и предрассудки. Тоскливые и заунывные

„Аджи“ (былой властитель дум правоверных, ныне угасающий тип).

завывания муэдзина с почерневшего от времени минарета местами все еще призывают правоверных к молитве, а мулла является высшим авторитетом. Местами еще выполняется (хотя и далеко уже не всеми и не так строго как раньше) ураза — пост, переходящий ежегодно из месяца в месяц и особенно тяжкий, когда приходится на лето: по шариату днем в течение целого месяца от зари до зари ни стар ни млад не может ни выпить глотка воды, ни съесть крошки хлеба, ни выкурить папироски. И только после вечерней зари, после разрешающего крика муэдзина с минарета мечети, начинаются питье и еда, продолжающиеся под

бой барабана и звуки восточной музыки попеременно со сном, всю ночь, до утренней зари. А после уразы — другая крайность: праздник курбан-байрам, разоряющий бедноту обязательным (по обычаю) для всех пиршеством, ошеломляющий громом все того же непрерывного оркестра, поражающий пестротой ярких красок национальных нарядов и желтизной хны волос, бровей и ногтей танцующей на крышах женской толпы, когда на эти крыши высыпает поголовно все население. А за этими днями опять наступают тусклые будни, особенно беспросветные для женщины. По корану и шариату, которые строго соблюдали до революции и татары Крыма, женщина — существо низшее, чем мужчина. Для мужчины оскорбительно даже самое сравнение с

женщиной. Муж — повелитель и верховный безапелляционный судья жены. Европейская одежда — наваждение шайтана, а появление женщины в общественном месте — смертный грех.

Но и сюда, вместе с комсомолом, коллективизацией и электричеством, бурно врывается новая жизнь и ломает весь старый быт и уклад. Из многих примеров укажем хотя бы на некоторые.

Старое женское татарское поколение.

На западе «дебрей», в Куру-Узене, вернувшийся домой челяскинец Ибрагим Факидов не узнал своей родной деревни, покинутой им десять лет назад: тракторы, моторные лодки, грузовики и авто, электричество, кровати и венская мебель, джемпера и модные европейские шляпки, новые речи и песни. То же в соседнем Кучук-Узене. В Искуте, посредине между Алуштой и Судаком, в этом дореволюционном медвежьем логове и цитадели кулаков и мулл, суеверий и мусульманского фанатизма, нетерпимости и замкнутости, теперь — передовой колхоз, премированный НКЗ РСФСР и крымскими организациями, партиячка и комсомол, электричество, железная пристань на море, узкоколейка горного типа от моря к деревне, большие моторные лодки и шлюпки, животноводческие фермы со свиньями, «гнездилищем всякой погани и нечисти» по корану, школы на татарском языке, две новые больницы, детсады и ясли на 950 человек.

Женщина в массе пришла здесь к общественной работе и управлению колхозом (учительницы, сестры, воспитательницы, бригадирши). На вечера творчества в клубе, что разместился в трехэтажном здании бывшей мечети, съезжаются татарские поэты и писатели (Шейх Заде, Умер Ипчи и др.) из Ялты, Симферополя и других центров Крыма. Молодой искиутец Иргат Кадыр (по-татарски батрак, до 1924 г. он был батраком) читает здесь свои стихи, которые затем распевает все татарское население Крыма — пионеры, красноармейцы, колхозники. Он же выступает как татарский пролетарский поэт в Москве, на Всесоюзном съезде писателей. Сейчас в Искуте создается Дом творчества крымских писателей. На востоке, в Бююк-Таракташе, где до революции не было ни одной грамотной женщины, теперь неграмотен только тот десяток старух, которые по возрасту уже не способны ни на какую учебу. Еще немного подальше к востоку — в Козах, в горно-татарской и еще очень недавно глухой деревне, — теперь электричество, радио, школы, клуб, ясли,

Татарка в национальном костюме.

детские площадки, общественная столовая в бывшей мечети, а в колхозе, в ведущей роли — татарка Фатьма Абдурманова, до революции видевшая одни только ужасы бедности (из 12 детей ее отца выжили только двое). Мать четырех детей, она в нерабочее время учит их, учится сама, учит мужа. Происходивший в октябре 1934 г. съезд колхозников Судакского района премировал 60 мужчин и 57 женщин, причем первую премию дал Фатьме — путевку в Москву на Октябрьские торжества. Здесь она видела Сталина, Ворошилова, мощь Красной армии, московский пролетариат. Бурно приветствовала она вождей, аплодировала танкам, эскадрильям самолетов, щетинистым квадратам пехоты, красоте движений физкультурников. Пройдя в мавзолей, видела образ того, кто когда-то сказал: каждая кухарка должна

научиться управлять государством. И когда по возвращении ее в Козы лес поднятых рук предложил ей руководство колхозом, она согласилась, еще глубже зарылась в учебу и подала заявление о вступлении в партию. А когда хозяйским глазом обзрывает она теперь владения колхоза, Козы уже не кажутся ей такими плохими, как раньше. Новые люди и новые, коллективные, формы труда настолько выкорчевали старое, что теперь стоит только очистить деревню от многовековых наслоений бытового и иного мусора, убрать с дороги мечети и на месте их и на расчищенных зарослях колючек разбить виноградники, сады, цветники и фонтаны, каптировать старые источники да построить поближе к морю новые большие и светлые дома, — и тогда жить всем будет совсем хорошо. И кажется ей, что сами горы уже раздались, расширились, не теснят и не изолируют, как раньше, и чувствует, что она и ее Козы, и все «дебри», и весь Крым уже не одиноки. Ей кажется: стоит только подняться на гору над ее деревней, и оттуда за блеском моря она снова увидит ярко сияющую огнями Москву, ставшую ей теперь родной, сквозь рокот моря уловит жужжание пропеллеров, услышит грохот бронемашин и мерную поступь пролетариата — и снова, как там, в Москве, почувствует, с какой силой эта лавина готова обрушиться на всякого, кто рискнет напасть на таких, как она, Фатьма. И с еще большей бодростью и рвением ведет теперь Фатьма борьбу за очистку жизни от мусора тысячелетий.

---

11. Судак.

Как бы на прощанье Южный берег подарил нам на своем крайнем восточном крыле ряд эффектных уголков: роскошную долину Судака, милovidные Отузы, цветущие Козы, величественный и суровый Карадаг и пепельно-голубой Коктебель.

Долина Судака — самая большая и самая виноградная на всем Южном берегу. Только одна садоводческая долина Алушты может еще поспорить с ней своим простором и роскошью изобилия плодов земли. Долину Судака с трех сторон окружают горы. Но они невысоки: не давят и не сжимают долину. С четвертой стороны — море. Чтобы почувствовать всю роскошь и мощь долины, надо въезжать в нее не автомобилем или морем из Феодосии, а по шоссе из Симферополя — через Карасубазар и Старый Крым, а оттуда горной дорогой через горное ущелье и бесплодную ложбину у глухой деревушки Эльбузлы. Отсюда, от Эльбузлы, долина спускается вниз и идет, меняя свои названия через десятки километров, через Суук-Су, Большой и Малый Таракташ; вся сплошь виноградная, от края до края, вся «зеленая-раззеленая». Все расширяясь и все заливая, как в водополе, она, как главная виноградная река, непрерывно принимает с обеих сторон, и справа и слева, многочисленные вливающиеся в нее реки — притоки — долины, такие же зеленые, такие же виноградные. И в центральной части этой долины мы видим уже, как безбрежное зеленое море ровных подстриженных кустов винограда с густой щетиной подпирающих кольев разливается и заливает не только все ложбины, но взбегает и на окружающие холмы и взгорья. Могучие, взрослые на поливе, кусты гнутся под тяжестью гроздей и нередко дают по 1½ ведра вина каждый. А по этому виноградному морю рассыпаны и пересыпаны нежные миндальные деревья, персики и абрикосы, в этой долине самые распространенные; белеют низенькие татарские и русские домики с крупной красной черепицей, иногда почерневшей от времени. Их окружают колонны пирамидальных тополей и купы каштанов и белых акаций. Краса Крыма — огромные, нередко тысячулетние ореховые деревья шатром раскинули над ними свои мощные ветви. Узенькие дорожки, где трудно развехаться и

двум встречным экипажам, вьются от домика к домику, едва заметно разделяя собою виноградные поля. Высокая стена пирамидальных тополей и низенький деревянный плетень сопровождают эти дорожки, а гирлянды клематиса и цепкая колючая ежевика покрывают их сплошным зелено-серым упругим ковром. Поближе к морю (в 2 км от берега) раскинулась немецкая колония Судак с чистыми замощенными улицами, с тремя десятками беленьких домиков с цветниками, с прекрасно устроенным фонтаном, с обилием хорошей воды. Неподалеку русско-татарско-украинское менее обильное зеленю и водой селение Судак — административный центр всего Судакского района, татарского по преобладающей национальности. А на самом берегу моря стоит дачно-санаторный поселок Судак.

Море, уже недалеко от берега достаточно глубокое, удобно для якорной стоянки судов. Берег — достаточно пологий для вытаскивания лодок на берег. Широкий редкостный пляж с бархатным песком тянется на целых два километра. На востоке он упирается в гору Алчак, из-за плеча которой угрюмо смотрит развалиной своих голых массивов мыс Меганом с мрачной славой очага саранчи. На западе — гора Кыз-Куле и на ней старая полуразрушившаяся генуэзская крепость. На огромном утесе, отвесно обрывающемся в море, тянется она кверху, дает высь и архитектуру этой невысокой и неархитектурной судакской долине и неудержимо, как магнит, все время тянет к себе. Производит более сильное впечатление, нежели все замки Рейна, Франции или Италии. «Нельзя себе представить, — сказал когда-то Дюбуа де-Монпере, французский

В винограднике.

путешественник, — руин более прекрасных, величественных и вместе с тем меланхолических, нежели руины судакской крепости». И вооруженное исследованиями архивов воображение дорисовывает то, что разрушили время и люди, и реставрирует ту панораму и быт, когда Судак был крупным городом, одним из главнейших портов Черного моря.

Основанный греками еще в VI в. до нашей эры, Судак переходил из рук в руки: древние греки, византийцы, половцы, венецианцы, татары, генуэзцы, турки, русские последовательно сменяли здесь друг друга, все время меняли его название: греческое Солдайя и Сугдея, арабское Судак, русское Сурож. И все время — вплоть до господства турок и русских — он торговал. Особенно сильно гремела слава Сурожа во время расцвета Генуи и в эпоху Ренессанса в Европе. Караванными и морскими путями шли сюда товары Азии и Европы: благовония и пряности Аравии, Тибета, Малабара и Бенгала, бриллианты, золото и другие драгоценности далекой и сказочной Индии и Цейлона, художественные кустарные хлопчатобумажные ткани Бомбея и Бухары (сохранившие в России название «сурожских» товаров вплоть до Октябрьской революции), кит

Кыз-Куле („Девичья башня“ Судакской генуэзской крепости на обрыве скалы).

тайский фарфор и шелка, эфиопская слоновая кость, «сурожские» вина, сердолики, халцедоны и другие разноцветные, граненые морем камешки Карадага и Коктебеля, ходко шедшие в перстни и печати не умевших расписываться буквами владельцев особ. А с севера в обмен шли сюда бобры и соболя, горностаи и другие русские меха, лен, льноткани, кожи и мед. И особенно важным и ценным товаром были рабы. Называлось тогда Черное море не Черным, а Сурожским. А владения Генуи простирались по всему Южному побережью, доходя временами от Судака до Чимбалона (Балаклавы) на западе и до Кафы (Феодосии) на востоке. Укрепления Исара (над Ялтой) в

ущелье Эльбузлы и в других горных проходах запирали пути с севера кочевникам степи, а на юге врагов с моря сторожили огромные башни Чимбалона, Гурзуфа и Аю-Дага, Алустона (Алушты), Чабан-Куле («Пастушья крепость» против Ускута) и Кафы. И, заметив врага, башни подавали сигналы по всей линии. А крепость и маяки Аю-Дага подавали световые сигналы самой цитадели Генуи в Крыму, крепости на Кыз-Куле.

В 1475 г. турки снарядили специальный флот, плотным кольцом обложили крепость и брали ее голодом и измором. Свыше тысячи отборных воинов-генуэзцев заперлись в последнем убежище, погибли с оружием в руках и были замурованы в стенах. И только часть воинов, бывших на другом посту, потайным ходом смогла спастись на галеры. А вскоре пало значение и самой метрополии Генуи и всех тогдашних итальянских торговых республик, ибо наступила эпоха великих открытий новых морских путей и материков. И Средиземное море вместе с Черным надолго, вплоть до прорытия Суэцкого канала (1869 г.), отошло на задворки истории.

Турки низвели Судак до положения только военной крепости. А русские, к которым в 1783 г. перешел Судак (вместе со всем Крымом), спустили его еще ниже: до положения мелкопомещичьего местечка. И только после советизации Крыма Судак стал развиваться уже на социалистической основе как центр образцового национального татарского района и в то же время как центр курортный.

Сейчас в Судаке и его окрестностях около 1 600 га виноградников — примерно столько же, сколько на всем остальном южно-бережье, от Айя до Туака. Виноградники поливные и потому дают до 15 т с 1 га — вдвое больше, чем на главном Южном берегу. Только виноград от полива здесь не так нежен и сахарист, да и сорта не те. Кроме столового винограда, долина дает от 300 тыс. до 600 тыс. ведер вина, приятного на вкус, хотя и менее крепкого и менее ароматичного, нежели на главном Южном берегу. Вся долина судакского гнезда — сплошные колхозные земли вперемежку с землями совхозов специальных культур (казанлыкская роза, лаванда).

Самый центр выделки вин лежит в 7 км к юго-западу от районного центра. То *Новый Свет* — один из наиболее красивых, солнечных, и тихих уголков Крыма. Полукруглая бухточка с прекрасным пляжем обращена к юго-западу, защищена амфитеатром гор и опушена кипарисами и пицундской сосной, сосной спускающейся с гор к самому пляжу.

Красивые сухие гроты, из которых один — туннель — проходит сквозь мыс от моря до моря. Колоссальные винные подвалы идут глубоко под землей в три яруса с общим протяже-

нием в 3½ км. Это бывшее имение кн. Голицина, винодела и эксплуататора татар, не менее известного и своими барскими причудами (единственная в своем роде в мире «винная библиотека» с 32 000 бутылок вин всех сортов, годов и стран земного шара; великокняжеские пиры в эффектной гроте со знатными гостями при электрическом освещении и т. п.). Используя запрещение кораном выделки вина, князь монопольно по дешевке скупал виноград татар всего Судакского побережья и давал до 40% всего довоенного производства вин Крыма. Сейчас здесь санаторий.

Летом Судак переполнен курортниками и туристами. Группа санаториев и домов отдыха по 500—700 человек в каждом набита до отказа. Главные санатории: Московского военного округа и Ленинградского кубуча — на берегу моря, у восточных склонов Кыз-Куле. Целый городок маленьких веселых зданий, отороченных зеленью деревьев, газонов и цветников, облитых сиянием золотисто-голубого дня и блеском моря, заполненных морем звенящих голосов учащейся рабочей молодежи.

При здешнем климате, режиме и питании люди севера, особенно жители туманного Ленинграда, приезжающие сюда утомленными, нередко с серым землистым цветом лица, восстанавливают свои силы, загорают, нагуливают по 2—4 и даже по 6 кило за месяц и получают зарядку энергии на целый год, вплоть до нового приезда. И грусть проявляется у них только в конце и только об одном: так скоро, так незаметно, как сновидение, мелькнул этот долгожданный волшебный месяц. И, отъезжая, каждый спешит проститься прежде всего с любимым морем: долго, долго купается в нем, хотя бы это был даже конец октября, ибо небо попрежнему безоблачно, а море попрежнему ласково и тепло. И только хочется, чтобы автомобиль не так спешил, не спешил на пути до Карадага.

---

12. Карадаг и Коктебель.

Безвыходность слепых усилий
Титанов, скованных в гробу,
И бред распятых шестикрылий
Окаменелых Херубу...
Спустись в базальтовые гроты,
Вглядись в провалы и пустоты,
Похожие на вход в Аид.
М. Волошин.

Таков Карадаг (в переводе «черная гора») в представлении поэта-символиста. Среди местного населения Карадаг вплоть до самой революции был тоже окутан флером мистицизма и романтизма.

В разгаре лета длинные и громоздкие татарские маджары со всех сторон — из-под Керчи и Феодосии, Карасубазара и Старого Крыма, — скрипя никогда немазанными колесами, тянулись по всем дорогам к Карадагу, где образовывался целый табор. Маджары оставались внизу, а татары поднимались наверх, на одетую лесом куполообразную Святую гору, на «могилу святого». И всю ночь шли моления на могиле и горели костры на горе. А христиане уверяли, что это их святой, а не татарский и что ежегодно под пасху всю ночь доносится с горы тихий звон, исходящий как бы из недр горы — южнобережный перепев далекой северной сказки, сказки лесного озера «О невидимом граде Китеже».

Революция рассеяла эти мистические туманы. Но Карадаг стал еще красивее, еще притягательнее. Только идут теперь сюда другие люди: пролетарские туристы и художники, поэты и писатели, геологи и биологи, академики и студенты-практиканты, авиаторы и планеристы, инженеры-строители и экономисты-исследователи. И Карадаг дает каждому все, что ему нужно. Ибо это есть один из самых редких феноменов мира — гениальная модель по истории земли, исполненная самой природой. Вместе с Коктебелем и горой Клементьева — это центр советского планеризма. Единственное в Союзе месторождение трассов. Цемент из этой породы в морской воде от времени только твердеет и потому незаменим для портовых и подводных сооружений. При этом

наши трассы лучше знаменитого итальянского пуццолано¹. По климатическим условиям Карадаг единственный (после Нового света) возможный зимний курорт на всем побережье к востоку от Алушты. Здесь солнца больше, чем даже в Ялте, а на побережье, за выступами его скал, всегда, в любой ветер и мороз, можно найти теплый, «весенний» уголок. Для нервных же людей условия таковы, что здесь может быть не просто климатический, но и психиатрический курорт. На небольшом пространстве сосредоточилось здесь такое разнообразие жизни и моря, и суши, что именно здесь возникла и работает «двухгранная» естественно-историческая станция и суши, и моря.

Карадаг занимает пространство от Отуз на западе до Коктебеля на востоке (8 км) и от шоссе на севере до линии моря на юге. Это древний вулкан, горн природы, угасший многие миллионы лет назад. С тех пор подземные и надземные силы природы исковеркали его, смяли и перевернули на бок, разбили трещинами, сбросами, размыли водой, разъели воздухом, разрушили морем. Образовали целый ряд хребтов, диких ущелий, крутых и узких долин, балок и оврагов, арку в море. Центральная часть всего массива — Святая гора (573 м).

Особенно дик, мрачен, фантастичен, неприступен и в то же время красив Карадаг именно с моря, к которому он подошел вплотную. Огромные утесы поднялись прямо из воды на огромную высоту и нагромодились друг на друга в диком беспорядке. Мрачные и серые, они лишены какой бы то ни было растительности. Темные следы когда-то стекавшей лавы исполосовали их. Базальты легли вкривь и вкось, как кирпичная кладка пьяного каменщика. Море выдолбило мрачные гроты и прогрызло узкие и глубокие щели, затащило их внизу водорослями и гулко отдается плеском своих волн в темных пустотах. И нигде нельзя подняться наверх. Только в одном месте можно бы еще пробраться с суши на самый берег — это по ущелью Гяурбах (в переводе «сад неверных»). Мрачное, но достаточно широкое, идет оно к морю от перевала у Святой горы, прорезая массив почти по самой его середине. Внизу его — хаос, которому по дикой красоте нет равного в Крыму. Но оно очень круто, трудно и опасно для перехода. А спустившись по нему к морю, нельзя пройти по берегу ни в ту, ни в другую сторону. И в лежащую здесь Сердоликовую бухточку за сердоликами и другими гранеными морскими камешками жители Отуз и Коктебеля приезжают на лодках. С лодок же осматривают здесь Карадаг и туристы. Жуть и трепетное молчание охватывают всех при виде

¹ В древности, несколько тысяч лет назад, цементом Карадага были связаны камни древнеримского порта Анцио. С тех пор камни разрушились, но их цементные связи сохранились.

нависающих каменных громад. Потрясающее впечатление производит «Иван-разбойник» — выброшенные сверху острые шпиги. Неподалеку «Чортов коготь», «Пещера пиратов». Гроты «Отверстие ада» и «Бакланый базар» — ущелья, уходящие в глубь массива. Напротив них, в открытом море, — «Ворота Карадага» (огромная арка на двух андезитовых столбах-утесах, с мачтой), сквозь которые свободно проходит лодка с поднятым парусом.

Почти такой же суровый и величественный Карадаг с севера,

Карадаг.

со стороны Коктебеля. Прямо с плоскости поднимаются хребты и голые острые пики с венцом зеленых лесов наверху. Вода и воздух прорыли между хребтами балки и свраги. Сизо-серые солончаки оставили на скатах причудливые узоры. Дождевые воды оставили белые пятна. Едва заметная тропинка вьется по склонам. От «Мертвой бухты», где солнце и солончаки съели все живое, сложными зигзагами поднимается она к перевалу у Святой горы, к гигантскому вулканическому столбу «Сфинкс», к могиле Волошина. Отсюда поэт созерцал когда-то эти места, напоминавшие ему его любимые мифические берега и ландшафты древней Эллады. Отсюда вниз, где перепутались горные водостоки, видно и любимое поэтом «кладбище титанов».

И резким торжествующим диссонансом врывается в это царство молчания и призраков прошлого реальная советская действ-

вительность. Глухие вздохи — взрывы аммонала со Святой горы — далеко слышны вокруг: здесь в карьерах добывают драгоценные трассы. Огромные куски добытой руды подаются в вагоны подвешенной электрической дороги, идущей вдоль дороги наземной, тоже недавно проложенной отсюда к морю, подаются на мельницу, на пристань, а отсюда на пароходе и в Новороссийск, на его цементные заводы. А около карьеров успел вырасти уже целый городок: бараки рабочих, клуб и кино, бани, ванны и души, собственный источник прекрасной воды, бывший до этого в «мерзости запустения» сотни лет, и прочие элементы благоустройства культурной жизни. И на очереди дня стоит постройка здесь крупного цементного завода.

Значительно доступнее Карадаг с северо-запада со стороны Отуз. Здесь более пологие подъемы, широкие площадки, годные для жилья и виноградников. Вершина же горы, как огромная опрокинутая раковина, защищает эти площадки и от зимних северо-восточных суровых ветров и от жгучего летнего восточного «крымского сирокко».

Еще более мягок и ласков Карадаг на юго-западе, где залегла крохотная Карадагская долина. В ней три-четыре домика, пятна виноградников, кошары овец. А в самом устье ее, на берегу моря, на фоне суровых темных и голых скал, белеет чудесное здание естественно-исторической станции и санаторий им. доктора Вяземского, энтузиаста Карадага, всю свою жизнь строившего это задание, на свой заработок врача собравшего библиотеку (в 40 000 томов), редкостные ценности которой, европейские уникалы, привлекают ученых Союза и заграницы. Сейчас здесь лаборатории и общежития для практикантов со всего Союза.

С Карадагом неразрывно связан нарождающийся курорт Коктебель.

Коктебель — в переводе «Долина голубых гор», ибо здесь все пепельно-голубое — и небо, и горы, и море.

Это небольшая болгарская деревушка и приморский курортный поселок у подножия Карадага. На первый взгляд непривлекателен. Выжженная степь. Редкие и жалкие деревца. Нет настоящей зеленой травки. Нет пресной воды. Нельзя копать колодцев, ибо они дают только горькосоленую воду. Пресную же, по здешнему «сладкую», воду возят издалека — километра за 3, за 4. Нет освежающих дождей. И невыносимо жжет солнце. А когда в конце июля задует из пустынь Средней Азии «крымское сирокко», несутся тучи взвешенного песка, солнце мутнеет и тускнеет, листья свертываются. И бывали случаи, когда вновь приезжающие, едва взглянув на ландшафт, уезжали обратно или дальше, не вылезая из экипажа. Но кто хоть немного пожил в Коктебеле, тот становится его патриотом, и у того минусы Кок-

тебеля превращаются в плюсы — и палящее солнце, и сухость климата, и примитивность пейзажа — невысокие голые пепельно-голубые горы вдали и однообразные невзрачные холмы вблизи с переливами красок: то лиловые, то зелено-красные, то розовые, иногда кроваво-красные, такие, какими улавливает их в своих картинах певец Коктебеля феодосийский художник Богаевский.

Жизнь и красоту Коктебелю дают море и Карадаг. Великолепный пляж из гальки. Хорошо прогреваемая соленая вода. Море замкнутое в полукруглую чашу залива, спокойное и ясное. Исключительное по богатству, разнообразию и свежести красок и тонов, все время меняющихся. То густо малахитовое, то бирюзово-льдистое, то опаловое, то насыщенно темносинее, то серо-стальное. И камешки пляжа, «коктебельские камешки», каких в Крыму нигде больше нет: белые, как снег, черные, как ночь, голубые, зеленые, синие, лиловые, какими бывают здесь море, небо и горы, розовые и кроваво-красные, как и Карадаг при заходе солнца, яркзолотистые, как палящее коктебельское солнце. Агаты и халцедоны. Сердолики и яшмы. Отграненные и отшлифованные морем яйцевидные кусочки с прожилками мрамора и с причудливыми рисунками. Непрерывно в течение тысяч лет расхищаемые людьми и систематически и с избытком пополняемые морем в каждую бурю. Зависть, споры и хвастовство собирателей. Эпидемия собирательства. Ищут с азартом, с тонким знанием дела, со страстным желанием бури или хотя бы прибоя. Настоящее «каменное» помешательство: тихое в тихую погоду и буйное после бури.

Море и пляж овладевают курортником с первого же дня его приезда и не выпускают до момента отъезда. Море диктует весь распорядок дня, заполняет его целиком, едва выпуская на еду и ночлег: купанье утром, днем, вечером. В промежутках солнечные ванны — лежанье на пляже, с созерцанием моря, неба и Карадага, все время меняющего свою окраску. И нигде не чувствуют люди себя так просто и непринужденно, как здесь. Нигде не знакомятся так скоро, как здесь. Нигде не ходят столько босиком. Нигде так сильно не загорают, как здесь. Особенно дети. Целые дни шныряют они голенькими, в одних трусиках на манер поясков — настоящие африканские дикарки, такие же черные, не загорелые, а именно черные. И никто не поправляется здесь так быстро и хорошо, как дети. Потому-то и намечена для них постройка на берегу Мертвой бухты грандиозного санатория. Хорошо поправляются здесь и взрослые: ревматики, нефритики и все те, кому нужны солнечные ванны и выпоты оставшихся воспалений, — все, кроме туберкулезников, которым мешают здесь летом излишняя сухость, пыль и «сирокко», а зимой — мороз.

А в дни полного безветрия — вынужденного безделья планеров — спускаются в долину планеристы с планедрома, который вместе с Высшей планерной школой расположился на Узун-Сырте, или горе Клементьева (обширное плоское плато с отвесными в 200 м склонами, к северу от Коктебеля). Планеристам рады, их приглашают нарасхват: они проводят беседы, консультации, ведут на планедром или на Карадаг. А с Карадага грандиозная панорама. На юге под ногами трепещущее море. На западе растягивается подлинное лицо восточного Крыма, его рельефная карта от Аю-Дага с выглядывающим из-за его плеча Ай-Петри и до Судака: бесконечные, уходящие вдаль гребни, пики, мысы и расчлененные сбросами и разломами горные массивы, все время меняющие свою окраску в зависимости от освещения, — то тяжелые, суровые и грозные, то воздушно-прозрачные, легкие и радостные, с неестественными, иногда фантастическими изломами и окраской. Под ними, между мысами, бесчисленные заливы — выходы речных долин, разделяющих размытые горы и окаймленные тополями. На севере серо-желтые степи, замыкаемые едва видимой полоской Азовского моря. На северо-востоке — однообразная полупустыня Керченского полуострова, окаймленная с юга широкой дугой Черного моря. На востоке в особо ясную погоду — слабые очертания кавказских гор. В самом низу — Коктебель, его памятник коммунарам (членам подпольной конференции, выданным провокатором Акимом Ахтырским), багряные трепещущие полотнища мачт на Узун-Сырте — на могиле Клементьева и других жертв советского планеризма.

Карадаг и Коктебель — конец Южного берега, рассыпающийся бенгальскими блестками прощальный фейерверк горно-морской феерии, последнее слово той сказки, что тянется от Айя до Карадага.

И за ним, за Карадагом, этой сказки уже более нет. Горы к востоку быстро и окончательно лысеют, распыляются на отдельные точки и обесформливаются. Подижаются и переходят в степь, кое-где еще волнистую, чаще же всего ровную, как пол, без холмов, без деревьев. А вместо ленты садов и виноградников потянулись по обе стороны от шоссе золотистые поля пшеницы и ячменя, серо-бурые пастбищные пространства и голые выжженные пустыни. И только местами вкрапливаются в них крошечные плантации хлопка и табака, да вдоль редких селений встали редкие тополя и легли сады и темнозеленые квадраты виноградников, втиснутые в невысокие каменные ограды. И так от самого перевала у Карадага до Феодосии и от Феодосии до Керчи.

---

13. Керчь индустриальная.

За время советской власти создан четвертый экономический район — горно-промышленный, по своей физиономии и специализации резко отличающийся от других районов Крыма. По своему значению он был до революции в Крыму последним, теперь же становится первым. То Керченский полуостров с городом Керчью во главе.

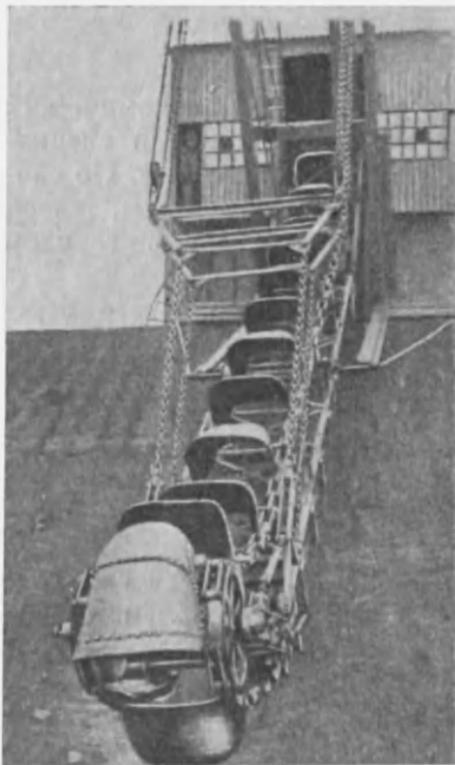
Начинается полуостров на западе от Ак-Монайского перешейка. Перешеек, шириною в 18 км, перерезан невысоким старым Ассандровским валом от Арабатской стрелки до Феодосии. В последний раз, в 1919 г., вал сослужил службу белым (во время второго прихода красных в Крым): эвакуируя в этом году весь остальной Крым, они вплоть до 1920 г. держались на Керченском полуострове, за позициями вала и под мощным прикрытием французского флота.

Полуостров — степь, совершенно ровная на большей своей части и только на северо-востоке, за Парпачским гребнем, слегка взволнованная многочисленными кольцеобразными мелкими грядами и грязевыми сопками, время от времени извергающими газы и жидкую холодную грязь. (Среди них сопка Джарджава, в 1928 г. в течение 5 минут залившая грязью глубокую балку и часть селения.)

Климат не «крымский». Зимой морозы, степь покрыта снегом, а море и на севере (Азовское) и на востоке (пролив) — льдами, которые сильно охлаждают полуостров. Летом невыносимая жара и духота. Солонцы и полынь. Грунтовые воды почти всюду засолены. Их воду часто не пьет даже скот. Для себя же люди пробуют нередко «на лягушку»: если брошенная в воду лягушка остается в живых, значит пить такую воду можно. Пресную воду — снеговую и дождевую — собирают в громадных «аутах», «копанях», запрудах и прудах. Их на полуостров около 4 десятков. Но вода в них часто тухнет и годна лишь для поила скота и поливки баштанов. Во многих случаях пресную воду приходится привозить в бочках за 15—20 км. В городе Керчи есть артезианские колодцы, но и здесь общее потребление воды не превосходит 18 л в день на человека в сред-

нем, в то время как в Севастополе, например, более 75 л. Селения редки.

Но богатства полуострова не на земле, а в земле. На пространстве 1200 км², почти по всему побережью Азовского моря, встречаются железные руды, а в районе Керчи они идут и под дно Керченского пролива и далее—за пролив, на Таманский полуостров, на Кавказ. Руды невероятно много—около 3 миллиардов тонн, т. е. вдвое больше, чем на Урале или в Кривом Роге. Это после Курской аномалии — первое месторождение в Союзе. Мощные пласты руды, толщиной до 17 м и более, залегают или на самой земной поверхности, или чуть-чуть прикрыты почвой: ковши электрифицированных экскаваторов ее просто зачерпывают сейчас, как песок или глину, и по подвешенной электрической дороге отправляют на завод, что расположен в 1,5 км от места добычи руды. Добыча — самая дешевая (раз в 20 дешевле добычи руды в Кривом Роге) и чугун — самый дешевый.

Экскаватор добывает железную руду.

Кроме железа, на полуострове имеются нефть, которой еще запорожцы мазали оси своих телег, самородная сера, гипс и асфальт, неисчерпаемые запасы поваренной соли, бура, гончарные глины и разнообразный строительный камень, плитняк, ракушечник — керченский камень, идущий для строительства и в Керчи и на вывоз. Сигнализируют о богатствах и горючие газы. Их бьет из-под земли столько, что на них может работать вся металлургия полуострова. Имеются затем целебные грязи, не уступающие евпаторийским, сырьевые источники иода и десятки других полезных ископаемых. А в Азовском море и проливе в изобилии водятся известная всему Союзу «керченская сельдь» и красная рыба (осетр, белуга).

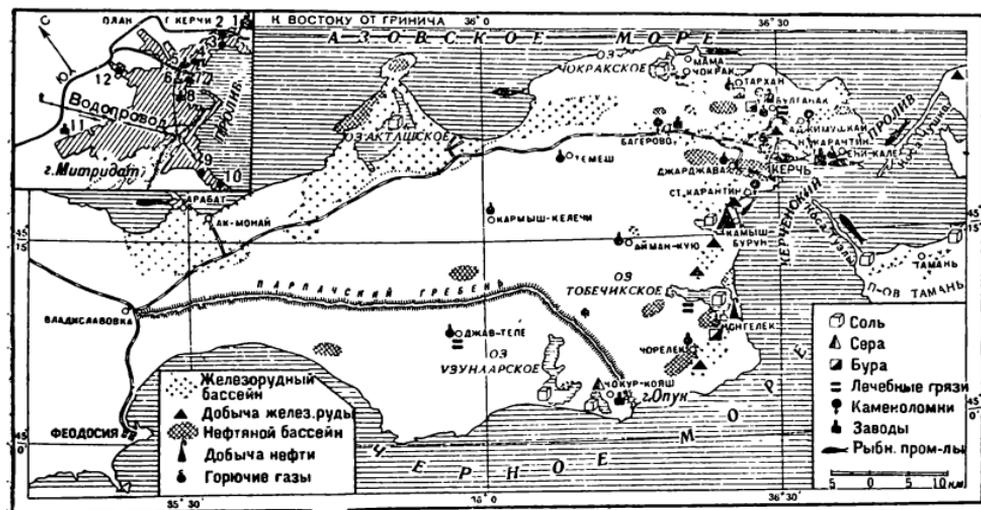
Керчь — древний город, древнее не только нашей Москвы или Киева, она древнее даже самого «вечного» города, города

Рима: Керчь основана две с половиной тысячи лет, в VI в. до нашей эры.

Город расположился на низком песчаном берегу подковообразной мелкой (допускающей только небольшие суда) и зимою замерзающей бухты Керченского пролива (в древности Босфора Киммерийского), а также по склонам столообразной горы Митридат, видимой уже за десятки километров от города. Гора, все ее отроги, холмы и кольцо окружающих древних могильных курганов пересыпаны и покрыты остатками цивилизаций двух с половиной тысяч лет. Среди геологического и исторического мусора, нередко на глубине 10—15 м, и до сих пор еще находят эти осколки минувшего. Ими наполнены музеи как самой Керчи, так и Симферополя, Ленинграда и за границы. А с самой вершины горы, куда к легендарному креслу босфорского царя Митридата ведет от порта широкая монументальная каменная лестница в 214 ступеней, открывается величественная панорама на 30 км вокруг — на индустриальную Керчь со всем ее окружением. Прямо внизу, под ногами, — город темносерый, однотонный с общим ландшафтом окружающей выжженной солончаковой полупустыни и только по краям опоясанный тощими садами и жиденькими бульварчиками и скверами. На востоке — бухта, вокзал, фабричные трубы новостроек, порт с древними и новыми молами и складами, с эллингами, с пловучим доком (незаконченным) и десятками мелких и средних судов, длинные песчаные косы Чушка и Тузла, протянувшиеся с Кавказа. От них убегают к востоку, в синюю даль, холмы Тамани, а к северу и югу сереющие воды и берега пролива. На северо-востоке — в 7 км от горы — мощные силуэты вечно дымящегося металлургического завода им. Войкова. Чуточку западнее его — стройки Новокарантинного железного рудника и древние, работающие еще со времен Митридата (I в. н. э.), Аджимушкайские каменоломни, всем известные по героической борьбе красных партизан («красных кротов») с белогвардейцами в 1919 г. К северу от них — сопки Булганака, а на горизонте — грязелечебница озера Чокрак, солепромысла и рыбные промысла Мамы вдоль серой полоски Азовского моря. На западе — ярко зеленеющее пятно садов Скасьева Фонтана вокруг артезианского колодца — начало водопровода. Вода насосными станциями подается отсюда в бассейн на горе Митридат, откуда затем напором питает весь город, металлургический завод и идет и на юг — в курорт Старый Карантин и на Камыш-Бурун, строящийся социалистический город. Туда же между цепью холмов Юз Оба («сто холмов») вьется шоссе. Огибая сады, отроги горы Митридат, курганы, холмы и сопки, идет на Камыш-Бурун и железная дорога, только что отпочковавшаяся от главной железнодорожной магистрали.

Еще далее к югу, частью уже за пределами невооруженного глаза, за рядом соленых озер — нефтевышки Чонгелека, серные рудники Чокур-Коя, террасообразная известняковая гора Опук, высшая точка Керченского полуострова (180 метров), а против нее в голубеющем Черном море «Камни-Корабли», — скалы, издали принимаемые за надутые ветром паруса.

Центром всей этой панорамы и новостроек является *металлургический гигант* — сложный комбинат (домны, мартены, аг-

Карта Керченского полуострова.

1—металлургический завод им. Войкова. 2—Новокарантинный железный рудник. 3—судоверфь. 4—хлебозавод 5—консервный завод. 6—холодильник. 7—мастерские порта. 8—табачная фабрика. 9—машиностроительный завод. 10—кирпичный завод.

ломерационная фабрика, коксохимический комбинат и др.), обросший десятками различных цехов и корпусов.

Комбинат выстроен заново. С постройкой завода капиталисты возились 100 лет, пускали несколько раз, столько же ставили на консервацию. Мешали им зернистость руды, малое содержание металла (от 35 до 47%), примеси мышьяка и фосфора, портящие металл. В 1918 г. немцы увезли материалы и оборудование завода. В 1919—1920 гг. dokonчили разрушение белые. Были разобраны даже рельсы подъездных железнодорожных путей, сожжены заборы. Разные вредители стремились сорвать его стройку. Но завод заработал уже в 1929 г., а в 1932 г. дал нам металла в 33 раза больше, нежели дал в 1913 г. капиталистам. Руду мы научились обогащать и спекать перед плавкой в нужные куски, а фосфор извлекать и пускать на томасшлак —

удобрение, которое сыграет для южных полей ту же роль, что и хибинские апатиты для полей севера или центра: то, что при капитализме было злом, при социализме стало благом. А, кроме того, руда дает нам еще марганец и ванадий, так необходимый для производства автомобильной стали.

Основой комбината являются 3 его домны, а сердцем, приводящим в движение все рабочие органы — машины комбината — является электростанция. Она же освещает и город и завод. На заводе все механизировано и электрифицировано настолько, что его территорию называют «Америкой в Керчи».

Три основных сырьевых потока непрерывно текут к домнам: каменноугольный — из шахт Донбасса, железорудный — тут же из Нового Карантина, известняковый (флюсовый) — из Аджимушкай и Балаклавы. А от комбината чуть ли не во все концы Союза потоками и ручейками текут чугун, томасовская сталь, прокат, рельсы и балки, заготовки и части для тракторов, плиты и утюги, топоры и стамески и многое другое — всего в металле от 300 000 до 400 000 т в год. Идут томасшлак, марганец, ванадий.

Комбинат сосредоточил в себе 12 000 рабочих, тысячи служащих, инженеров и техников и оброс десятками обслуживающих предприятий: кооперативы и парикмахерские, пекарни и фабрика-кухня мощностью на 25 000 обедов, детские сады и ясли, клубы и кино, школы 1-й и 2-й ступеней, школы фабзавуча на тысячи учащихся — и при металлургическом заводе и при химкомбинате, и рабочие дома — целый городок одно-двух- и трехэтажных зданий со всеми удобствами культурного быта. Не все, однако, массы рабочих уместились здесь, и ими пока еще заполнены и все соседние пригородные слободки и колхозные деревни: Новый Карантин, Катерлез, Капканы, Аджимушкай. Как целебный цех Керченского завода развиваются курорт Старый Карантин и грязелечебница Чокракского озера.

Второй точкой полуострова, привлекающей сейчас внимание всего Союза, является *Камыш-Бурун* в 12 км к югу от Керчи — глубокая, никогда не замерзающая бухта, доступная и для океанских судов, а при ней колоссальное (430 млн. т) месторождение железа. Сейчас здесь, среди солончаков и голых камней, возле раскопанных стен древнего города Диа, уже высятся трехэтажные дома из железобетона и ракушечного камня, легли широкие улицы и площади, зеленеет парк культуры и отдыха, строятся школы, раздаются взрывы аммонала, слышен треск тракторов, громыханье экскаваторов, певучий гул электрических и телеграфных проводов, рожки грузовиков, свистки паровозов: вырастает новая крупная всесоюзная точка тяжелой индустрии. Строятся рудник-гигант на 17,8 млн. т в год железной сы-

рой руды, агломерационная и обогатительная фабрики, электростанция на 24 000 квт, железная дорога, грандиозный порт с железобетонной набережной, с молом и волнорезом до 1,5 км длиной, с механическими подъемниками и погрузателями руды, которая частью пойдет отсюда на питание домен вновь выстроенного мариупольского завода Азовсталь и других гигантов Юга, частью на экспорт, частью же на проектируемый гигант здесь же, в Камыш-Буруне, только еще больший, чем Войковский около Керчи. Возможно, руда пойдет еще и на намечаемый завод Сухумского побережья, откуда в обратном направлении пойдет в Камыш-Бурун т кварчельский уголь. Этим полностью разрешится задача бесперебойного подвоза морем угля и зимой.

Растет и сама Керчь. Заново перестроены все ее старые отрасли, бывшие когда-то основными. Создаются новые. Создается целый комплекс комбинатов.

И в первую очередь перестроено *рыбное хозяйство*, имеющее здесь давность тысячелетий (о чем говорят сохранившиеся каменные бассейны для солки рыбы). Рыбохозяйственная станция (лаборатория) указывает научные основы. Корабельные мастерские порта и новокарантинная судовой верфь дают парусно-моторные суда. Рыбаки Керчи и ее предместий, Новокарантинной и других слободок, а также рыбаки Еникале, Мамы и промыслов Чушской и Тузлинской кос объединены в рыболовецкие артели. Специальные рыбозаводы солят, сушат, коптят выловленную «жерченскую селедку» и прочую «частиковую» рыбу. Механизированные солепромысла Чокрака и Арабата дают рыбному хозяйству необходимую соль (излишки ее отправляются морем за пределы Крыма). Для снабжения тарой выстроен специальный бочарный завод и намечен подобный же новый, вдвое больших размеров. Для замораживания и хранения высокоценной экспортной рыбы (белуга, осетр) выстроен в районе порта огромный — на полторы тысячи тонн — холодильник. А рядом с ним, у широкого мола, по которому пролегали железнодорожные пути и к которому вплотную подошли и железнодорожный вокзал и каботажные суда, выстроен для обработки рыбы, овощей и плодов гигантский всесоюзного значения консервный завод, с новыми американскими автоматами для варки томатов (новый для Керчи вид продукции) и с мощностью, в десять раз превышающей мощность старого завода. На производство для этого завода консервных машин переключился Керченский машиностроительный завод, заново для этого перестроенный. Намечается стройкой новый грандиозный рыбный комбинат.

В районе же порта огромная, всесоюзного значения, фабрика перерабатывает местные крымские и привозные кавказские *табаки*. Она расширена, механизирована и электрифицирована,

каждые ее четыре гильзонабивные машины при одной работнице набивают в одну смену от 200 до 300 тысяч папирос.

Для очистки от семян хлопка Керченского полуострова и всего Крыма выстроен на западной окраине города хлопкоочистительный завод, отходы которого — семя — перерабатывают маслобойные заводы Керчи.

Для обслуживания новостроек и населения выстроены кирпичный завод, хлебозавод, фабрики макаронная и швейная, реконструированы мельницы и целый ряд предприятий промкооперации.

На глазах меняется и самая внешность города. Появляются новые дома и целые поселки для рабочих из новостроек. Только что закончен стройкой трамвай. Расширяются электросеть, водопровод, пробиваются новые фонтаны, а вокруг них разбиваются новые сады и парки. Озеленяются улицы и сама гора Митридат, доселе обнаженная и вся обожженная солнцем. За одну только весну 1935 г. посажено в Керчи до 5 000 деревьев, кроме кустарников.

И поразительно быстро, как ни в одном другом городе Крыма, растет здесь и городское население. Если за 30 лет до начала реконструкции (с 1897 до 1927 г.) население Керчи выросло всего лишь на 3%, то за последние 7 лет (с 1927 до 1935 г.) оно вместе с пригородами увеличилось в 2½ раза (с 34 000 в конце 1926 г. до 85 000 человек в 1933 г.).

Растет и все индустриальное окружение Керчи, метзавода и Камыш-Буруна. На севере, среди kloчущих грязей *Булганакских сопок*, выстроен *борный* завод, строится *иодный* на 60 т. На западе, у станции *Багерова*, выстроен *известковый* завод. На юге, у *Чукур-Коя*, появился *серный* завод. Идут работы по использованию нефти, газа, глауберовой соли, асфальта и многих других ископаемых. В *каменоломнях* Керчи, *Аджимушкая*, *Булганака*, *Багерова*, *Старого Карантина* и *Камыш-Буруна* кирка времен Митридата вытеснена *камнерезными* машинами (производства нового симферопольского завода «Индустрия»), а получаемый камень идет отсюда не только на новостройки Керчи и других городов Крыма, но и далеко за его пределы. В ногу с промышленностью стремится и *сельское хозяйство*, представляющее собой во многих случаях снабженческий цех заводов и фабрик Керчи. Оно коллективизировано и механизировано, получило специальную МТС, ввело новые культуры, органически срослось с фабриками и заводами. Так, например, комплексные животноводческие совхозы Багерова и Камыш-Буруна дают комбинатам металлургии зерно, мясо, овощи, молоко. Пригородный колхоз им. Сакко и Ванцетти, населенный итальянцами и внедривший во всем Керченском районе итальянские сухостойные

помидоры, вместе с рядом других колхозов и совхозов снабжает сырьем консервный и хлопкоочистительный заводы Керчи. Будет уничтожен и главный враг сельского и всего хозяйства Керченского полуострова — недостаток воды. Огромные массы воды — целый Гольфстрим — бросим мы сюда по гигантскому водопроводу через Босфор Киммерийский из Кубани, с Кавказа, где вода, не находя быстрого стока, сейчас только заболачивает Тамань и способствует развитию там малярии.

Так с изменением общественного строя изменяется и вся география и все лицо Керчи, всего Крыма, как и всего Союза. Меняются природные условия, быт, материальная и духовная культура.

Ответ. редакторы: *А. С. Добров и Н. И. Ляликов.*
Техн. редактор *Т. И. Бернштейн.*

Сдано в набор 2/IX 1935 г. Подписано к печати 19/XII 1935 г.
Формат 82×111₃₂. Тираж 30 000 экз.
Бум. Окуловской ф-ки № 2
Изд. л. 7¹/₂. Бум. л. 1⁷/₈. Авт. л. 10,36.
153 600 тип. зн. в бум. листе.

У-24 п. Учгиз № 7534. Зак. № 740.
Цена без переплета 1 р. 50 к.; переплет 30 коп.
Уполномоченный Главлита Б-14374.

---

17 ф-ка нац. книги Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига“.
Москва, Шлюзовая наб., д. № 10.

